

Вера Каттша

Дик Победы

Отблески Этерны

Вера Камша
Лик Победы

«Автор»

2005

Камша В. В.

Лик Победы / В. В. Камша — «Автор», 2005 — (Отблески
Этерны)

ISBN 978-5-699-12958-4

На дорогах Кэртианы – следы слепой подковы, но земным властителям не до древних пророчеств. Шаткий мир вот-вот сменит очередная война, в которой каждый хочет урвать кусок пожирнее. Фактический правитель королевства Талиг кардинал Сильвестр согласен платить за столь необходимый хлеб не золотом, а воинскими талантами маршала Алвы. Непревзойденный полководец скачет в осажденный Фельп, не дожидаясь медленно движущейся армии. За его спиной – подавленный бунт, впереди – новые сражения. Знает ли маршал, кто является самым грозным врагом Талига и его самого? Что ждет юного оруженосца Алвы, предавшего своего господина ради любви? Вернет ли выросший в изгнании Альдо Ракан трон предков и что выберет его лучший друг Робер Эпинэ – живую совесть или мертвую честь? Кому улыбнется Победа, а кого настигнет страшная всадница на пегой кобыле? Шар судеб стронулся с места, его не остановить...

ISBN 978-5-699-12958-4

© Камша В. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Синописис, или Что было раньше	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	81
Глава 12	88
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	98
Глава 1	98
Глава 2	107
Глава 3	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Вера КАМША ЛИК ПОБЕДЫ

Угрозам подчиняются только трусы.

И сдаются трусы. Такие, как вы...

Ответ Сальвадора Альенде на ультиматум генерала Пиночета

*Я хотел бы улыбнуться,
отдохнуть, домой вернуться.*

*Я хотел бы так немного —
то, что есть почти у всех.*

*Но что мне просить у Бога,
и бессмыслища, и грех.*

Г. Иванов

Синописис, или Что было раньше

1

Весной 392 круга Скал¹ владетель Надора герцог Эгмонт Окделл поднял восстание против короля Фердинанда Второго. Восстание поддержал и глава дома Молний Анри-Гийом Эпинэ, но, поскольку сам герцог был стар и нездоров, его место в рядах восставших занял единственный сын и наследник Морис Эр-При и четверо внуков – Арсен, Мишель, Робер и Серж. Восставшие рассчитывали продержаться до подхода из Каданы и Гаунау союзных армий, но их планы сорвал маршал Рокэ Алва, прозванный Кэналлийским Вороном. Алве не было и тридцати, но на его счету числилось несколько блестящих побед. Маршал решился на беспрецедентный марш через считающиеся непроходимыми топи Ренквахи и вышел повстанцам в тыл.

Армия Окделла была разбита, а сам Эгмонт плену и казни предпочел быструю смерть. Он принял вызов Алвы, почитавшегося лучшим фехтовальщиком Талига, и был убит в поединке. Конница Эпинэ попыталась сдержать королевские войска, но была разгромлена. Морис Эр-При и трое его сыновей погибли, уцелел только Робер, хоть и был тяжело ранен. Последнего внука герцога Эпинэ вывезли в Агарис, где он обрел приют в доме принца Альдо Ракана и его бабушки Матильды, урожденной алатской принцессы, наперекор воле родных связавшей свою судьбу с изгнанником.

После разгрома восстания и суда над захваченными с оружием в руках мятежниками в Талиге установилось относительное спокойствие, нарушаемое лишь привычными военными действиями в Торке и Северной Придде. Фактический правитель Талига кардинал Сильвестр обошелся с восставшими графствами сравнительно мягко, ограничившись введением войск, повышением налогов и помещением семей мятежников под домашний арест.

Летом 397 года единственному сыну герцога Эгмонта Ричарду исполнилось шестнадцать. Согласно Уложению Франциска юному герцогу надлежало пройти обучение в Лаик, королевской школе оруженосцев, после чего поступить на службу к одному из Лучших Людей Талига.

¹ Сведения по летосчислению, истории и географии Талига, а также расшифровка некоторых терминов находятся в приложениях в конце книги.

Кардинал решил не нарушать традицию, но позаботился о том, чтобы Ричард, выйдя из Лаик, не нашел себе покровителя и бесславно вернулся в Надор.

Недвусмысленное предупреждение вынудило тайных противников Олларов во главе с канцильером Августом Штанцлером отвернуться от юного Окделла, но юношу взял к себе Рокэ Алва, ставший к этому времени Первым маршалом Талига. Растерявшийся Ричард дал присягу убийце отца. На первый взгляд служба казалась нетрудной: Ворон не предъявлял молодому человеку никаких требований, и юноша оказался предоставлен самому себе.

Жизнь в столице оказалась опасной и исполненной ловушек. Однажды на возвращавшегося с петушиных боев Ричарда напали разбойники. Молодой человек спасся лишь благодаря вмешательству неизвестного стрелка. Затем юноша был втянут в игру и проиграл все наличные деньги, лошадь и фамильное кольцо. Ричард был в отчаянье, но его выручил герцог Алва. Перстень и конь вернулись к хозяину, но заступничество Рокэ вызвало неудовольствие опекающего Окделла канцильера.

Август Штанцлер предостерег Ричарда от чрезмерного сближения с Рокэ, рассказав ему о судьбе наследника дома Приддов, убитого собственной семьей за любовную связь с маршалом. Умоляет об осторожности и королева Катарина, в которую Дик влюбился со всем пылом молодой души. Ричард обещает и незамедлительно ввязывается в ссору со своим врагом по Лаик Эстебаном Колиньяром и шестью его приятелями.

Дуэль назначена, условия оговорены, герцог Окделл не сомневается, что его убьют, но о поединке узнает Ворон. Герцог пользуется правом любого дворянина поддержать заведомо слабейшую сторону и становится рядом со своим оруженосцем. Эстебан убит на месте, остальные в ужасе разбегаются, а растерявшийся Ричард не находит ничего лучшего, чем бросить своему спасителю вызов. Тот согласен драться, но с условием – сначала он лично обучит будущего противника обращению со шпагой.

Уроки прерывает война. Дикое бириские племена вторгаются в Варасту, провинцию, снабжающую хлебом весь Талиг. Политики не сомневаются, что издавна промышленяющих разбоем бириссцев натравил на Талиг казар Кагеты Адгемар. Но кто стоит за ним? Большинство сходятся на том, что Адгемару платит Гайифа или Дриксен, однако интрига гораздо тоньше и неожиданней.

Прозябавший в Агарисе принц Ракан оказался в центре внимания гоганов – таинственного народа торговцев и мудрецов, по слухам, владеющего собственной магией. Гоганы предложили Альдо трон Талига в обмен на то, что они называют «первородством», фамильные реликвии и доступ в покинутую столицу Золотой Анаксии. Готовый на все, лишь бы вырваться из агарисского болота, принц согласился, и договор был скреплен магическим ритуалом, в котором со стороны гоганов участвовала девушка Мэллит. По утверждению гоганов, Мэллит стала щитом, призванным прикрыть Альдо от любых магических ударов.

Присутствовавший при ритуале Робер Эпинэ был поражен красотой и нежностью Мэллит и полюбил ее с первого взгляда, но девушка отдала свое сердце Альдо. Ради «Первородного» она готова на все. Роберу больно за Мэллит, чья любовь не встречает ответа. Вызывает тревогу и внимание к Альдо Ракану со стороны церковного ордена Истины. Известные своим фанатизмом «истинники» обещают принцу то же, что и гоганы, причем на тех же условиях. Альдо соглашается, считая, что сможет обмануть своих союзников, но у Робера политические способности сюзерена вызывают серьезные сомнения. Тем не менее Эпинэ остается лишь плыть по течению. Он покидает Агарис и отправляется в Кагету с поручением к казару Адгемару. Именно гоганы заплатили правителю Кагеты за разорение Варасты, рассчитывая, что голод и неизбежные волнения подорвут власть Олларов.

Известия о набегах достигают столицы Талига. Мнения Лучших Людей разделяются. Одни требуют бросить на бириссцев армию, другие полагают, что партизанскую войну выиг-

рать невозможно, тем более что Золотой Договор запрещает переносить боевые действия в нейтральную Сагранну.

Кардинал Сильвестр решает оставить Варасту, создав оборонительный рубеж по западному берегу реки Рассанны. Да, какое-то время придется закупать хлеб у фельпских торговцев, а хлынувших во внутренний Талиг беженцев придется чем-то занять, но это меньшее из зол в сравнении с заведомо проигрышной затяжной войной. Заготовлен указ об отступлении, но на Совете Меча случается неожиданное. Фердинанд Второй, которого кардинал считает послушной марионеткой, проявляет самостоятельность – он не желает бросать своих подданных в беде.

Короля поддерживают королева, канцильер и их сторонники. Когда герцог Придд предлагает отправить в Варасту Рокэ Алву, дав ему полномочия Проэмперадора, Сильвестр понимает, что это заговор против Первого маршала: Проэмперадор наделяется королевскими полномочиями, но Проэмперадора, не справившегося с поручением, ждет казнь. Замысел Штанцлера очевиден, но Рокэ Алва принимает вызов. Кардинал пытается образумить маршала, но тот в ответ лишь смеется и обещает унять бириссцев, не нарушив при этом Золотого Договора.

В очередной раз преступив считавшиеся незыблемыми законы стратегии и тактики, Ворон выходит к Сагранским горам. Рядом с маршалом неотлучно находится и его оруженосец. С помощью варастийских ополченцев Алва заключает военный и политический союз с пастушеским племенем бакранов, изгнанным с родных мест воинственными бириссцами. С помощью новых союзников Алва овладевает считавшейся неприступной крепостью Барсовы Врата. Путь в Кагету открыт!

Получив ультиматум, подписанный королем никому не известного государства Бакрия, Адгемар собирает на Дарамском поле огромное войско. У прозванного за изворотливость Белым Лисом казара свой расчет: он хочет избавиться от местных феодалов-казаронов и стать единоличным хозяином Кагеты.

Робер Эпинэ тоже оказывается у Дарамы. Открытый и общительный, он нашел себе друзей не только среди кагетов, но и среди держащихся особняком бириссцев. Эпинэ тяжело сражаться против своих соотечественников, он все сильнее ощущает себя предателем Талига, но от душевных терзаний его избавляет перелом в ходе военной кампании. Рокэ Алва, используя неожиданные тактические приемы и бездействие бирисской гвардии Адгемара, наголову разбивает казаронское ополчение. Теперь игра идет всерьез. У казара – все еще значительный численный перевес, у Рокэ – тонкий расчет, помноженный на отчаянную смелость и вошедшую в поговорку везучесть. Адгемар разбит и бежит, но поставленная перед Проэмперадором задача – обезопасить житницу Талига – еще не выполнена. Бириссцы будут продолжать свои набеги, хотя бы для того, чтобы доказать подписавшим Золотой Договор державам, что Адгемар не является их хозяином и, следовательно, не несет ответственности за развязанную войну.

Казалось бы, положение безвыходное, но Ворон решает и эту задачу. Он взрывает берег одного из горных озер, и рукотворный сель сметает расположенные в долине реки Биры бирисские селения. Следующим шагом Алвы становится очередной ультиматум: если казар его не примет, следующий сель сметет столицу Кагеты.

Адгемар соглашается на все условия. Временно. Пока будут идти переговоры, он обратится за помощью к старым соперникам Талига – кесарии Дриксен и Гайифской империи, обвинив Талиг в нарушении договора. Разослав гонцов, Адгемар отправляется к месту встречи. Вместе с ним едет Робер Эпинэ, ради новых друзей согласившийся принять вину за набеги на себя. Талигоец не знает, что его жертва напрасна.

Озабоченный собственной безопасностью и устранением возможных конкурентов, Адгемар отдает приказ убить друзей Робера – бириссца Мильжу и молодого кагетского военачальника Луллака. Их головы торжественно вручаются Рокэ, но Ворон в очередной раз препод-

носит сюрприз. Он объявляет, что является всего лишь командующим армией, исполняющей свой союзнический долг, а настоящим победителем является король Великой Бакрии Бакна Первый – бывший старейшина пастушеской деревни.

Именно Бакне по закону гор предстоит решить судьбу Робера. Приговор прост – суд богов. Если обвинитель одним выстрелом собьет с головы Робера священный плод, тот невинен. Обвинителем выступает Алва, разрядивший пистолет со словами «да свершится чья-нибудь воля». Робер Эпинэ невредим, казар Адгемар убит на месте. Потрясенный случившимся сын Адгемара подписывает мирный договор с Бакрией и Талигом, где признает ответственность Кагеты за нападения бириссцев и обязуется возместить Талигу нанесенный ущерб.

Армия Рокэ возвращается в Талиг. Герцог намерен зимовать в Варасте, но дурная примета заставляет его в очередной раз бросить вызов судьбе. Алва и Ричард отправляются в Олларию. Робер Эпинэ возвращается в Агарис к Альдо Ракану.

2

В столицу Ричард Окделл вернулся в безмятежно-радостном настроении. Ему казалось, что одержана победа не только над Кагетой и бириссцами, но и над враждой. Юноша хотел, чтобы все близкие ему люди – королева, кансильер и маршал – поняли друг друга и помирились. И, казалось, так оно и есть. Во время триумфального шествия и праздничной церемонии все казались довольными и счастливыми. Празднество не испортило даже странное атмосферное явление – на небе вспыхнуло сразу несколько солнц, и случилось это как раз в тот момент, когда Рокэ Алва принял из рук короля меч Раканов – реликвию, хранившуюся во дворце с момента переноса столицы из Гальтары в Кабитэлу, позже переименованную в Олларию.

Странный закат не испугал ни маршала, ни его оруженосца, но на пути из дворца домой Рокэ поджидала засада. Маршал заметил горящий фитиль, и покушение сорвалось. Ричард не сомневался, что стреляли в Алву, но кансильер счел, что нападение было разыграно, и его подстроил кардинал, дабы иметь повод развязать охоту за политическими противниками. Алва придерживался другого мнения, будучи уверен, что целью стрелявшего был Ричард, тем более это покушение не было первым.

Сильвестр свою причастность к этой истории отрицает. В данный момент кардинал Талига, как ни странно, озабочен не политикой, а странными вещами, происходящими в Талиге; вещами, которым нет рационального объяснения. Он расспрашивает Ворона о его поездке в Гальтару, старинных книгах и хранящейся в Кэналлоа картине, где, по мнению эсператистских клириков, изображен Враг. Герцог обещает разузнать все, что может, ведь он в любом случае собирается в Кэналлоа. Оруженосца же отошлет до лета в Надор.

И Алва и Сильвестр полагают, что убийцы, скорее всего, принадлежат к противникам Олларов и не рискнут тронуть юношу в родном доме. Ричард возвращается в отчий дом, но после столицы старый замок кажется юноше склепом. Особенно трудно дается общение с окаменевшей в своей ненависти к Алве, Олларам и Сильвестру матерью, зато лучшим другом и внимательнейшей слушательницей Ричарда становится его сестра Айрис. Девушка с детства просватана за Альдо Ракана, но ничего об этом не знает, а восторженные рассказы брата пробуждают в ней интерес к Ворону.

Будучи по натуре бунтаркой, Айрис то и дело перечит матери. Взрыв становится неизбежным, когда вдовствующая герцогиня узнает, что лошадь, которую привез Ричард, подарок Рокэ. Мать требует отослать коня, дочь не соглашается, Ричард принимает сторону сестры. Масла в огонь подливает неожиданная смерть лошади. Айрис и Дик не сомневаются, что конь отравлен по приказу герцогини. Юноша понимает, что больше не может оставаться в Надоре, и покидает замок, пообещав сестре вскоре забрать ее к себе.

Ричард возвращается в столицу задолго до назначенного срока. Рокэ еще не вернулся из Кэналлоа, и молодой человек от скуки забредает на религиозный диспут между епископом Олларию Авниром и эсператистом Оноре. Ричарду невдомек, что диспут должен закончиться примирением между двумя Церквями: новый Эсператор предложил выслать из Агариса Раканов в обмен на открытие в Талиге нескольких эсператистских храмов.

Сильвестр счел предложение разумным, тем более епископ Оноре произвел впечатление человека порядочного, глубоко верующего и вместе с тем разумного. Было решено во время диспута подвести слушателей к мысли, что различия между двумя церквями не столь уж и велики и все, в сущности, поклоняются одному Создателю и ждут Его возвращения.

Примирению помешала внезапная болезнь Сильвестра, в результате которой оппонентом Оноре оказался Авнир – ограниченный фанатик, мечтающий выжечь каленым железом эсператистскую ересь. Оноре, как мог, придерживался оговоренной линии, но, когда это стало невозможно, дал Авниру резкий отпор. Диспут завершился победой Оноре, которого на выходе из дискуссионного зала окружило множество людей, среди которых оказался и Ричард. Епископ принял исповедь юноши, где тот признал, что не испытывает ненависти к убийце отца. Оноре отпустил Окделлу грехи, посоветовав и впредь слушать свое сердце, ибо ненависть – порождение Чужого.

Проигравший спор Авнир и его сторонники из Лиги святого Франциска затаили злобу на Оноре, а на следующее утро стало известно, что дети, которых благословил заезжий епископ, скончались в страшных мучениях. Предводительствуемые Авниром лигисты объявили Оноре отравителем и при полном бездействии городской стражи бросились громить тех, кого объявили «тайными эсператистами». Оноре и два его спутника нашли убежище у Ричарда, укрывшего их в особняке Алвы, о чем стало известно лигистам. Юноша оказался перед нелегким выбором – выдать своих гостей или принять неравный бой, но его спасло неожиданное возвращение Рокэ. Герцог прикончил выстрелом из пистолета вожака погромщиков, остальные разбежались.

Оноре и Ричард умоляли Алву вмешаться и остановить разгорающуюся резню, но Ворон в присущей ему манере отказался, тайно послав за подкреплением к стоящему за городом генералу Савиньяку. Алва начал действовать лишь поздно вечером, начав с отстранения от должности коменданта столицы графа Килеана-ур-Ломбаха. Ворон нанес удар по эпицентрам мятежа, разгромив и Лигу, и примкнувших к погромам бандитов со Двора Висельников. Епископ Авнир нашел смерть в горящем доме, в столице воцарилось спокойствие, а в королевском дворце принялись искать виновных.

Кансилльер заявил, что комендант Олларию заперся в казармах и не принял надлежащих мер потому, что епископ Авнир вручил ему приказ кардинала. Штанцлер настаивал, что записку написал Сильвестр, однако нажимал на то, что Авнир очень своевременно скончался. В ответ Алва бросил на стол черновики злополучного письма, найденные им в особняке графа Ариго.

Разгневанный король приказывает арестовать братьев Ариго и Килеана. Новым комендантом столицы становится бывший капитан Личной королевской охраны Лионель Савиньяк, а его брат-близнец Эмиль получает под командование Южную армию.

Ричард вновь оказывается между двух огней. Он восхищается Алвой, но ему безумно жаль королеву, оказавшуюся в опасности по глупости собственных братьев. Штанцлер объясняет юноше, что, если б Алва не выжидал, жертв было бы намного меньше. Ричард не знает, кому верить, а судьба подбрасывает юноше все новые испытания. Сначала он узнает, что за ним идет охота, и он несколько раз чудом избежал смерти, затем, разыскивая Алву по срочному делу, он застаёт его в будуаре королевы в весьма недвусмысленной ситуации, и, наконец, Август Штанцлер показывает Ричарду список людей, которых кардинал обрек на смерть, и первой в списке идет королева.

Кансильер объясняет Окделлу, что спасти ее величество и других приговоренных можно, лишь убив Алву. Пока Ворон жив, Сильвестр неуязвим, ведь никто не решится вмешиваться в дела страны, на страже которой стоит полководец, способный разбить десятикратно превосходящего противника.

Сначала Ричард отказывается, но потом, сраженный доводами Штанцлера, берет кольцо с ядом, некогда принадлежавшее герцогам Эпинэ. Юноше удается подсыпать отраву в вино, но Ворон как-то догадывается о происходящем. Он спокойно выпивает бокал с ядом, а затем предлагает Ричарду выпить вместе с ним. Юноша с благодарностью хватается за это предложение: пусть все будет не убийством, а дуэлью, в которой погибают оба участника, ведь он вызвал Алву, и тот принял вызов.

Ричард поднимает бокал, но герцог не дает оруженосцу выпить. Поняв, что Алва все знает, юноша бросается на него с кинжалом, но силы слишком неравны. Ричард Окделл обезоружен, связан, брошен в карету и под конвоем увезен в неизвестном направлении. Ему остается только гадать о собственной судьбе и сходить с ума от страха за Катарину и Штанцлера, ведь яд должен подействовать лишь через сутки.

На следующее утро вернувшийся из отцовских владений в столицу виконт Валме по дороге во дворец встречает Первого маршала. Тот предлагает Валме присоединиться к нему. Известный на всю Олларию кутила и дамский угодник с восторгом соглашается, предвкушая скандальное приключение, но действительность многократно превосходит воображение.

Ворон целенаправленно нарывается на ссору со Штанцлером и его сторонниками, а те, как ни странно, принимают вызов. Условия дуэли определяет оскорбленная сторона, каковой являются брат герцога Придда и только что выпущенные из крепости Килеан-ур-Ломбах и братья Ариго. Они настаивают на поединке до смерти, Алва соглашается. Дуэль назначена в аббатстве Ноха на следующее утро.

Марсель вместе со вторым секундантом Алвы, Леонардом Манриком, является в условленное время и находит лишь противников и их секундантов. Алва задерживается, известный своей трусостью Иорам Ариго начинает на сей счет иронизировать. Марсель объясняет непривычную смелость Ариго тем, что об отсутствии Ворона противникам известно больше, чем секундантам, и заявляет, что, если герцог не появится, он готов его заменить. Но Алва появляется.

Секунданты предлагают помириться или изменить условия дуэли, Ворон непреклонен – все решено еще вчера. Порядок поединков определяют жребием. Придда Алва убивает сразу, но с Ги Ариго и Килеаном-ур-Ломбахом затевает жестокую игру. Иорам Ариго, пытается спастись бегством и получает пулю в спину, после чего Ворон как ни в чем не бывало приглашает присутствующих на завтрак к Штанцлеру. К этому моменту никто не сомневается, что по крайней мере трое из четверых противников Ворона думали, что он не придет.

Ощущение, что их впутали в грязную историю, вынуждает секундантов погибших отправиться с Алвой. Штанцлер поражен появлением гостей, но изо всех сил старается сохранить лицо. Это ему почти удается, но тут Рокэ, затеявший разговор о кэналлийских винах, снимает перчатку, и Штанцлер видит на руке герцога кольцо, которое несколько дней назад он дал Ричарду.

Алва отсылает слугу, сам разливает вино и подносит кансильеру, тот отказывается пить, затем опрокидывает кубок, но Ворон его наполняет вновь. Под дулом пистолета Август Штанцлер выпивает вино. Первый маршал Талига смеется ему в лицо и уходит.

Кардинал узнает об исходе дуэли во время беседы с послом Ургота, который предлагает выгодную сделку. После гибели прошлогоднего урожая и разгрома продовольственных складов у Талига возникли трудности с хлебом, а иноземные негоцианты взвинтили цены. Правитель Ургота герцог Фома готов предоставить Фердинанду Оллари и золото, и хлеб. В обмен на армию и шпагу Рокэ Алвы.

Урготу и союзному с ним вольному городу Фельпу угрожает объединенная гайифско-бордонская армия. Положение настолько тревожное, что обычно скупой Фома готов на любую цену. Сильвестр с радостью соглашается, поскольку предложение урготов позволяет убить сразу двух зайцев. Во-первых решить финансовую и продовольственную проблему, а во-вторых расчистить Рокэ путь к трону.

Последние события и состояние собственного здоровья привели кардинала к невеселому выводу о том, что он не вечен, а Талиг нуждается в сильном и умном короле или, на худой конец, регенте. По никем не отмененному завещанию Франциска Первого Оллара в случае пресечения династии на трон должны взойти потомки пасынка Франциска, то есть герцоги Алва.

Между Рокэ и тронном стоит только Фердинанд и его малолетний сын Карл, про которого говорят, что на самом деле он сын королевы от Ворона. Этого достаточно, чтобы возвести Алву на престол, но Первый маршал не поднимет руку на короля. Кардинал решает действовать в отсутствие Алвы. Воду на мельницу Сильвестра льет и бегство Штанцлера, исчезнувшего прямо из дворца, куда его доставил Леонард Манрик.

Его высокопреосвященство отправляется к Алве и застаёт его в сильном подпитии. Тем не менее Ворон в состоянии оценить ситуацию и обещает Сильвестру решить урготские проблемы. На вопросы об оруженосце маршал предпочитает не отвечать, зато упоминает о каких-то ли условиях, то ли знаменьях, совершенно непонятных его высокопреосвященству. Кардинал уходит в твердой уверенности, что за интересом Алвы к делам давно минувших дней что-то скрывается.

А вот Ричарду Окделлу не до старых тайн. Измученный неизвестностью юноша гадает о собственной участи, выдумывая всяческие пытки и казни, но страхи оказываются ложными. Кэналлийцы всего-навсего доставили Ричарда к алатской границе, вручили ему подписанное Алвой письмо-пропуск, лошадь, кошелек и запечатанный пакет, который надлежит вскрыть в городе Крионе, после чего выдворили из страны.

Покидая Талиг, Ричард и помыслить не мог, что в это время его сестра подъезжает к Оллари. Айрис не стала ждать приглашения и сбежала к брату, но нашла только Ворона и решившего отправиться на войну вместе с герцогом Марсея Валме. Рокэ сообщил девушке, что Ричард отсутствует и будет отсутствовать долго.

Айрис предстоит позорное возвращение в Надор, но Ворону приходит в голову определить незваную гостью ко двору, обеспечив деньгами и дуэньей. На роль последней определяют мать нового порученца Алвы Герарда Арамоны. Ворон не мог и вообразить, сколь удачен его выбор. Вдова капитана Лаик и внебрачная дочь одного из вельмож унаследовала от отца некачественную внешность и острый ум. Разумеется, никто не знает, что кривоногая капитанша многие годы тайно влюблена в красавца-маршала и готова на все, чтобы быть ему хоть чем-нибудь полезной.

Через кардинала Алва добывает для девицы Окделл, Луизы Арамоны и ее старшей дочери Селины приглашения ко двору ее величества, заодно сообщив кардиналу, что намерен обогнать медленно движущуюся армию и появиться в Урготе раньше, чем рассчитывают и союзники, и враги.

Предстоит дорога и Роберу Эпинэ. Брат Матильды Ракан, великий герцог Алата Альберт, просит блудную сестру вернуться домой, и ненавидящая Агарис и соратников покойного мужа Матильда соглашается. Согласен и Альдо, решивший в обход гоганов и «истинников» добраться до Гальтары, расположенной не столь далеко от алатско-талигойской границы. Роберу мучительно не хочется расставаться с Мэллит, но, когда отъезд уже решен, в доме девушки происходит несчастье. Неизвестная сила уничтожает алтарь, на котором была скреплена клятва гоганов и Альдо Ракана. Все родные Мэллит погибли, а ее спасло лишь странное желание, вынудившее девушку среди ночи покинуть спящий дом. Лишившаяся семьи гоганни

прибежала к Альдо, и принц взял ее с собой в Алат. Мэллит переодели мальчиком, но Матильда раскрыла немудреный обман и объявила осиротевшую девушку своей воспитанницей.

Караван вдовствующей принцессы вышел из Агариса в тот самый день, когда Рокэ Алва с небольшим отрядом покинул Олларию. Никто из занятых войнами и интригами людей не думал, что скоро их нынешние заботы покажутся пустыми игрушками. До конца Эпохи Скал остается менее полутора лет, а Излом Эпох в Кэртиане всегда сопровождается потрясениями и катастрофами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«МАГ»²

Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться.

Франсуа де Ларошфуко.

Глава 1

УРГОТ И КРИОН

«Le Un des Bâtons & Le Cinq des Bâtons & Le Valet des Êpêes»³

1

Триада! Марсель Валме, не веря собственным глазам, воззрился на выпавшие карты. Закатные твари! Триада, в первый раз в жизни! Виконт с нежностью взглянул на соперника и твердо сказал:

– Удваиваю!

– Сударь!.. Сударь... Четыре часа!

Валме с трудом приподнял голову, пытаясь понять, на каком он свете и что за мерзавец к нему пристаёт.

– Сударь, вставайте... Выезжаем.

Герард! Проклятье, и что только нужно этому щенку? Виконт с тоской глянул на окно, за которым нагло сияла толстомордая луна. Ночью приличные люди или играют и пьют, или любят своих дам. На худой конец спят, а тут! Вставать, одеваться, куда-то ехать...

– Сейчас, – Марсель зевнул и уткнулся в подушку.

– Сударь, не засыпайте... Монсьеор ждет...

Леворукий бы побрал Ворона! И его оруженосца заодно, то есть не оруженосца, а порученца... Вот уж где свила гнездо исполнительность! Виконт понял, что спать ему больше не придется, и сел на кровати. Четыре часа утра! Кошмар! Ложиться Марселю доводилось и позже, но вставать?! Несчастный потянулся к разбросанной одежде, с тоской глядя, как его мучитель приводит в порядок бритвенный прибор. Чудовище! Старательное малолетнее чудовище...

– Герард, неужели нельзя хоть раз выспаться?

– Но, сударь, – воистину сей молодой человек уморит кого угодно, – ехать днем слишком жарко.

² Высший аркан Таро «Маг» означает Личность. Это воля к поступку, самовыражение, индивидуальность, мудрость, тирания, злоупотребление властью. Это человек, обладающий во всей полноте физическими и духовными способностями. Карта означает, что некто достиг желаемого в подвластных ему пределах. П.К. (перевернутая карта) остается благоприятной. Ситуация под контролем, будущее в ваших руках. Может означать неуверенность в себе, но напрасно. Не откладывайте на потом важное дело.

³ Туз Посохов, Пятерка Посохов и Паж Мечей. Значения Младших арканов Таро приведены в приложении.

– Ну и ехали бы ночью, – Марселя разобрало желание поворчать, – зато вставали бы как люди.

– Мы же спешим, – напомнил Герард Арамона и утешил: – Зато с полудня до шести будет привал.

– До полудня дожить надо, – простонал Валме, принимаясь за бритье. А ведь он мог остаться в Олларии, спать в своей постели... Или не в своей, но спать! В столице были Марианна, цирюльники, портные, карты, вино, а тут... Десять дней в седле! Рокэ и его головорезы железные, но мальчишка! На него к вечеру смотреть жалко, а терпит. И еще жара эта...

Марсель с отвращением провел рукой по взлохмаченным волосам и принялся одеваться. Первые два дня он еще старался выглядеть дворянином, но Ворон гнал свой отряд безо всякой жалости, и Валме сдался, прекратив завиваться и сменив приличествующий его положению костюм на кэналлийские тряпки. Правда, выглядел он в них не так уж и плохо, и все равно известному своей изысканностью кавалеру неприлично путешествовать без камзола и с разбойничьей косынкой на голове.

Виконт с сожалением оглянулся на покинутую кровать и спустился в общий зал, где получил свою долю холодного мяса и вчерашнего хлеба. То, что шадди не дождешься, было столь же очевидно, как и то, что вечером не будет вина. Первый изверг Талига заявил, что до Фельпа о выпивке нужно забыть! О выпивке, о женщинах, о сне... Война еще и не думала начинаться, а сколько трудностей!

Когда Валме проглотил то, что называлось завтраком, Ворон был уже в седле. Возле маршала крутились варастильцы и неизбежный Герард. Марсель героически пожелал всем доброго утра, Рокэ рассеянно кивнул: он отнюдь не казался сонным, но пускаться в светские разговоры не собирался. Виконт мысленно воззвал к Разрубленному Змею, забрался на коня и покинул городок, имя которого тут же забыл.

Копыта монотонно били по пыльной дороге, всадники молчали, и Валме сильно подозревал, что кэналлийцы и варастильцы просто-напросто дремлют. Сам Марсель спать в седле не умел, а жаль!

Несмотря на ночь, которую только Алва мог обозвать утром, было жарко, и виконт старался не думать о том, что их ожидает к полудню. Маршал вел отряд, чередуя кентер и рысь; вдоль дороги тянулись живые изгороди, за которыми расстилались пастбища. Иногда из-за темной колючей стены доносилось мирное сонное блеянье, и Марсель впервые в жизни подумал, что быть овцой не так уж плохо.

Алва обещал к полудню добраться до Эр-При. Там можно будет что-то съесть и проспаться до вечера. Из Эр-При до Ургота рукой подать, то-то Фома удивится! Он ждет Ворона с армией к концу лета, а он тут как тут. Правда, без войска. Марсель так и не понял, есть ли у Рокэ план и за какими кошками он спешит, как какой-то курьер. Поход оказался не таким приятным, как думалось, но Марсель жалел о принятом решении, только когда его будили. Мужчина, не побывавший на войне, мужчина лишь наполовину! К тому же виконт надеялся, что отец зачтет воинские подвиги за исполнение сыновнего долга и можно будет увильнуть от очередного посещения отчего дома. Почтительный сын принялся сочинять письмо дражайшему родителю, но тут Рокэ осадил коня и поднес руку ко лбу, вглядываясь в сумеречную даль. Виконт проследил за взглядом маршала и присвистнул – к ним на рысях приближалось десятка полтора конных. Марсель счел это поводом для разговора и подъехал к Ворону.

– Кому-то не спится.

– Будем надеяться, урготам. Лучшего места для встречи не придумаешь.

– Урготам? – не понял Валме.

– Виконт, – вздохнул Рокэ, – вам ли не помнить, какой сейчас час? Эти люди спешат. На купцов и погонщиков они не похожи, а на гонцов – очень даже. В Эр-При вряд ли случилось что-то важное, а Ургот и Фельп ждут нападения. Ваши выводы?

Ответить Марсель не успел – Алва пришпорил полумориска, кэналлийцы и варастийцы последовали примеру вожака. Гонцы, если это и вправду были гонцы, смешались, явно не зная, что делать: бежать, драться или разговаривать. Их можно было понять – на встречу с Вороном они вряд ли рассчитывали: по всем воинским законам Первый маршал Талига должен быть при армии, которая хорошо если выползла из Оллари. И это не говоря о том, что завязанная под грудью рубаха, черная косынка и метательные ножи превратили герцога в сущего разбойника.

Всадники, однако, пришли к какому-то решению. От общей кучи отделился один и медленно поехал вперед. Еще пятеро выстроились в ряд и подняли мушкеты, недвусмысленно показывая, что намерены защищать парламентаря.

– Какая прелесть, – заметил Ворон. – Валме, прошу со мной.

Герцог лениво шевельнул поводом, Марсель, предвкушая роскошный разговор, скопировал движение маршала. Все-таки герцог – аристократ до мозга костей, какая небрежность и вместе с тем какое изящество!

Всадники съехались у облезлого деревца, с которого сорвалась недовольная птица. Чужак и вправду оказался в мундире, но урготском или нет, виконт не разобрал. Парламентар открыл рот, собираясь что-то сказать, но Алва его опередил.

– Итак, бордоны расколотили флот славного города Фельпа.

– Сударь, – офицер производил впечатление человека, которому только что дали по голове, – вы... Откуда вы знаете?! Нас никто не мог опередить!

– Успокойтесь, вы первые. Так как прошла битва?

– С... с кем имею честь?

– Рокэ Алва, – охотно представился Ворон, – он же Первый маршал Талига и властитель Кэналлоа, но последнее в нашем случае несущественно.

– Монсеньор... – гонец чуть было не упал в обморок, но передумал. Окажись перед урготом Леворукий со всеми своими кошками, и то бедняга вряд ли был бы потрясен сильнее. Тем не менее офицер поверил, кто перед ним, немедленно и безоговорочно. Алва улыбнулся:

– Вы удивлены?

– Монсеньор, мы не ждали вас так скоро... Ваше появление – такая неожиданность.

– Разумеется, – согласился Ворон, – если едешь на войну, постарайся обогнать шпионов.

– Но... Монсеньор... Где же ваша армия?

– Армия подойдет, – махнул рукой Рокэ, – а флот приплывет. К концу лета.

Валме едва сдержал хохот, вспомнив, как задал тот же вопрос в Летнем лагере и в ответ услышал, что армия, конечно, выступит, но уважающий себя полководец в случае необходимости обойдется и без оной.

– О, – несчастный офицер смотрел на Ворона, как на багряноземельского крокодила, – разумеется... Это такая честь... Но... Вас так мало...

– Любезный, – Алву урготское бляенье откровенно забавляло, – армия – вещь полезная, но медленная. Пока ее нет, обойдемся тем, что есть. Так что же все-таки осталось от фельпского флота?

– Восемнадцать галер. Джильди застали врасплох... Бордоны привели сотню вымпелов, из них десять галеасов, а у Джильди были только галеры... Двадцать тысяч «павлинов»⁴ и десять тысяч бордонов высадились в бухте... Монсеньор, кто вам сообщил?

– Убийцы.

– Монсеньор?! – офицер уставился на Рокэ с таким ужасом, что Валме пожалел несчастного. Ничего, Фома еще узнает, что такое Ворон. Перья «павлину» он, конечно, выдерет, но для начала отделает союзничков.

⁴ «Павлины» – презрительное прозвище гайифцев. На гербе Гайифы изображен павлин в венке из золотых роз.

Рокэ сжалился над урготом. Или не сжалился, а решил проверить, как действуют его откровения на незнакомцев.

– Меня, как вы знаете, – Первый маршал Талига был сама куртуазность, – не одобряют многие, но убивают далеко не каждый день. Если меня пытаются прикончить, значит, я кому-то мешаю. В данном случае я мешал Бордону, а значит – Гайифе. Ваш Фома жаден, как сто гоганов: прежде чем купить мою шпагу, он долго страдал. «Павлины» догадались, в чем дело, и приняли меры, вернее, попытались принять, а кто-то из академиков подметил, что каждое действие рождает противодействие. Короче, господа, мы едем в Фельп.

– Но... – дернулся гонец, – я еду в Талиг.

– А поедете с нами. Как, кстати, вас называть?

– Капитан Финелли. Бенито Финелли. Я – патриций Фельпа на службе герцога Урготского.

– А это – виконт Валме, он вас развлечет. Прикажете своим людям занять место в строю.

2

Ричард Окделл осадил мориску и огляделся. Вокруг было очень мирно и очень сонно: тонущие в зелени домики, дремотные улочки, пологая гора, на которой возвышалась обитель. Из уроков землеописания Дик знал, что Крион славен фруктовыми садами, монастырем Святого Танкреда и осенней ярмаркой. В древности город был столицей королевства Уэрта, потом двор перебрался в Гарикану, а после Двадцатилетней войны Уэрта распалась на Агарию и Алат. Вот и все, что рассказывал господин Шабли о Крионе, но Повелителя Скал меньше всего занимало чужое прошлое...

Прямо перед мордой Соны выскочила трехцветная кошка, на мгновенье замерла, выгнув спину, и бросилась к дому, в котором Дик заподозрил гостиницу. Чутье не подвело, похоже, юноша незаметно для себя самого превратился в бывшего путешественника.

При виде всадника на чистокровной мориске стоявший на пороге слуга бросился на добычу. Окделл позволил взять Сону под уздцы, а в ответ на уговоры отобедать в «Чаше паломника» спрыгнул на землю. Кобылой занялся узколиций конюх, а юноше не оставалось ничего другого, как войти в услужливо распахнутую дверь.

Опрятная лестница напомнила о Фрамбуа и дядюшке Эркюле. Святой Алан, как же хорошо тогда все было! Ну почему вместо мира и всеобщей радости начался сплошной кошмар?! Выстрелы из-за угла, спешный отъезд в Надор, еще более спешное бегство в столицу, октавианские ужасы, нелепая попытка отравить эра... Теперь Дик не сомневался – Ворон выжил, иначе б Хуан живым оруженосца не выпустил.

Красивый, полный трактирщик при виде гостя проявил бурный восторг. Бедняга чуть не бухнулся на колени, умоляя благородного господина остаться на ночь, и Дик покорно занял лучшую комнату с видом на монастырь. Ему предложили вина, и юноша пробормотал про «Вдовью слезу». «Слез» в гостинице не нашлось, и Ричард согласился на агарийскую лечуза вянка, не все ли равно.

Хозяин умчался резать цыплят, а герцог Окделл примостился у опрятного стола. Оруженосец герцога Алвы прибыл в Крион, оставалось вскрыть пакет. Или не вскрывать.

Повелитель Скал мог выбросить заштиту в кожу вещицу в придорожную канаву, сжечь, утопить, потерять – и ехать, куда душе угодно, но юноша исполнил приказ даже не эра, а бывшего работаровца. Герцога Окделла послали в Крион, и он в каком-то полусне ехал в Крион. Дважды Дик сбивался с пути, потом ему помешали дожди и перебежавшая дорогу лань. Тем не менее любой дороге приходит конец. Бывший оруженосец Первого маршала Талига добрался до цели, оставалось взять нож и срезать печати.

Принесли вино. Оно могло быть любым: хорошим, сносным, отвратительным, – вкуса Ричард не почувствовал. Юноша смотрел на лежащий на столе черный предмет и пил стакан за стаканом, но голова кружиться не желала, хотя обычно Дику хватало пары бокалов.

Появился слуга – не тот, что караулил на улице, другой, худой и ушастый. Спросил, подавать ли обед, и Ричард велел подавать. Курицу зажарили отменно, хлеб был горячим, овощи – сочными. Нужно было есть, и Дик ел, и ел долго, потому что обед был отсрочкой. Затем Повелитель Скал долго мыл руки, объяснял трактирщику, что желает сменить одежду, разговаривал с портным и белошвейкой. Потом ушли и они, наступал вечер, запахло ночной фиалкой и другими цветами, которых Дик не знал, в монастыре зазвонили к вечерней службе. Здесь не воевали и не убивали, а молились...

Назойливый колокольный звон напомнил об Октавианской ночи, Дик захлопнул ставни и зажег свечи. Дольше тянуть было некуда, и юноша, взяв принесенный хозяином нож, подцепил знакомую печать синего воска и сорвал тонкую кожу.

Внутри оказалась плоская шкатулка черного дерева, запертая на изящный замочек, к которому на цепочке крепился резной ключик. Изысканно и дорого, как и все в доме Ворона. Ричарду показалось, что он видел эту вещицу на столе эра, но полной уверенности не было. Юноша поставил шкатулку на стол и задумался. Он слышал и о ключах с заусенцами, на которые наносили смертельный яд, и о выскакивающих из замков отравленных иглах. Неужели его отпустили, чтобы убить здесь, в Крионе? Рокэ на такое не способен, Рокэ, но не работороговец. Если эр мертв, Хуан будет мстить, и мстить жестоко, а что может быть горше смерти на пороге свободы? Именно так погиб Конрад Приддский, вырвавшийся из тюрьмы и надевший отравленную женой рубашку.

Дик больше не сомневался: Ворон мертв, а шкатулка отравлена. Ее надо сжечь! Юноша отодвинул опасный ящичек, налил себе вина, поднялся, подошел к окну, выпил, вновь ничего не почувствовал. Может, спросить касеры? Или заказать заупокойную службу, хотя Алва был олларрианцем, а то и кем-то похуже. Не зря говорят, что в душах потомков Рамиро горит вечный закат, а сила и непобедимость кэналлийских повелителей – дар Леворукого! Равно как и красота, и власть над женщинами. Только ангелы могут отказать избранникам Чужого. Катарина Ариго – ангел, ее жизнь дороже жизни убийцы и безбожника, но Повелитель Скал оказался плохим защитником. Теперь остается лишь молить Создателя за Катари, больше ее величеству никто не поможет, она совсем одна в своей убранной шелками клетке...

Колокольный звон просачивался даже сквозь закрытые ставни. Он звал, требовал, напоминал о высшем долге. Матушка, окажись она в Крионе, первым делом отправилась бы в монастырь, но Ричард молиться не мог. Он понимал, что это грех, но, видно, не зря говорят, что убийцы и предатели слышат не Создателя, а Леворукого. А кто он, если не предатель и не убийца?

Он приносит несчастье. Из-за него погибло или вот-вот погибнет множество прекрасных людей, а он прохлаждается в Крионе! У него есть лошадь, золото и свобода, но что с ними делать? Кому здесь нужен Ричард Окделл, кому он вообще нужен?! Его выбросили, как ненужную вещь!

Дик бросился к столу, схватил шкатулку, вставил ключ в замок и резко повернул. Что-то щелкнуло, но никаких отравленных иглолок не выскочило. Юноша медленно поднял крышку: внутри на синем бархате лежал отцовский кинжал, а рядом поблескивал перстень Эпинэ. Больше в шкатулке не было ничего.

3

Бенито Марселю понравился сразу, чего нельзя было сказать о дороге. Эпинэ с ее пастбищами и виноградниками исчезла в пыльном мареве, впереди тянулось плоскогорье Гальбрэ, и более мерзкого местечка Марсель Валме в своей жизни еще не видел. Смутные воспоминания о недоученных уроках нашептывали, что раньше здесь плескалось море, потом оно отступило, оставив победившей суше мертвые озера, окруженные белоснежными воротниками соли.

Тут даже места для привала не было, разве что свернуть с дороги и поискать тени в дальних пятнистых скалах, но там, без сомнения, водились змеи, а змей Марсель не одобрял. Так же как скорпионов и прыгучих ядовитых киркорелл, которыми славились здешние края. Казалось невыносимым, что из-за столь гнусных земель то и дело вспыхивали войны. Одна так и вошла в историю под именем Соляной, и было это лет через пятьдесят после падения Раканов.

Соль принесла Урготу неисчислимые богатства, на ней и поднялось герцогство, владыки которого были не столько воинами, сколько торгашами. На соли и меди, серебре и свинце, добываемых в невысоких выветренных горах.

Чем кончались старые войны, виконт не помнил – история и землеописание наследника Валмонов никогда не занимали, – но о том, как попасть в осажденный Фельп, Марсель задумывался. Тридцать тысяч болтавшихся на берегу врагов его весьма беспокоили. В осажденный город пробьется только сильная армия, но Савиньяк подспеет не раньше осени. Валме с сомнением посматривал на Рокэ, невозмутимо покачивавшегося в седле. С Алвы станется бросить лошадей и пробраться в город ночью сквозь вражеские позиции. Марселя подобное приключение не вдохновляло абсолютно.

– Бенито, – Валме постарался, чтоб его голос звучал как можно спокойнее, – вы полагаете, дорога в город свободна?

– Конечно, – заверил фельпец на урготской службе, – ее так просто не перережешь. Увидите сами, не хочу портить удовольствие рассказом.

– Удовольствие?

– Прибрежная Стена по праву считается чудом. – В голосе офицера слышалась законная гордость. – Она идет от Веньянейры до города, прикрывая дорогу слева, а справа нас защищает море.

Валме уже ничего не понимал. Если враги высадились на берег в одном месте, кто мешает им высадиться в другом и перерезать тракт?

Фельпский ургот рассмеялся:

– Гадаете, почему дожи с двух сторон не лезут? Да потому что на западе кошки с две высадишься: и рифы тебе, и мели, и зыбуны, да еще и дозоры стоят. К Фельпу иначе как Приморским трактом с суши не добраться...

– А чего они стену не ломают?

– Не готовы. Ничего, пусть копаются, чем дольше, тем лучше. Конечно, до осени, когда подойдет армия, они не провозятся, а жаль...

Тут пришел черед улыбнуться Валме. Алва не для того загонял лошадей, чтобы ждать Савиньяка. Ворон что-то задумал, а значит, будет весело. Скрывая усмешку, Марсель уставился на ухо собственной лошади. Он немного успокоился насчет дороги, и жара, отступившая не то чтоб перед страхом, но перед обоснованным беспокойством, взяла свое. Виконт не знал, что хуже: беспощадная ярость солнца или вязкая духота, изливавшаяся из низких густых облаков, и не думавших облагодетельствовать путников дождем.

Облака были такими же обманщиками, как и проклятые озера, которые отряд никак не мог миновать. Издали вода казалась обычной, но не годилась ни для питья, ни для купанья, а

в темных глубинах не плескалась даже самая заваливающая рыба. Умом Марсель это понимал, но любоваться на блестящую водную гладь и изнывать от жары и жажды – увольте!

Неожиданно Рокэ Алва поворотил коня к одному из озер, на взгляд Марсея, ничем не отличавшемся от других. Герард, разумеется, увязался за своим монсеньором, хотя проявленное маршалом любопытство по такой духоте было лишним. Кэналлийцы и адуаны придержали своих лошадей, не собираясь трогаться с места, а вот урготы забеспокоились. Бенито прищипнул жеребца и помчался наперерез Рокэ, Марсель за какими-то кошками последовал за ним. Алва, услышав топот, обернулся и натянул поводья.

– В чем дело, господа?

– Монсеньор, – казалось, молодому офицеру неловко, – это... Это, конечно, ерунда, но... Это озеро... К нему никто не спускается... Дурная примета...

– Вот как? – Ворон сощурил синие глаза, всматриваясь в сверкающий соляной вал, окружавший мертвое зеркало. – И почему же?

– Не знаю, – честно признался ургот. – Толком не знает никто, но Литта не терпит чужого любопытства.

– Хорошо, – усмехнулся Алва, – пощадим чужую скромность. Оскорбления озер в мои планы не входят никоим образом.

Герцог учтиво наклонил голову, словно принося извинения не слишком красивой и не слишком молодой даме, и повернул коня обратно. На лице Бенито отразилось нескрываемое облегчение.

Больше в этот день не случилось ничего, а к ночи отряд добрался до Ограмика, откуда начинался пресловутый Приморский тракт. Марсель надеялся хотя бы там обрести кровать и много-много воды, но Алва отвел на отдых лишь полтора часа. Ворон спешил, дела до чужой усталости ему не было.

Глава 2 Фельп

«Le Roi des Deniers & Le Trois des Deniers & Le Trois des Bâtons»⁵

1

В славный город Фельп Первый маршал Талига въехал затемно. На дорогу ушло четырнадцать с половиной дней. Это было недурно даже для королевского курьера, но Алва, дай ему волю, ехал бы еще быстрее. Марселя спасло лишь то, что Ворон знал людей и лошадей и не загонял их до смерти, вот до полусмерти – это пожалуйста!

За время пути Валме трижды прокручивал в поясе новые дырки. С одной стороны, это не могло не радовать: Валмоны отличались склонностью к полноте, а виконт не желал отъездаться до состояния дражайшего родителя. С другой стороны, отощавший, дурно выбритый кавалер в кэналлийских тряпках вряд ли поразит воображение фельпских красавиц. Особенно если рядом Рокэ. Вот ему черная рубаха и разбойничья косынка только прибавили загадочности, которую так ценят женщины. Если б Марсель не боялся показаться смешным, он бы попросил остановиться, чтоб привести себя в порядок, но, представив, как маршал с ухмылкой поднимает бровь, выбрал меньшее из зол и постарался выбросить из головы мысли об абрикосовом камзоле и чистых завитых волосах.

К счастью для виконта, первая встреча обошлась без дам. Отправленный вперед Бенито Финелли осчастливил Дуксию⁶ известием о прибытии высокого гостя, и невыспавшийся грандукс⁷ с дурацким именем Ливио Гампана перехватил герцога и его свиту у городских ворот. Дукс был высок и довольно красив, но все портили нелепый балахон, несмотря на жуткую жару, отороченный седоземельскими соболями, и еще более дурацкий колпак на голове, украшенный, однако, весьма недурной пряжкой с изумрудом. По лицу Гампаны тек пот, но он стойчески терпел, страстно заверяя прибывших в пламенной любви к великому Талигу, его величеству Фердинанду Оллару и величайшему полководцу Золотых земель.

Величайший полководец слушал торжественную речь с каменным спокойствием, если, разумеется, слушал, а Марсель таращился на могучие стены, темневшие на фоне испятнанного звездами неба. Ночью они казались несокрушимыми, как сами скалы, но день менее снисходителен к стенам и женщинам. К мужчинам, к сожалению, тоже. Виконт ерзал в седле, с отвращением глядя на укутанного в меха фельпца: не хватало проторчать у городских ворот до рассвета, а потом небритым ехать по запруженным толпой улицам. В Фельпе жили, и неплохо жили, около ста тысяч человек, хотя, по мнению виконта, поселиться в подобном пекле мог только безумец или больной серой горячкой⁸. И еще больший безумец мог битый час молоть языком о своей неземной радости, когда гостям нужны горячая вода, приличный цирюльник и крепкий шадди.

⁵ Король Динариев, Тройка Динариев, Тройка Посохов.

⁶ Дуксия – коллегиальный орган власти в Фельпе и ряде других свободных городов. Дуксы избираются голосованием из числа достойных и богобоязненных горожан, кои имеют достаточно имущества, чтоб внести должный залог.

⁷ Глава Совета дуксов.

⁸ Больные серой горячкой испытывают постоянный озноб.

Гран-дукс наконец возвысил голос и сообщил, что не сомневается в грядущей победе над коварным и вероломным врагом. Рокэ вежливо наклонил голову и предложил перенести обсуждение кампании в более подобающее место. Гран-дукс сначала опешил, потом улыбнулся изысканной шутке великого воина и сообщил, что Дуксия соберется в полдень, пока же герцога и его свиту ждет палатка Сирен.

– Мы просим прощения, – Ливио Гампана опустил глаза, словно невеста, уличенная в отсутствии девственности. – Мы не ожидали вас так быстро и потому не успели перетянуть обивку и сменить гербы на фронтоне.

– Ничего страшного, – Марселю показалось, что Алву душит смех, – я переживу любую обивку, только бы она не была розовой в зеленую полосочку.

Валме едва не взвыл, представив рожи многочисленных Манриков, которые, к сожалению, Первого маршала не слышали. Гран-дукс шутки не понял, да и не мог понять. Бедняга бросился заверять Алву, что в палатка все выдержано в морских тонах. Валме наострил уши, ожидая, что Ворон перейдет к спрутам и медузам, но тут, как назло, появилось новое лицо, по виду совершенно военное.

– Господин герцог, – Марселю показалось, что Гампана не слишком рад вновь прибывшему, – позвольте представить вице-командующего гарнизоном Фельпа, генерала Массимо Варчезу.

– Я рад, что вы приехали, – просто сказал генерал. – Наше положение, прямо скажем, не из легких...

– Не стоит утомлять гостей, – вылез гран-дукс, утомлявший их добрых полчаса. Генерал нахмурился, но промолчал. По мнению Марселя, из вежливости. Рокэ улыбнулся самым светским образом.

– Господа, я не хотел бы представлять перед отцами города Фельпа в облике разбойника с большой дороги. Можем ли мы с моими офицерами отправиться в палатка Сирен?

– О да, – заверил Ливио Гампана, – я буду счастлив сопровождать вас. Нас ждут конные носилки.

– Благодарю, сударь, – заупрямился Ворон, – но я предпочитаю седло или собственные ноги. Надеюсь, славный город Фельп простит мне мои привычки.

Славный город Фельп простил, а что ему оставалось?

2

Палатка Сирен было роскошным – с фонтанами во дворе, скульптурами на крышах и лестницах и розами и камелиями, где можно и где нельзя. Это была не талигойская роскошь, но Марселю понравилось. Куда меньше ему нравились собственная загоревшая физиономия и прямые волосы. Конечно, в Фельпе есть и куаферы, и парфюмеры, но не искать же их прямо сейчас! Валме с тоской зачесал незавитые волосы назад, стянув их на затылке черной лентой. Уж лучше так, чем липнувшие к щекам русые сосульки. Немного утешил гвардейский мундир: у того, кто его придумал, безусловно, был вкус. Затянув пояс и напоследок пару раз повернувшись перед огромным зеркалом, Марсель Валме вышел в приемную.

Рокэ стоял у раскрытого, доходящего до пола окна. Он и вправду соизволил одеться, как положено талигойскому маршалу. Летний белый мундир и черная рубашка подчеркивали диковатую красоту кэналлийца. Валме ему не то что позавидовал, но пожалел, что к роду Валмонов природа была не столь щедра. Марсель тоже не отказался бы произойти от Леворукого, но, увы, Повелителя Кошек прабабки виконта не вдохновили...

Алва зевнул и отошел от окна.

– Я решил не приводить сюда Моро, – сообщил он вместо приветствия, – в Фельпе кровная лошадь нужна в последнюю очередь. Да, Валме, вы не забыли, что вы мой офицер для особых поручений? Надо полагать, его величество уже подписал ваш капитанский патент. Он любит подписывать офицерские патенты...

– То есть я теперь капитан? – приосанился Марсель. – А я думал, Савиньяк шутит.

– В Фельпе правильной быть капитаном, а не виконтом, – Рокэ по-кошачьи потянулся. – Жители вольного города не одобряют чужие титулы – за неимением своих. Сейчас мы отправляемся в Дуксию на военный совет. Там соберутся те, кто нам нужен, и те, кто не нужен. Очень удобно...

– Будете стрелять? – шутка сорвалась с языка Марселя случайно, но показалась удачной. Рокэ улыбнулся:

– Не сегодня... Хотя, прежде чем заняться врагами, и впрямь придется привести в порядок союзников. В нынешнем виде они меня не устраивают.

Марсель промолчал, ожидая продолжения, но его не последовало. Рокэ взял со стола шляпу с белым пером и нахлобучил, даже не подумав глянуть в зеркало. Герцога меньше всего волновало, как он выглядит, еще бы, ведь он выглядел великолепно.

– Как офицер по особым поручениям вы должны знать, – сообщил маршал, надевая перчатки, – что из-за мелководья дуксы не держат не только парусных кораблей, но и галеасов, за что и поплатились. Бухта заблокирована, а гайифы по всем правилам обкладывают город. Варчеза рассказал, что «павлины» выкопали ров, насыпали вал и разбили укрепленные лагеря. Замкнуть кольцо мешает только прикрывающая тракт стена, ызаргу ясно, что начнут с нее... Дело скверное, но до дуксов сие пока не дошло. Герард, вы готовы?

– Да, монсеньор!

Еще бы это ходячее усердие оказалось не готовым!

3

Талигойцам отвели роскошную, обитую бархатом скамью под огромной птице-рыбодевой, красовавшейся на гербе славного города Фельпа. Еще одна крылатая и хвостатая красотка кокетливо взирала с потолочного панно на рассевишихся внизу мужчин, и Марсель задумался о возможности любви с подобным созданием. Валме прикидывал и так и эдак, но не мог придумать позу, в которой не мешали бы ни крылья, ни хвост.

Не выдержав, виконт поделился сомнениями с Рокэ, благо совет еще не начался. Алва с ходу понял, что смущает новоявленного капитана, и меланхолично заметил:

– Дорогой Валме, именно потому она и дева.

Марсель не свалился со скамьи лишь потому, что вовремя вспомнил, где находится. Чтобы подавить излишнюю смешливость, пришлось прикусить губу – было больно, но помогло. Виконт справился с неуместным весельем как раз вовремя: начиналось пресловутое сортэо⁹. Шестьдесят восемь важных, гладко выбритых мужчин в долгополых одеяниях, отороченных седоземельскими соболями, по одному запускали холеные руки в мраморную чашу, вытаскивали золотой бочонок с номером и занимали соответствующее место за массивным дубовым столом.

Забавный обычай, зато отцам города¹⁰ не грозит передрасться из-за мест – на жребий не обижаются. После сортэо в зал впустили тестиго¹¹ и слуг города¹², среди которых виконт узнал

⁹ Жеребьевка (ургот .).

¹⁰ Дуксов также называют отцами города.

¹¹ Тестиго избираются состоятельными жителями Фельпа, их обязанность – присутствовать на заседании Совета дуксов

генерала Варчезу. Рядом с ним шел крепко сбитый человек лет пятидесяти с таким обветренным лицом, что даже Марсель понял: моряк.

Гран-дукс Гампана выждал, когда все рассядутся, и тронул золотой колокольчик. Толстый эсператист с эмалевым голубем на груди пробормотал молитву о благоденствии и процветании великого Фельпа и его жителей, благословил присутствующих, и понеслось!

Ливио Гампана начал с представления Первого маршала Талига и битый час его расхваливал не хуже продающего редкий камень гоганского ювелира. Наконец зануда заткнулся, но легче не стало: за дело взялся другой дукс, худой, как щепка, но с низким утробным голосом. Этот принялся расписывать, как счастливы он и его собратья видеть столь великого полководца и благородного кавалера, который, вне всякого сомнения, посрамит супостатов вольного города Фельпа.

После дукса худого поднялся дукс ушастый. Талигойская прическа могла бы скрыть этот недостаток, талигойская, но не фельпская. Таких ушей Марсель еще не видел, они живо напомнили виконту о кошмарах, связанных с уроками геометрии, когда злобный ментор объяснял, что есть круг и перпендикуляр. Тогда унар Марсель ответов не знал, сейчас он сказал бы, что уши дукса Андреатти являют собой два круга, перпендикулярных к голове. Стоило удирать из Оллари, чтоб вляпаться в такую тоску!

Марсель скосил глаза на Рокэ – герцог, похоже, дремал с открытыми глазами. Еще бы, если умудряешься спать в седле, почему б не уснуть на удобной лавке. Валме так не умел, пришлось вновь во всех подробностях рассматривать птице-рыбо-деву. На этот раз с сочувствием. Просиди тут парочку веков и послушай всю эту муть – еще и не такой хвост вырастет! Да и желанья расстаться с девственностью поубавится. Уж лучше на потолке в одиночестве, чем в кровати с такими вот... дуксами.

Задумавшись о хвостах, виконт почти позабыл об ушах и не заметил, когда Андреатти уступил место седому толстяку. Этот, хвала Леворукому и его кошкам, не стал лить воду, а принялся представлять адмиралов и генералов.

– Командующий армией вольного города Фельпа генералиссимус Титус Ванжи.

Генералиссимус выглядел весьма внушительно, почти так же, как почтенный родитель Марсея, но папенька казался бодрее и... умнее.

– Вице-командующий генерал Просперо Фраки.

Просперо носил совершенно роскошный мундир и был весьма недурен собой, хотя против Рокэ бедняга не выгребал. Марсель готов был поклясться, что местный красавец это понял, и сие его заботит сильнее всех бордонов мира.

– Вице-командующий генерал Массимо Варчеза.

Варчеза казался довольным. В отличие от вице-командующего генерала Луиджи Кро-талю, вызвавшего у Валме живейшее сочувствие. Судя по всему, хмурый вояка последний раз выпался тогда же, когда и сам Марсель, то есть недели три назад.

Главный инженер господин Тиффано Гракка походил на плохо выбритого ежа, но ежа много, хитрого и веселого. Главный артиллерист господин Коррадо Канцио сиял точно так же, как и Варчеза. Марсель решил, что они приятели, которых тошнит от гран-дукса и генералиссимуса. Парочка явно ожидала, что Рокэ начнет вытаскивать из-за пазухи кошек и девственниц. Марсель, впрочем, ждал того же.

– Старший адмирал Барбаро Кимароза.

Любопытно, когда старший адмирал в последний раз выходил в море, до рождения Рокэ или все-таки позже?

и доносить до граждан все там происходящее. Права голоса тестигу не имеют, но они весьма влиятельны, так как от них во многом зависит, сколько голосов наберет претендент на роль дукса на очередных выборах.

¹² Слугами города называют управленцев и военачальников, получающих жалованье из городской казны. Слуг города нанимает и освобождает от должности Совет дуксов большинством в три четверти голосов.

– Адмирал Фоккио Джильди.

Обветренный хмуро кивнул. А чего радоваться – сражение проиграно и наверняка на него все свалят.

– Адмирал Муцио Скварца.

Скварца был молод, весел и бесшабашен. С ним стоило познакомиться поближе. Наверняка знает, где в этом городе можно найти красивых женщин, хорошее вино и сносного портного.

Муцио был последним, кого назвали. Толстый дукс, отдуваясь, плюхнулся в кресло, зато вновь поднялся Гампана.

– Господа, – произнес он, с отеческой укоризной глядя на военных, – мы должны поведать нашему гостю подробности постигшего нас несчастья.

Генералиссимус Титус важно поднял и опустил огромную голову. Что он, что старший адмирал вполне могли сойти даже не за отцов города Фельпа, а за его дедов.

– Будет говорить Фоккио Джильди.

Разбитый адмирал поднялся и подошел к высокому столику, на котором стояла еще одна хвостатая хранительница Фельпа. Джильди было хорошо за сорок, и он как нельзя лучше соответствовал облику морского волка. Подходящим был и голос – хриплый, низкий и зычный.

– Нас разбили, – просто сказал моряк, – иначе и быть не могло. Пятьдесят наших галер против почти сотни бордонских, не считая десятка галеасов. Не знаю, говорит ли это что-нибудь нашему гостю, ведь раньше он воевал на суше...

– Господин адмирал, – ровным голосом произнес Рокэ, – знаете ли вы, чем отличается мул от коня?

Джильди озадаченно воззрился на маршала, тот лукаво улыбнулся:

– Знаете, хоть вы и не кавалерист. А я знаю, чем отличается галера от галеаса.

Адмирал шумно втянул воздух и неожиданно громко расхохотался. Шутка явно пришлась ему по вкусу.

– Что ж, тем лучше! Значит, вам не нужно объяснять, почему я сижу в бухте, а «павлины» и «дельфины»¹³ хозяйничают на берегу.

– Дельфины на берегу – это извращение, – заметил Рокэ. – Адмирал, как по-вашему, деблокировать бухту извне можно?

– Еще бы, сотня крабов им в... – Джильди осекся и смущенно оглянулся на птице-рыбодеву. – Только в нашем море парусным тяжко.

– Да, место для города вы выбрали странное, – согласился Рокэ. – Что ж, раз о море можно забыть, поговорим о суше. Что «дельфины» и «павлины» в количестве тридцати тысяч голов гуляют вокруг Фельпа, я знаю. Равно как и то, что они действуют по всем правилам военного искусства.

– Дорогой друг, – гран-дукс приложил руку то ли к сердцу, то ли к желудку, – мы уверены, что осаждающая армия не намерена штурмовать город, так как этому противится сама природа, бывшая первым фортификатором Фельпа.

– О да, – генералиссимус хлопнул по столу пухлой ладонью. – Командующий бордонами маршал Капрас полностью раскрыл свои намерения. Он хочет замкнуть кольцо осады и вынудить нас сдаться под угрозой голода, но у нас достаточно сил и припасов, чтобы дождаться подхода деблокирующей армии. Тем не менее, если мы позволим противнику перерезать Приморский тракт, наше положение станет... ммм... сложным. Это понимает и Капрас.

Еще бы не понимать! Странно, оказывается, воинские премудрости не такие уж и сложные. Марсель с ходу разобрался, что имеют в виду военачальники, и это доставляло виконту истинное наслаждение. В самом деле, штурмовать расположенный на обрывистом прибреж-

¹³ «Дельфины» – презрительное прозвище бордонов. На гербе Бордонской республики изображен коронованный дельфин.

ном холме Фельп трудно, а перерезать единственную ведущую к городу дорогу весьма соблазнительно, хоть и не так-то просто.

– Будущей ночью мы улучшим наше положение, – заключил Титус. – На примыкающей к основному вражескому лагерю территории находится Паучий холм. Мы его захватим и установим на нем пушки, после чего сможем обстреливать вражеский лагерь и отвлечем осаждающих от защищающей тракт стены.

– Прошу простить мою неосведомленность, – Рокэ вежливо улыбнулся. – Почему этот холм носит столь неприятное название? Там водятся пауки или же он формой напоминает паука?

– Киркореллы там водятся, – буркнул Варчеза.

– Да они здесь везде водятся, – громыхнул адмирал Джильди, – брюхо с кулак и волосатые, как моя жизнь!

– Будем надеяться, они осчастливят своим присутствием бордонский лагерь, – улыбнулся Рокэ. – Жаль, Капрас не взял на войну супругу. Женщины обычно не дружат с пауками.

– Киркореллы не совсем пауки, – растянул губы кто-то из дуксов, – а что до жен бордонов... Капрас явился без супруги, а сестра дожа Гастаки не взяла на войну мужа. За неимением такового. Спросите при случае Джильди, кто потопил его галеру?

– Мне скрывать нечего, – ноздри адмирала угрожающе раздулись, – дожиха и потопила. Дожили, бабы на корабле!

– Дама командует кораблем? – поднял бровь Рокэ. – Какая пошлость!

– На «Морской пантере» три десятка дам. Все офицерские должности прихватили...

– Чего только не бывает... – задумчиво протянул Рокэ. – Как я понимаю, вы намерены взять Паучий холм?

– Да, – кивнул генералиссимус, – и мы возьмем его. Это упрочит наше положение.

– Я против, – поднял руку фортификатор, – мы не успеем его укрепить и зря потеряем людей. Паучий обращен к осаждающим пологой стороной, а к городу – крутой. Даже захвати мы его, Капрас его отобьет.

– Не согласен, – сверкнул покрасневшими глазами генерал Кротало. – Где сказано, что нельзя оборонять пологий склон? Нам нужно укрепить дух горожан. После разгрома на море многие усомнились в победе и не верят ни Дуксии, ни слугам города. Это дурной признак.

Просперо Фраки поднял руку, и генералиссимус важно кивнул. Марсель знал фельпского генерала всего полчаса, но уже понял: бедняга при виде Ворона изревновался, как стареющая красotka при виде семнадцатилетней блондинки.

– Я возьму Паучий, господа. Порукой тому моя репутация.

– Я хотел бы узнать мнение нашего гостя, – не сдавался фортификатор.

Рокэ пожал плечами:

– Судя по тому, что здесь прозвучало, я не советовал бы атаковать. Конечно, если ваше предприятие увенчается успехом, граждане города обрадуются, но что будет, если оно провалится?

– Решение принято, но я удивлен, услышав такие слова от вас, господин маршал, – Фраки попытался испепелить Алву взглядом, но неудачно, а Марселью пришел на ум свечной огарок, бесславно угасший в лохани с водой.

Рокэ улыбнулся.

– Когда мои советы перестанут удивлять, я подам в отставку. Успешной охоты на киркорелл, господа.

Глава 3 Фельп

«Le Sept des Deniers & Le Valet des Deniers & Le Chevalies des Épêes»¹⁴

1

О морском деле Марсель имел весьма смутное представление – в отличие от Герарда, знавшего и то, что Фельп начинался как центр мелкой прибрежной торговли, и то, что флоты в Померанцевом море были по большей части галерными. Сначала потому, что «негребных» кораблей просто не было, потом из-за местных особенностей. Летом и зимой парусникам мешали штили, весной и осенью – бури.

Мелководье, изрезанное побережье, множество островов и островков, мешающих крупным судам маневрировать, превращали океанские парусники в слонов в посудной лавке. Морские гиганты могли разве что добираться до внешнего рейда, а дальше за дело брались плоскодонные трудяги. И, несмотря на это, город и порт процветали, а на противоположной стороне Урготского полуострова, где и климат был получше, и море поглубже, отчего-то никто не селился. По мнению Марселя, это было глупо, но в жизни глупостей хватало, а виконт придерживался мнения, что если тебя занесло туда, где Леворукий котят топят, нужно искать хорошее, а не плохое. В данном случае талигоец вознамерился отыскать куафера и портного, что и проделал с помощью Бенито.

Приведя шевелюру в пристойное состояние и заказав полдюжины шелковых рубах, Марсель почувствовал себя почти хорошо и с удовольствием принял предложение Бенито и его приятеля Луиджи Джильди посмотреть город. Наутро Бенито отбывал в Урготеллу с известием о новой выходке Рокэ Алвы, но вечер был его. Луиджи, старший сын разбитого адмирала и капитан «Влюбленной акулы», возлагал на талигойского маршала кучу всяческих надежд и пытался говорить с Валме как с моряком. Марсель чувствовал себя совершенным дураком, но прогулка все равно вышла отменной.

Порт в Фельпе был один, зато трактиров и харчевен – превеликое множество, так что до палатки Сирен офицер для особых поручений добрался лишь к вечеру. Марсель подмигнул хвостатой ангелице на фронтоне, едва не сбил с ног худого усатого варастильца и ввалился к герцогу. Рокэ пристально посмотрел на виконта, но ничего не сказал.

– Да, – заявил отчего-то обидевшийся Марсель, – я выпил. Ну и что? Мы в Фельпе, а в Фельпе можно.

– А кто говорит, что нельзя? – пожал плечами Алва. – Как вам местные красоты?

– Красоты? – возмутился Марсель. – Эти колонны и дуры с крыльями?

– А дуры без крыльев здесь водятся?

Марсель захохотал и рухнул на роскошный диван. Рокэ тоже усмехнулся.

– Идите спать, капитан.

– А вы? – виконту показалось несправедливым, что маршал лишает себя прорвы удовольствий. Они сейчас вполне могли бы...

¹⁴ Семерка Динариев, Паж Динариев и Рыцарь Мечей.

– Мне надо разобраться с этим, – Алва тряхнул кипой каких-то бумаг, – и дожидаться, чем закончилась схватка за киркорелл.

– А, – вспомнил виконт и зевнул, – холмик...

– Он самый. Что-то мне подсказывает, что взять его не удастся, а жаль. Пауканы – твари полезные, они б нам пригодились.

– Зачем? – потряс стремительно тяжелеющей головой Марсель. – Гран-дуксу за шиворот сунуть?

– Лично я бы посадил их в чашу для сортэо, – возразил Алва.

– Тогда дуксы разбегутся. С визгом...

– Именно. Идите спать, Валме, – Рокэ склонился над бумагами, – а то еще свалитесь. Вы, конечно, малость похудели, но таскать вас на руках я тем не менее не намерен.

2

Алва оказался прав, Паучий холм взять не удалось. Высота оказалась укреплена, кроме того, нападения явно ждали. Красавца Просперо встретили мушкетным огнем и гранатами, brave генерал, поняв, что с наименьшими затратами не вышло, решил победить красиво. Он лично возглавил атаку, под барабанный бой добежал до середины склона, нарвался на рогатки и отошел, чтоб не сказать отлетел назад. Уже без барабанного боя.

На утреннем совете Фраки выглядел отнюдь не столь уверенно, как на вечернем, а генералиссимус и гран-дукс относились к побитому красавцу куда менее отечески. Скорее наоборот.

– Вы обманули Дуксию, – гремел Ливио Гампана, – вы обманули граждан города Фельпа, которые из-за вашей самоуверенности и непродуманности ваших действий решат, что Дуксия и слуги города не способны их защитить...

Ну, положим, они и не способны, странно, что при таких правителях Фельп до сих пор никто не захватил. Хотя бордонские дожи вряд ли лучше фельпских дуксов.

– Вы не вняли совету нашего гостя, – не мог успокоиться гран-дукс, – хотя лучший полководец Золотых земель недвусмысленно дал понять, что атака на Паучий холм лишена смысла и обречена на провал!

– Я не генералиссимус, – огрызнулся Просперо, – а маршала Алву слышали все.

– Отцы города Фельпа склонны доверять своим слугам, – вывернулся Гампана, – а вы поклялись, что возьмете высоту.

– И ваша клятва сыграла роковую роль, – внес свою лепту генералиссимус, – ибо плох тот командующий, который не верит своим генералам.

– Господа, – поднял руку кто-то рыжий и носатый, – случившееся ночью весьма при-
скорбно, но надо смотреть вперед. Наш гость обещал ознакомиться с положением вещей и высказать свое мнение.

– Город Фельп будет счастлив принять совет Рокэ из Кэналлоа, – провозгласил гран-дукс, с обожанием глядя на Ворона. Тот поднялся и коротко поклонился присутствующим. Синие глаза смотрели прямо и жестко, почти так же, как в Нохе перед дуэлью. Марсель непроизвольно поджал ноги, хотя понимал, что это глупо и лично ему ничего не угрожает.

– Господа! – Ровный голос Рокэ обдавал зимней стужей. – Я не хотел бы обсуждать дальнейшую кампанию здесь и сейчас. Вчера у меня возникло подозрение, что нас слушает предатель, и хорошо, если только один. После ночного происшествия я в этом уверился окончательно. Здесь про меня было сказано много лестного, так вот, господа, один из секретов моих побед в том, что я не подпускаю к себе шпионов. Тайна на войне – половина успеха, а то и две трети. У меня нет сомнений, что генерал Фраки взял бы высоту, если б врага не предупредили о готовящейся вылазке.

Мысль о предателе Просперо понравилась, хотя генерал выглядел смущенным. Любой бы сквасился, приди ему на помощь человек, которого хочется убить.

– Маршал, – прервал молчание гран-дукс, – вы имеете в виду кого-то конкретного?

– Возможно, – Рокэ тронул черно-белую перевязь, – но я могу и ошибаться, к тому же предатель вряд ли действует в одиночку. В любом случае я посоветовал бы до окончания войны сосредоточить воинскую власть в одних руках. Это может быть наш уважаемый гран-дукс, может быть генералиссимус или старший адмирал. Или кто-нибудь еще, облеченный всеобщим доверием.

На лицах отцов города отразилось замешательство, затем вскочил тощий дукс, тот самый, что вчера помогал Гампане приветствовать Рокэ.

– Как можно вручить командование кому-то одному, не зная имени предателя?

– Конечно, предатель во главе обороны – это плохо, – утешил кэналлиеца, – но, уверяю вас, возвышение причинит ему массу неудобств. Мой опыт говорит, что изменники и шпионы предпочитают находиться в свите, разумеется, если у них нет сил захватить престол. Но в вашем городе трона нет, а военачальник, отдающий заведомо дурные приказы, очень скоро познакомится с палачом. Если же он будет все делать правильно, но раз за разом проигрывать, ему тоже не поздоровится. До бесконечности списывать неудачи на шпионов и предателей невозможно, а тайные посланники имеют обыкновение попадаться. Особенно если их ловить. Нет, господа, предатель во главе обороны рискует весьма сильно, а я еще не встречал предателей, которые не ценили бы собственной головы.

Гран-дукс вопросительно глянул на генералиссимуса, тот откашлялся и веско произнес.

– Первый маршал Талига прав. Военную власть следует сосредоточить в одних руках, и эти руки должны знать, как обращаться с оружием. Я – верный слуга города Фельпа, и мой долг вынуждает меня сказать: при всем моем уважении к отцам города, они не могут возглавлять оборону.

– Действия генералиссимуса и старшего адмирала тоже не свидетельствуют об их способностях, – обиделся желтолицый дукс.

– Город держится, – с достоинством отпарировал Титус, – и не наша вина, что узнавший тайну мерзавец выдал наши планы врагу. Хотел бы я знать, за сколько?

– Город держится благодаря стенам, а не благодаря генералам, – бросился в бой обладатель выдающихся ушей, – я уж не говорю о конфузии, приключившейся с нашим флотом. Я далек от того, чтобы обвинять адмирала Джильди, который, кстати говоря, вчера после совета таинственным образом исчез. Я понимаю, что разбитому флотоводцу хочется побыть в уединении, допускаю, что наше общество ему неприятно, но...

Джильди начал медленно подниматься, на его скулах заходили желваки. Он весьма походил на человека, собравшегося кого-то убить. Массимо Варчеза положил руку на плечо адмирала.

– Господин Андреатти, – Варчеза изо всех сил старался говорить спокойно, – лично я не сомневаюсь, что предатель носит на поясе не шпагу, а чернильницу. Ваше воображение делает вам честь как сочинителю, и оно уже обошлось городу в круглую сумму...

– Военные мало понимают в том, что составляет истинную ценность, – обиделся ушастый. – Потомки будут помнить моего «Изливающего воды», даже когда забудут ваши поражения.

– Наши поражения растут из вашей жадности, – взорвался Варчеза, – у вас нет денег на оружие, но есть на бездарные вирши.

– Прекрати, Массимо, – перебил адмирал Джильди, – дукс Андреатти сказал, я слышал. Значит ли это, что Фельп разрывает договор?

– Нет, – зачастил Андреатти, – вы, Джильди, понимаете мои слова слишком буквально. Я вас не осуждаю, вы еще не оправились от поражения...

– Поражение было неминуемым, – бросился в бой молодой адмирал... Как же его? А, Муцио Скварца. – И все потому, что Дуксия жалеет денег на флот. А может, это не жадность, а предательство?

– Выбирайте слова, адмирал, – возвысил голос гран-дукс.

– Выбирать слова пристало дуксам, а не военным, – вскочил Скварца. – Нам наносят оскорбление, потому что слуги города не могут бросить перчатку его отцам. Я разрываю договор и с удовольствием потолкую с Андреатти, и не только с ним.

– Муцио! – прикрикнул Тиффано Гракка. – Мы воюем с Бордоном, а не друг с другом.

– Да, друзья мои, – произнес обретший бывшее красноречие гран-дукс, – и мы должны подняться над личными обидами, исполняя свой долг. Прошу забыть, что мы в сердцах сказали друг другу. Мы слишком остро восприняли ночную неудачу. Надеюсь, дальше этого зала сказанное не пойдет.

– Вы полагаете, сегодняшние слова окажутся тяжелее вчерашних и не доплывут до «дельфинов»? – скривил губу желтолицый дукс. – Наш высокий гость прав. Тайну может сохранить один, но не шестьдесят восемь и тем более не сто семьдесят шесть. Генералиссимус, вы готовы принять на себя всю полноту власти?

– И всю ответственность, – ввернул жирный дукс.

Толстый старик в роскошном мундире часто задышал. Титус очень хотел власти и очень боялся после первой же неприятности оказаться в тюремном замке.

– Отцы города Фельпа, – на лице генералиссимуса застыла мука обжоры, по совету врача отказывающегося от лакомого блюда, – десять лет назад я бы принял предложенное мне бремя и безропотно понес его, но я стар и нездоров. И я не вижу среди слуг города Фельпа никого, кому по силам эта ноша, но среди нас находится первый воин Золотых земель.

– Маршал Алва – подданный талигойской короны, а не слуга вольного города Фельпа, – перебил гран-дукс, – до подхода союзной армии он может помочь нам лишь советом.

– Слугой города вправе стать любой, подписавший договор, – произнес желтолицый, с неприязнью глядя на гран-дукса.

– Вряд ли Первый маршал Талига согласится. – Гампана постарался придать своему голосу сожаление, но безуспешно. – Талигойские аристократы служат лишь своему королю.

– Пусть это скажет сам Рокэ Алва! – выкрикнул Муцио.

– Требую голосования, – громыхнул доселе молчавший лысый дукс со шрамом над бровью.

– Дукс Рабетти, – лицо Гампаны пошло красными пятнами, – нельзя требовать голосования по неявному вопросу. Герцог Алва не просил славный город Фельп принять его службу.

– Хотел бы я знать, почему это гран-дукс Гампана не желает видеть защитником Фельпа лучшего из ныне живущих полководцев? – вкрадчиво осведомился генералиссимус.

– Я слежу за исполнением законов! – с достоинством произнес Гампана, но Марсель не сомневался – гран-дукс с наслаждением бы придушил генералиссимуса. – Желают ли отцы города Фельпа знать, намерен ли Рокэ из Кэналлоа предложить свои услуги Дуксии?

Рокэ поднял голову, поочередно обведя взглядом и дуксов, и генералов с адмиралами, и замерших тестиго.

– Я не намерен, – отчеканил Ворон, – я их предлагаю. Иначе зачем бы я был здесь?

Странные слова. С одной стороны, они приехали воевать, с другой... Рокэ Алва согласен стать наемником, которому платят торгошники? Невероятно! Он разобьет бордонов, но что скажут в Талиге? Допустим, Рокэ на чужое мнение давно плевать, но ведь говорить будут не только о маршале, но и о его людях. Наследник графов Валмон – адъютант фельпского наемника?! Мерзость.

– Рокэ из Кэналлоа предлагает свои услуги вольному городу Фельпу, – упавшим голосом произнес Гампана. – Принимает ли город Фельп его на службу?

Шестьдесят пять рук поднялось вверх. Трое воздержались, против не выступил никто.

– Вольный город Фельп нанимает Рокэ из Кэналлоа, – провозгласил гран-дукс, – и труд его будет вознагражден. Какую плату Рокэ из Кэналлоа почитает приемлемой?

Марсель с надеждой глянул на герцога. Возможно, тот решил пошутить и сейчас потребует луну с неба или дуру с хвостом. Впрочем, птице-рыбо-деву дуксы могут и отдать.

– Я согласен получать ту же плату, что и командующий армией, – равнодушно произнес Рокэ.

Сколько у них получает генералиссимус? Две тысячи восемьсот урготских брокэлей! Хорошие деньги, но не для Рокэ и даже не для виконта Валме!

– Вольный город Фельп принимает условие Рокэ из Кэналлоа. Чем Рокэ из Кэналлоа подтвердит договор?

Алва усмехнулся и сунул руку в висевший у пояса кошелек. Эта фельпская традиция выросла из купеческого обычая подтверждать честность залогом. Третью сотню лет генералы, инженеры, строители, фортификаторы, становясь слугами города, бросали на покрытый белым сукном стол золотую монету, которая торжественно опускалась в сафьяновый кошель, висящий на поясе мраморной покровительницы Фельпа. Когда слуга города, исполнив свою работу, получал плату, ему возвращали и залог.

– Чем я отвечу на доверие города? – Ворон что-то бросил на стол, на белом бархате вспыхнула звездная россыпь.

– Принимает ли торговый город Фельп мой залог?

Сапфиры! Сапфиры немыслимо чистой воды, десятки сапфиров и среди них кровавый дразнящий огонь. Алая ройя! Камень, цены которому нет и быть не может. Теперь ни одна собака не посмеет твякнуть, что Ворон продал свою шпагу!

– Мы... мы не можем... Мы должны быть уверены...

– В том, что Бордон не заплатит мне больше? – подсказал Алва. – Не заплатит...

– Но, – глаза гран-дукса не могли оторваться от сгустка закатного пламени, – этот камень не имеет цены...

– Он будет прекрасно выглядеть на шее хранительницы Фельпа, – заметил Рокэ. – Господа, если я исполнил все, что положено, я вас покину. Прошу отпустить со мной генерала Варчезу, адмирала Джильди и господ Гракку и Канцио.

– Сударь, – руки дукса так и тянулись к драгоценностям, – вечером Дуксия дает пир. В честь вашего вступления на службу.

– Благодарю. Я буду обязательно, но сейчас мы едем на верфи.

Марселю страшно хотелось поглядеть, что дуксы сделают с камнями, но не отставать же от Рокэ. Валме бросился за герцогом и догнал его на лестнице, утыканной неизбежными хвостатыми красотками. Рядом с кэналлийцем шел взволнованный Варчеза.

– Сударь, – усиленный эхом генеральский рык разносился по всему дворцу, – кто мог нас предать?

Рокэ развязал ворот рубахи и вздохнул полной грудью.

– Кто знает... Лично мне весьма подозрителен Андреатти. Человек с подобными ушами не может относиться к ним только как к украшению.

3

Рокэ и Фоккио Джильди ушли с жилистым горбатым фельпцем, зато сын адмирала показал им с Герардом почти достроенную галеру, а корабельный мастер рассказал прорву всяческих вещей. Виконт узнал, что галеры делают такими узкими для большей скорости.

– Эта красавица, – размахивал руками мастер, – в длину ровно 160 бье¹⁵ при ширине палубы чуть больше двадцати. Только так и никак иначе! И не верьте Тио Фагетти! Он бездельник и презренный обманщик! Как можно, чтоб длина галеры относилась к ширине как тринадцать к полутора?! Как, спрашиваю вас я, Бенвенуто Джудокки, сын Урбана Джудокки?

Мастер остановил негодующий взгляд на Марселе, и виконту ничего не оставалось, как заверить, что он не собирается слушать презренного Фагетти.

– Даже зубаны, – мастер поднял запачканный смолой палец, – и те знают, что длина галеры относится к ширине как восемь к одному!

– Безусловно, – подтвердил Луиджи Джильди, беря оторопевшего от натиска талигойца под руку, – смотрите, Марсель. Вот здесь, на палубе у бортов, сидят гребцы. По три, реже по четыре человека в ряд. Мы с отцом предпочитаем наемных, но многие капитаны покупают или за небольшую плату берут у города каторжников. Это дешевле.

– Жадный платит трижды, – воскликнул Бенвенуто, сын Урбана. – Нет ничего хуже, чем польститься на дешевизну.

– Совершенно согласен, – лицо Луиджи стало жестким, – если б на «Влюбленной акуле» были рабы, я бы с вами не разговаривал.

– Они загубили «Красавицу Моннику»! – мастер схватился за голову и тут же, словно ожегшись, воздел руки к небу. – Мою лучшую галеру! Не считая «Акулы», разумеется.

– Они много чего загубили, – согласился Джильди-младший. – Так вот, господа, между гребцами остается чистая полоса от силы в семь бье. Это я к тому, что по галере особенно не побегаешь. Под ногами – скамьи, цепи, а во время боя еще и раненые, и мертвые. Безобразную и тупую свалку устроить можно, но зачем? Для того чтобы захватить галеру, нужно занять ют, бак и куршею. Я понятно объясняю?

Валме деликатно промолчал и опустил глаза – признаваться в своем невежестве не хотелось. Выручил Герард.

– Значимые места на галере, – радостно отгарабанило утреннее чудовище, – это корма, на которой находятся капитан и старшие офицеры, и носовой помост, где расположена вся артиллерия галеры. Между ними чуть выше гребной палубы по свободной полосе идет куршея – помост для контроля над гребцами и перехода с носа на корму. В середине, у грот-мачты, может быть еще одна платформа, а может и не быть. На одних чертежах, что я нашел, она показана, на других – нет.

– О, – возопил Джудокки, – молодой человек подает блестящие надежды! Блестящие, но он смотрел чертежи ничтожного Фагетти. Забудьте об этом неуче!

– Он забудет, – заверил расхोдившегося мастера Луиджи. – Марсель, теперь вы видите, что основные схватки идут за нос и корму. Тот, кто держит их, держит и куршею. Если защитников отбрасывают на гребную палубу, это конец. В такой тесноте драться бессмысленно, я уж не говорю о том, что гребцы норовят отыграться на бывших хозяевах...

Валме слушал и запоминал, предвкушая будущий фурор у талигойских дам. Да и родителю должно понравиться, что наследник побывал на войне. Как удачно, что в Междугорье¹⁶ от Придды до Агарии говорят на одном языке. Кроме Кэналлоа, разумеется, но кэналлийцы всегда были сами по себе. Захоти Алва послать Талиг к кошкам, не было б ничего проще, чем закрыть перевалы и зажить своим умом. И своими приисками и виноградниками.

Было б недурно, когда все закончится, съездить с Рокэ в Алвасете. Говорят, юные кэналлийки замечательно красивы и весьма свободны в своих поступках...

¹⁵ Один бье примерно равен 30 см.

¹⁶ Имеется в виду пространство между горными системами Торки и Мон-Нуар-Сагранны. В странах, лежащих к северу от Торки (Дриксен, Гаунау, Кадана), а также к югу и востоку от Мон-Нуар (Холта, Кагета, Нухут, Гайифа, Алат), говорят на других языках, хотя в Гайифе и Алате в ходу два языка.

– Господин Джудокки, – юный Арамона думал не о женщинах, а о железьяках, – а сколько пушек понесет эта галера?

Любопытство мальчишки не знало границ, и это при том что он вскакивает в шесть утра!

– На носу «Красавицы Фельпа» будет установлено семь пушек, – мастер, сам похожий на вырезанную из дерева скульптуру, с нежностью коснулся светлого борта. – Одна, самая тяжелая, точно посередине, по оси судна, две полегче – по бокам от нее, четыре, еще легче, по краям.

– Сударь, – разумеется, Марсель забыл имя фельпца, – прошу вас, объясните моему спутнику разницу между галерой и галеасом.

Утренний мучитель это наверняка знал, но Марсель не собирался садиться в лужу при разговоре с местными водоплавающими. Спрашивать же от своего имени было неудобно. Что пристало молоденькому адъютанту, не пристало офицеру для особых поручений при особе Первого маршала Талига.

– О, – закатил глаза мастер с зубодробительным именем, – галера и галеас – это как борзая и волкодав. Галера, молодой человек, как вы можете видеть, сверху открыта. У нее одна палуба, у галеаса – две. В нижнем ярусе – гребцы, верхний, пушечный, открыт. На носу помещается до дюжины пушек, чаще всего девять или десять, и еще десятка два по бортам, а на корме на стойках-вертлюгах закрепляют фальконеты. Для стрельбы картечью сверху вниз по галерам и абордажным лодкам.

– Я видел галеасы в книге, – Герард виновато улыбнулся, – у них очень высокие борта.

– Не то слово, – мастер одарил гостя одобрительным кивком, – их делают из толстого дерева и обивают кожей. Такой борт могут пробить крепостные пушки, но для корабельных он почти неуязвим. С галеасов удобно бить по галерам из пушек и мушкетов. Что у тебя творится, не видать, а они сверху как на ладони. Но даже без пушек галеас опасен. Он идет к обычной галере и разламывает ее, как тибур¹⁷ перекусывает селедку.

– Леворукий и все его кошки, что за ужасы вы тут рассказываете? – Марсель оглянулся. Рокэ с адмиралом и горбуном вынырнули из-за лежащей на земле очередной птице-рыбо-девы, которой предстояло украсить нос новой галеры.

Марсель с умудренным видом покачал головой.

– Мы говорим о галеасах, которых у нас нет, но которые есть у бордонов.

– Я понял, – кивнул Рокэ. – Мастер, вы насмерть запугаете моих офицеров. Теперь они ни за что не поднимутся на борт галеры, если рядом будут болтаться эти ваши слоны.

– Слоны? – удивился мастер.

– Морские, – уточнил Ворон, – если галеры называют морскими конями, то галеасы сойдут за слонов. Кстати, слоны боятся мышей. Интересно, испугаются ли они ызаргов.

– Сударь, – корабельщик был окончательно подавлен, – прошу меня простить, но я ничего не понимаю... Почему ызарги?

– Потому что они имеют обыкновение кишеть, – Алва хлопнул мастера по плечу. – А остальное вам объяснит господин Уголино.

– О да, Джудокки, – горбун сиял не хуже оставшихся в Дуксии сапфиров, – сегодня прекрасный день! Прекраснейший... Создатель подарил мне встречу с величайшим умом Золотых земель...

– А не выпить ли нам? – величайший ум залихватски подмигнул обоим фельпцам.

– Конечно, монсеньор, – горбун радостно закивал головой, – нельзя закладывать новые корабли с сухим горлом.

– Новые? – Джудокки чуть не задохнулся. Надо полагать, от восторга.

¹⁷ Крупная хищная рыба.

– И много, – рявкнул адмирал Джильди. – Где твоё вино, мастер!

Марсель Валме пивал вина и получше, чем те, что держал горбун, но день закончился веселее, чем начался. Рокэ был в ударе, они с Джильди и мастером Уголино то и дело переглядывались с видом заправских заговорщиков, а корабельщики, явившиеся на негаданную пирушку прямо от стапелей, пили стакан за стаканом, не забывая перевозносить гостя, заставившего «эту паршивую Дуксию» раскошелиться. Марсель понял, что Рокэ заказал на верфи два десятка кораблей, но зачем?

Галерам не выдюжить против галеасов, да и когда их ещё построят?! Хотя ударить по бордонам, когда те сцепятся с подошедшим Альмейдой, – это мысль!

– Рокэ, – слегка захмелевший виконт тронул Ворона за плечо, и тот с готовностью обернулся, – Рокэ... Мы ударим с двух сторон? Да? Из бухты и с моря...

– Вы – великий стратег, Марсель, – Алва приподнял стакан, – и с ходу разгадали наш план, но, умоляю, молчите. Помните про Андреатти и его уши...

– Обрезать бы их, – мечтательно протянул адмирал Джильди, тоже изрядно выпивший.

– Если этому дуксу что и следует отрезать, то никоим образом не уши, – возразил Алва. – Эти уши – чудо природы. Они единственные в своём роде, а чудеса природы следует беречь.

– Морские боги, – адмирал едва не выронил стакан, – чудо природы...

– Он смеется первый раз после разгрома, – шепнул горбун. – Алва, одно чудо вы уже сделали.

– Рад служить, – Рокэ протянул руку мастеру. – И раз уж вы так любите чудеса, не удивляйтесь тому, что я стану делать дальше.

– Господин Рокэ, – в голосе хозяина слышалось страдание, – за вами прислали. Прибыл генерал Вье... Вей...

– Вейзель? – быстро переспросил Рокэ.

– О да... Такое трудное имя...

– Да, бергмаркские фамилии ломают любой язык, – согласился маршал. – Благодарю за вино, сударь. Виконт, идемте, вас ждет прелестное знакомство. Вейзель – единственный из известных мне военных, которому уже уготовано местечко в Рассветных Садах. Вы не поверите, но он безгрешней младенца и нравственней Мирабеллы Окделлской. И при этом его не хочется пристрелить...

4

Обычно Марсель Валме сторонился бергеров, уж больно серьезными они были. Расхваленный Вороном артиллерийский генерал отнюдь не являлся исключением. Плотный, пожилой, затянутый, несмотря на жару, в ладно скроенный мундир, Курт Вейзель вызывал неодолимое желание встать по стойке смирно и отдать честь.

– Рокэ, вы опять пили, – произнес он вместо приветствия.

– Пришлось, Курт! – мурлыкнул Алва. – Был такой повод...

– Вы всегда находите и повод, и вино.

– Повод без вина – это страдание, вино без повода – пьянство. Вас и ваших людей хорошо устроили? Вы сыты?

– Да, но я попросил бы вынести из моих комнат некоторые картины.

– И я даже знаю какие. Марсель, возьмете к себе парочку морских дев?

– С удовольствием, – Валме все-таки щелкнул каблуками, – я ничего не имею против ундин.

– Это Марсель Валме, – светским тоном объявил Ворон, – наследник старика Валмона и мой офицер для особых поручений. А в коридоре сидит Герард.

– Рад знакомству, виконт, – Курт Вейзель церемонно наклонил голову. – А где молодой Окделл?

– Решил посмотреть мир, – зевнул Алва, – и я предоставил ему такую возможность. Что ж, Курт, раз вы сыты и всем довольны, поговорим о деле. А из вашей спальни как раз вынесут красоток.

– Я готов, – произнес артиллерист. – Надеюсь, на этот раз мой долг не потребует от меня...

– Успокойтесь, – хмыкнул Рокэ, – на сей раз вашей совести ничего не грозит.

У Вейзеля дернулась щека, но он промолчал. Видимо, у этих двоих были какие-то свои дела.

– Вы следили за дорогой?

Не знай Марсель, сколько Рокэ выпил, он бы сказал, что маршал трезв, как Эсперадор.

– Нет, – покачал головой Вейзель. – Мы ехали ночью и очень спешили. Я заметил только совершенно чудовищные скалы вдоль дороги. У самого города их сменила стена.

– Речь именно о ней. Это единственное по-настоящему уязвимое место. Если стену разрушат, кольцо замкнется. Конечно, это не смертельно, и штурмовать Фельп с суши – дело дохлое, но граждане расстроятся и перепугаются. А перепуганные граждане, привыкшие много кушать и спокойно спать, имеют обыкновение делать глупости. Да и гонять курьеров по скалам – лишние хлопоты. Короче, Курт, нужно, чтоб «павлины» с «дельфинами» о Приморском тракте забыли. Вот, глядите, – Рокэ взял карандаш и изобразил нечто вроде помеси тележного колеса с песочными часами, – это холм. На холме славный город Фельп. Лит с Ундом, когда творили это место, явно были в игривом настроении.

– Лит с Ундом? – переспросил бергер. – Эсператистские демоны?

– В древности их считали богами, один ведал скалами, другой – волнами, вот они и пошутили. На фельпский холм со стороны суши так просто не заберешься, тем более у местных хватило ума понастроить выносных бастионов. Дальше идет то ли долина, то ли Леворукий знает что, где и орудуют наши дорогие гости, а потом начинаются скалы, в которых бакранский козел ногу сломит. Дыру между скалами и холмом защищает стена, которую вы видели. Стена хорошая, но пушки у гайицефцев тоже неплохие. Правда, за дело они еще не брались.

– Из чего сложена стена? – глаза артиллериста стали колючими.

– Местный базальт. Строили на совесть. Имеются два бастиона с восемью пушками каждый.

– Вашего «на совесть» хватит в лучшем случае на месяц, – задумчиво сказал Курт. – После будет не стена, а решето. Нужно подготовить несколько батарей и бить картечью сквозь проломы.

– По берегу шляется тридцать тысяч чужеземных солдат, – напомнил Алва. – Полагаю, Капрас готов положить пятую часть в обмен на тракт. После этого высадятся дополнительные силы. Часть засядет под Фельпом, остальные форсированным маршем двинут в Средний Ургот. Насколько я помню, сильных гарнизонов там никогда не было...

– Что вы надумали?

– Я? – Алва поднял бровь в притворном удивлении.

– Мы знакомы двадцать лет, но я не помню, чтобы вы хоть раз поступали так, как вам советовали старшие. Я представляю, что будет делать Капрас, я предложил вам то, что можно ему противопоставить с точки зрения воинской науки, вас это не устраивает. Что вы хотите?

– Довести до ума то, что бросил Лит. Веньянейра должна примыкать к Фельпскому холму вплотную.

– Ты рехнулся, – выдохнул Курт. Генерал и маршал какое-то время мерили друг друга взглядами и внезапно расхохотались. Единственное пришедшее в голову Марселю объяснение было, что рехнулись оба, но Курт, стерев выступившие слезы, чопорно произнес:

– Господин Валме, герцога Алву часто подозревают в том, что он утратил рассудок, до начала сражения, но никогда – после. Когда с моего языка сорвались слова о сумасшествии, я понял, что дело будет сделано. Итак, Рокэ?

– Нужно взорвать Веньянейру, но так, чтобы, во-первых, придавило побольше нападающих и, во-вторых, получился завал до самого города, да такой, чтоб туда близко никто не сунулся. По высоте проходит, я прикидывал.

– Но тогда, – бергер выглядел ошарашенным, – мы сами сделаем для Капраса осадную лестницу, да такую, что не оттолкнешь.

– Ничего подобного. Сразу видно, что вы ехали ночью. Холм высокий, придорожная стена много ниже городской. Сколько б мы ни нагородили камней, по ним поднимешься разве что на треть холма. И потом, скалы должны упасть так, чтоб там говорить страшно было, не то что лазить.

– Герцог, – не удержался Валме, – а почему бы нам не завалить камнями бордонские лагеря?

– Потому что в других местах долина гораздо шире, – отмахнулся Рокэ, – хотя ваша кровожадность, капитан, делает вам честь. Ну что, Курт?

– Надо смотреть на месте, – глаза артиллериста сияли от азарта, весьма похожего на охотничий. – Главное, чтоб в нужном месте нашлись утесы нужной высоты, а мины мы заложим...

Глава 4

Алат и окрестности Фельпа

«La Dame des Épées & Le Cinq des Coupes & Le Trois des Deniers»¹⁸

1

Твою кавалерию, и этот старик с лысиной и тяжелым лицом – Альберт?! Вот так и понимают, что хватит касеру пить, нужно о душе подумать. Не по себе – себя не видать. По родичам, которых не видел Леворукий знает сколько лет. В Агарисе ей было не до того, чтоб рассматривать братца, да и темновато было, но теперь... Твою кавалерию, полвека назад Альберт был очень даже неплох, а что от него осталось?! Руины... Да и тебе, милая моя, на живодерню пора, а ты все еще задом взбрыкиваешь, стыдно!..

– Ты совсем не изменилась, – великий герцог алатский поднялся и раскрыл объятия блудной сестре.

– Ты тоже, – объявила сестра, – как врал, так и врешь.

– Ильда...

Ильда... Так ее называли только здесь. Анэсти сначала звал жену зарей и розой, потом цедил сквозь зубы «Матильда», Адриан дразнил ее паломницей, а шад уверял, что ей подходит имя Шалиах, знать бы еще, что это значит. Ильда же осталась в алатских горах, она сама позабыла, как звучит это имя. И незачем вспоминать!

– Из меня сейчас такая же Ильда, как из тебя... – Матильда задумалась: все же нехорошо начинать разговор с братом с точных сравнений, – неважно кто... За какими кошками я тебе понадобилась? Только не говори, что в тебе заговорила братская любовь.

– Ох, Ильда, – лысая голова укоризненно качнулась, – ты еще не знаешь, что такое старость, а я знаю. Старики хотят удержать хоть что-то из юности, а моя юность – это ты и Розамунда. Я хотел бы, чтоб вы обе были рядом, но это невозможно. Роза в Кадане, мы вряд ли свидимся.

Врет? Леворукий эту скотину знает – с одиночеством шутики плохи, кому об этом знать, как не ей.

– Я догадывался, что с тобой приедет маркиз Эр-При, но про девушку ничего не знал. Кто она?

– Беглая гоганни, – ты всегда считал себя хитрецом, братец. И всегда лучшим способом тебя обмануть было выпалить правду.

Тонкие губы Альберта искривила улыбка.

– Нет, ты не изменилась: как не умела врать, так и не умеешь. Могла бы придумать что-то поумнее. Гоганни? Ха! А то я гоганни не видел. Ты, Ильда, и то у них за тощую сойдешь, а твоя Мелания и вовсе – дунешь, и улетит! Кто она?

– Мелания? – Матильда вздохнула. – Может быть, сядем?

– Ох, прости...

– Прощу. Если нальешь. Мансайские виноградники еще не засохли?

¹⁸ Королева Мечей, Пятерка Кубков и Тройка Динариев.

– Нет, – Альберт снова улыбался. Теперь он сожрет любую брехню, только чтоб была позаковыристей и погадостней. Чем гаже, тем лучше: такие, как богоданный братец, обожают пакости и верят в них сразу и до конца.

– Я отвыкла от мансайского... Его так трудно достать.

– Что поделать, – здесь братец не врал, он и впрямь был искренне огорчен. Еще бы, из-за какой-то ерунды терять прибыль. – Начни я продавать мансайское, меня б не поняли, против предрассудков не попрешь, но ты мне зубы не заговаривай. Откуда Мелания?

Матильда внимательно и строго глянула в лицо Альберту. Только б не разоржаться.

– Мелания – моя внучка. Моя и покойного Адриана...

– Я так и думал, – лицо герцога напомнило морду обожравшегося медом медведя, – так и думал. Иначе с чего бы...

Альберт Алати осекся на полуслове, но Матильда уже все поняла. Братская любовь и не думала просыпаться, приглашение было вырвано церковью. Родственничек уверен, что она была любовницей покойного Эсперадора, но она ею не была. Причина, по которой их выставили из Агариса, в другом, но в чем? Святой Город хотел помириться с Олларией? Но ведь не помирился же!

– Кстати, изволь называть ее Мэллицей. Я сделаю из нее алатку и выдам замуж.

– Ты ее откорми сначала, – хмыкнул братец, – а то на такое несчастье и ложиться-то боязно.

– Ничего, мужчины у нас смелые. Ты уже решил, где мы будем жить?

– Разумеется, у вас будет дом в Алати, но его еще нужно подготовить, а пока в твоём полном распоряжении Сакаци.

– Вместе с упырями и доезжачими?

– Ильда, прекрати. Ты в сказки никогда не верила.

Не верила, пока не прогулялась ночью по кладбищу, но Алат не Агарис. Про Сакаци чего только не болтали, но на памяти Матильды там никто никого не съел. Тетка Шара дожила до девяноста шести лет, куда уж больше.

– А призрак Шары не спросит, кто пускал к ее моськам кобелей?

– Так это была ты! – с наслаждением протянул Альберт. – Я всегда подозревал.

– Твою кавалерию! Я еще призракам на старости лет не врала. Это был Ференц.

Альберт захлопал глазами, не находя слов от негодования. Точно так же он изображал вытасченного из пруда карпа полвека назад. Только теперь Матильда поняла, что вернулась. Сама притащилась и Альдо с Робером приволокла...

2

Делать было нечего, что по такой жаре не могло не радовать. Зачем Рокэ торчал на артиллерийских учениях, Марсель не понимал, но маршал день за днем, наскоро пробежавшись по стенам и заскочив на верфи, уезжал на побережье, где до шестнадцатого пота гонял корабельных канониров. Несчастных рассадили по тряским повозкам с тупорылыми крепостными мортирками и заставили стрелять на ходу по здоровенным телегам, забитым мокрыми мешками с сеном. Телеги спускали с поросших выгоревшей травой горок, таскали между стреляющими, вновь заволакивали на холмы – и так до заката. Мохноногие взмокшие лошадки в наглазниках и наушниках то рысили, то резко останавливались, то пускались вскачь, то неожиданно разворачивались. Через час и люди, и лошади были мокрыми, как мыши, но ученья продолжались до захода солнца.

Сначала канонирам не везло. Из сотни выпущенных ядер внутрь проклятых телег попадало от силы одно или два, остальные собирали хмурые солдаты. Ядра берегли на случай, если

бордоны все же перережут тракт. Пороха в Фельпе хватало, имелись и пороховые мельницы, и запасы угля, селитры и серы, а вот с ядрами было хуже. Впрочем, порох тоже берегли, стреляя по вконец обнаглевшим бордонам лишь в случае крайней необходимости.

Неудивительно, что «дельфины» чувствовали себя как дома. Для порядка постреливая в сторону города, они лупили по нижней стене, которую на исходе четвертой недели с начала обстрела назвать стеной можно было лишь из чистой любезности. Дыры по ночам заваливали и загораживали земляными турами, но даже Марсель понимал, что стена вот-вот рухнет. Сбивать вражеские пушки из города не получалось – Паучий холм надежно защищал бордонские батареи, и крепостные артиллеристы заметного урона врагу пока не наносили, хоть и старались. Целью незваных гостей был не штурм, а блокада, и всякой осадной мути они понастроили так, чтоб фельпские ядра до нее не долетали, благо похожая на улитку долина это позволяла.

Горожане волновались, дуксы злились, артиллеристы во главе со своим генералом пожимали плечами и берегли ядра, а Рокэ зачастил за город. Марсель полагал, что Ворону просто надоело отвечать на вопросы гран-дукса и генералиссимуса. На нижней стене, которую оборонял Варчеза, маршал тоже не показывался, предпочитая валяться на плаще, наблюдая за артиллерийскими мучениями и лениво переговариваясь с Джильди. Впрочем, утром шестого дня трое канониров приловчились забрасывать ядра, куда хотели, за что получили по десятку золотых. К вечеру сносно стреляло уже человек двадцать, еще через сутки повозки стали ездить быстрее, но число удачливых стрелков все возрастало. Зато телеги приходилось менять по нескольку раз на дню – забивавшие их мешки с сеном не спасали.

– Еще денька четыре, и будет толк, – Джильди удовлетворенно проследил взглядом за удаляющейся повозкой.

– Похоже, – согласился Рокэ из-под накрывавшей лицо парадной шляпы.

– Вы же не видите, – Валме с отвращением потянул шейный платок, не понимая, с какой радости Рокэ внезапно возлюбил мундиры. Где-где, а здесь кэналлийские тряпки сошли б лучше некуда.

– Не вижу, – донеслось из-под шляпы, – но я вам верю.

– Рокэ, – адмирал и маршал чуть ли не на второй день стали называть друг друга по именам, изрядно разозлив половину Дуксии, – канониры пускай стреляют, а нам неплохо бы прокатиться к стене.

– Массимо и Вейзелю я тоже верю, – пробормотал Ворон. – Курт обещал сегодня закончить, значит, закончит. Лучше Вейзеля минное дело знает разве что Леворукий...

– Леворукий?

– Ну или кто там зажигает вулканы, – Алва отбросил шляпу, перекатился со спины на живот, поднял камешек и швырнул в жесткую траву. Раздался какой-то треск.

– Созрел, – в голосе Ворона послышалась нежность. – Фоккио, как вы их называете?

– Бешеные огурцы, – адмирал последовал примеру Алвы, бросив в том же направлении еще один камень, но треска не последовало. Видимо, сбитый Рокэ огурец был единственным.

– Мы их зовем вурьеозо, – маршал накрутил на палец травинку, – в Кэналлоа они созреют недельки через полторы.

– Здесь тоже. Дней через десять проходу от них не будет.

– Вот и славно. По зарослям бешеных огурцов ящерица – и та не проскочит... О, попал! Молодец!

Джилди пригляделся.

– Лука Лотти, канонир с «Влюбленной акулы».

– Вы знаете всех своих людей?

– Гребцов – нет, остальных знаю. Хорошо, дуксы за нами не таскаются. Думал, не продохнуть от этих ... будет.

– Ну, это-то как раз понятно, – Рокэ по-кошачьи потянулся и прикрыл глаза. – Им застыт взор сапфиры. Если бордоны перережут тракт, господа дуксы поднимут вопрос о передаче залога славному городу Фельпу. Но если они будут совать нос в наши дела, мы их сможем обвинить в измене и выдаче наших планов. Кстати, Фоккио, нам понадобится кто-то, кому нечего терять и кто отменно плавает и разбирается в зарядах.

– А в чем дело?

– Я открою вам тайну, когда созреют бешеные огурцы, и ни днем раньше.

– С вами не соскучишься, – адмирал кинул наудачу еще один камешек, в ответ что-то шелкнуло и зашуршало. Не огурец, тот трещал по-другому.

– Киркорелла, – сообщил моряк.

– Показали б вы эту вашу живность, что ли.

Адмирал внимательно посмотрел на Рокэ и усмехнулся.

– Ничего нет проще, в детстве я их прорву наловил.

– Ну так давайте поохотимся.

– Почему бы и нет... Надо только смолой запасть и мясом. Ну и веревка нужна... А за какими кошками вам паукан зандобился?

– Возможно, ни за какими, – маршал тряхнул неподвязанными, несмотря на жару, волосами и глянул на небо. – Завтра дождя не будет, – объявил он, – и послезавтра тоже.

Нечего сказать, удивил. Да тут дождей не бывает до самой осени.

– Рокэ, а почему б нам и в самом деле не съездить на стену?

– Скучаете, – улыбнулся Алва, глядя на приближающегося всадника, – ничего, сейчас развлечемся.

Офицер в запыленном мундире осадил покрытую пеной лошадку.

– Теньент Джованни Марци к услугам монсеньора. Генерал Вейзель просил передать, что он готов.

– Вот и отлично. Фоккио, где живут киркореллы?

– В норках, – удивленно сообщил адмирал.

– Умницы какие! Джованни, слезайте с коня, надевайте мой мундир, давайте мне свой и отправляйтесь искать норки. И чтоб с дороги было ясно, что я от жары совсем свихнулся. Герард, помогите теньенту, завтра мы пойдем на охоту.

– Монсеньор, когда и куда я должен явиться? – Герард продолжал корчить из себя идеального адъютанта, но ему хотелось на стену и не хотелось искать пауканьи лежбища. Рокэ задумчиво поглядел на молодого человека.

– Утром приходите к господину адмиралу и оставайтесь при нем. Марсель, идемте, у нас прорва дел...

3

– Моя госпожа, простите, я сегодня слишком занят, – маршал Карло Капрас с плохо скрываемой ненавистью посмотрел на Зою Гастаки. Та не поняла. Она и слов-то не понимала, не то что взглядов.

У сестрицы дожа было через край всего: щек, носа, груди и далее до самого низа, – но всего больше у нее было склонности и амбиций. Капрас подозревал, что родичи, подарившие перезревшей девице галеас, возлагали большие надежды на фельпских зубанов, но пока мегере сказочно везло. Именно она, а верней, теньент Спиро Доракис, за обещанное дожем капитанство согласившийся стать боцманом «Морской пантеры», потопил фельпский флагман, после чего Зоя окончательно уверилась в своих воинских талантах и всюду лезла с советами.

Капрас терпел – ссориться с жуткой бабой, от которой не избавишься, было последним делом. Маршал хоть и командовал объединенной гайифско-бордонской армией, обладал куда меньшей свободой действий, чем хотел. Военный министр, отправляя армию в Ургот, недвусмысленно дал понять, что кампания ведется под бордонскими флагами, а посему «дельфины» должны чувствовать себя хозяевами, но при этом делать то, что нужно Гайифе... Вот и изволь готовить яичницу, не разбивая яиц, к тому же тухлых!

– Госпожа Гастаки, – маршал изо всех сил старался быть любезным, – я убедительно прошу вас вернуться на борт. Тракт будет перерезан своевременно.

– Якорь вам в глотку, – голосок Зои сделал бы честь любому матросу, – вы трус, маршал. Трус и тугодум, как все мужчины! Если б армию возглавляла женщина, Фельп был бы уже взят.

– Возможно. – Ну почему ей на голову до сих пор ничего не свалилось? Хотя понятно почему. В Рассветных Садах семейке Гастаки делать нечего, в Закате – тем более. Леворукий – кавалер со вкусом, так что быть Зое бессмертной.

– В прошлый раз вы отговорились тем, что готовите минную атаку, и что? А ничего! Местность здесь гористая, долина – не речная, а просто впадина между горами. Быстро в каменистом грунте длинный туннель не пробьешь, а эти ... фельпские задницы вас раскусят на раз. Вибрация по камню идет лучше, чем по земле, вас глухой и то услышит.

Мегера права, а того, кто ее просветил на предмет саперных работ, надо бы найти. И удавить. Повторяет чужие слова, а сама дура душой. В прошлый раз съела все, что он ей наговорил, и не поморщилась, а теперь «вибрация», «грунт»...

– Сударыня, это ваша первая военная кампания?

– Не имеет значения, – окрысилась стерва. Создатель, ну за что ему такая напасть?

– Имеет. Осада крепостей, сударыня, весьма отличается от морских баталий. Эти сражения выигрывают потом, а не кровью. Все решится осенью, когда подойдет деблокирующая армия. К этому времени нижняя стена будет взята.

О том, что она будет взята этой ночью, тебе знать не надо. И о том, что у города останется лишь треть армии, а две трети прорвутся в Средний Ургот и захватят Урготеллу вместе с Фомой.

– Тысяча демонов! Я требую взять стену нынче же ночью и замкнуть кольцо! Я уже писала брату о недопустимости промедления...

Она писала! Это было смешно, но не смешило. Штурм придорожной стены уже назначен, и откладывать дальше нельзя. Батареи на тракте почти готовы, еще день – и придется гнать людей на фельпскую картечь. Но как же не вовремя приперлась эта морская корова! Теперь она раструбит всем и каждому, что, если б не она, Капрас до сих пор бы гонял пауканов. Правда, у него есть свидетели: штабные офицеры, готовящие штурм, но куда им тягаться с Зоей и ее бабами.

– Вот как? Вы настаиваете!

– Да, Леворукий побери! Настаиваю! – крокодилица встала и полезла из палатки, бряцая оружием. Абордажная сабля, два кинжала, пистолеты... И все это там, где у женщины должна быть талия! Капрас подождал, пока чудовищный зад скроется с глаз, и повернулся к генералу Сфангатису. Начальник штаба без лишних слов налил два бокала.

– Иногда мне хочется, чтоб у нас стало на один галеас меньше, – Сфангатис хоть и был бордоном, свою соотечественницу не жаловал.

– Не трави душу, – Капрас залпом осушил стакан, – надо было кончать прошлой ночью.

– Мы и так едва успели. Ничего, того, что сделали, хватит. У скал стена на честном слове держится.

– Надеюсь. Поехали поглядим.

Сфангатис кивнул и поправил шпагу. Леворукий бы побрал Фелып, жару и Зою со всеми ее родичами. Они вышли из палатки, раздался сухой треск, по ноге что-то хлестануло. Маршал Карло Капрас глянул вниз – панталоны заливала какая-то слизь.

– Это еще что такое? – рявкнул он.

– Бешеный огурец, – Николаос указал ногой на розетку невзрачных листьев, вокруг которой расположились похожие на колючие огурчики плоды на длинных черенках. Один черенок украшало нечто желтоватое и скрученное. – Растут по всему побережью от Кэналлоа до Агариса. Когда созревают, выстреливают семенами. Лучше переодеться, у них очень едкий сок.

– Возвращаться – плохая примета, – огрызнулся Капрас, забираясь в седло. Это было глупо, но уж такой день выдался. Сначала бешеная корова, потом бешеный огурец.

4

Старая коряга, она чуть не бросилась с объятиями к голубой елке. Такие растут только в Черной Алати и нигде больше. Она дома, дома, дома, дома! Вдовствующая принцесса повернулась к сидевшей рядом девчонке.

– Смотри, это Черная Алати.

Мэллит смотрела, но ни Леворукого не соображала, да и откуда? Алати гоганни нужна, как ей самой Агарис! Матильда высунулась из окошка и заорала:

– А ну, стой!

Карета послушно остановилась. Шумел ручей, цвел шиповник, в траве лиловели горные астры, вдали, сливаясь с облаками, маячил Анэмский хребет.

– Матильда, – Альдо поравнялся с каретой и уставился на бабку, – что с тобой?

– Ничего, – засмеялась вдовица, – но дальше я в этом курьем ящике не потащусь. Едем верхом.

– Давно пора, – согласился внук. – Сейчас прикажу Луну оседлать.

Вдовствующая принцесса кивнула, вылезла из кареты и сошла в травы. В глаза бросились белые метелки. Анчия! У нее сладкие цветы, очень сладкие, но потом на губах остается горечь и никак не проходит. Не заешь и не запьешь. В детстве она по глупости жевала анчию, в юности по еще большей глупости выскочила за Анэсти Ракана. Было сладко, стало горько...

– Готово, – доложил Альдо. – Луна тебя ждет, а Мэллит Робер в седло возьмет.

– Мэллица она, – недовольно поправила Матильда, – Мэллица! На худой конец Мелания. Неужели трудно запомнить?

– Трудно, – вздохнул внучек и шепнул: – Я алатский учить не буду.

– Да кто ж тебя заставляет, – хмыкнула Матильда. – Мы и сами его перезабыли, если что и осталось, то имена.

– Имена! – оскалился Альдо Ракан. – Язык сломаешь и не заметишь.

– Ну уж какие есть, – фыркнула вдовствующая принцесса, срывая несколько стеблей.

– Что это за дрянь? – поинтересовался внук.

– Анчия, – сообщила бабушка, засовывая сорванные метелки за косо приколотую брошь. – Не вздумай грызть, горечь страшная.

– Не вздумаяю, – Альдо придержал Луну под уздцы. – Долго нам еще?

– К вечеру доберемся...

Можно и раньше, если рвануть через Тикотскую лощину, но она может не отыскать дороги. Подъехал Робер – в темно-красном дорожном платье и на золотистом коне он был зверски хорош. Скоро женится на какой-нибудь наследнице, куда денется! Мэллит, тьфу ты, Мэллица сидела впереди Эпинэ и шурилась, как котенок.

– Красивые места, – Эпинэ поднял руку, заслоняясь от солнца, – люблю горы.

- Давно? – осведомился Альдо.
- Как увидел... Сагранна выше.
- Это отроги, – отчего-то обиделась Матильда. – Главный хребет в стороне.
- Я знаю, – кивнул Робер. – Я там был.

Он и впрямь там был, а вот она дальше Анэмов не забиралась, да и то в юности. А Анэсти и того не видел, хоть и ныл про великую Талигойю. Он был создан для нытья, затащи его Леворукий на трон, он бы в обморок хлопнулся.

– Вам понравится Сакаци, – не к месту брякнула Матильда, отгоняя призрак мужа и злость на себя за зря растраченную жизнь. – Шикарное место: форелевые реки, охота, дикий мед...

– И далеко от столицы, – добавил Альдо, – мешать не будем.

– Чушь, – пожалала плечами Матильда. – Сакаци – герцогский замок. Балинт Мекчеи его больше других любил, а сейчас он свободен. Тетка Шара умерла два года назад, чуть не до ста лет прожила. Ничего, попьем вина, поохотимся, а к зиме будет готов дом в Алати.

– Да, – встрепенулся Альдо, – Робер, ты уже написал про охоту?

– Нет, – Иноходец встревожен, или ей показалось? – Не написал. Мы же не знали, где будем.

– Напиши, – с нажимом произнес Альдо. Вот жеребцы, развели секретов. Сначала – гоганни, теперь охота какая-то...

– В Сакаци просто замечательная охота, – заверила Матильда, – кабаны, олени, медведи, а в замке полно всякой снасти.

– Шара охотилась? – усмехнулся внук.

Матильда осадилась Луну и с удовольствием вlepила заржавшему Альдо подзатыльник.

– Шара только на моль охотилась! Но при старой гримзе из Сакаци ни одного гвоздя не пропало, уж такая она была... Бережливая.

– Значит, стала упырем, – предположил внук. – Все скряги становятся упырями. И еще старые девы...

– Насчет Шары не знаю, а нечисть в Сакаци водилась, – мечтательно протянула Матильда. – Мы с Ференцем ее ловили-ловили...

– С кем, с кем? – скорчил рожу Альдо. – А ну расскажи!

– С бароном Ференцем Лагаши. И между нами не было ничего предосудительного, – чопорно произнесла Матильда, не выдержала и рассмеялась. – Ну и дура же я была!

– А призраки? – не отставал Альдо.

– Нет там никаких призраков. Вот закатные твари захаживали, а одна так и вовсе прижилась... Ночью расскажу, а то на таком солнце страшно не будет.

– Ладно, – кивнул Альдо, – выберем ночь потемней.

– С грозой, – уточнил Робер, – чтоб зарницы, гром, ветер...

Ни единой Золотой Ночки не видали, а туда же, грозу им подавай!

– Будет вам гроза, – пообещала Матильда, – и не одна.

Глава 5 Окрестности Фельпа

«Le Un des Êpées & Le Roi des Êpées & Le Neuf des Coupes»¹⁹

1

– Воистину, в мире нет ничего нового, – заметил Рокэ Алва худому мушкетеру, целящемуся в ночную тьму из полуобвалившейся амбразуры. Стрелок был слишком поглощен своим занятием, чтобы ответить. Солдат не думал как о высоком начальстве, так и о собственной безопасности, и опрометчиво высунулся из-под прикрывавших его камней.

Не знай Валме, что мушкетер мертв уже пару часов, он бы никогда не догадался, особенно глядя снизу, но виконт знал, и это тревожило. Разбитая, залитая лунным светом стена, мертвый гарнизон и несколько кэналийцев с факелами, создающие иллюзию жизни. Жуть! Такое надо запить.

– Валме, вам что-то не нравится? Хотите касеры?

– Не откажусь...

Странная все-таки вещь – луна, не столько светит, сколько пугает. Марсель глотнул касеры и глянул на Рокэ: в призрачном свете одетый в черное кэналийец казался каким-то не таким...

– Рокэ, у вас... у вас глаза светятся.

– У вас тоже. Лунный свет, куда денешься. – Алва медленно пошел по полуразрушенному бастиону, виконт поплелся следом. На стене мерцали огоньки – там бродили люди, но здесь их было только двое. Валме не то чтобы боялся, но чувствовал себя неудобно. Алва наклонился над привалившимся к пушке офицером, поправил шпагу...

– У них ведь даже могилы не будет? – Марсель не шибко придерживался обрядов, но есть же предел всему.

– Будет, – откликнулся Алва, – как раз у них и будет, да такая, что простоит века.

Кэналийец добрался до площадки, на которую не достало трупов, и сел, привалившись к еще не остывшим камням. Луна и тишина держали за горло цепкими невидимыми пальцами.

– Что мы тут делаем? – пробормотал Валме, чтоб завязать хоть какой-нибудь разговор.

– Вы – не знаю, – меланхолически откликнулся Ворон, – а я защищаю Талиг.

– Рокэ, – Марсель уставился на Алву, который невозмутимо созерцал луну, – вас ли я слышу?

– Меня, – подтвердил Первый маршал Талига, – бить врагов удобней в чужом доме, а не в собственном. Чтоб потом не вставлять окна и не менять ковры...

Рокэ замолчал. Валме видел чеканный профиль Ворона, тот сидел, запрокинув голову и прикрыв глаза. Уснул? Это было вполне понятно – Алва не ложился двое суток кряду, но виконту ужасно не хотелось бодрствовать один на один с покойниками. Какое-то время Марсель боролся с собой, потом осведомился нарочито беспечным тоном:

– Рокэ, вы верите в проклятия?

– Вы что-то сказали? – Алва потянулся. – Простите, задремал.

¹⁹ Туз Мечей, Король Мечей и Девятка Кубков.

– Да я так, – замялся Марсель. Теперь ему было стыдно: разбудить человека, который и так почти не спит, – свинство, за которое убить мало... К тому же Рокэ спросонья мог схватиться за пистолеты...

– Так? – участливо переспросил Ворон. – Подозреваю, виконт, на вас действует луна. Это бывает.

– Не то чтобы действует, – признался Марсель, – но как-то неуютно... И еще покойники эти. Не подумайте, что я суеверен, и вообще утром это пройдет, но...

– Я полагаю, вы хотите сказать, что задумались о смысле жизни? Хотите еще касеры?

– Да.

– Ловите, – Алва с легким смешком швырнул флягу, и виконт довольно ловко ее ухватил. Серебро отливало лунной зеленью, на блестящей поверхности чернел рисунок – ворон в полете.

– Рокэ, – Валме от души хлебнул касеры, – вам не кажется странным? Живем один раз и все равно воюем. Вот они, – расхрабренный виконт махнул рукой в сторону стены, – за что они погибли?

– За деньги, – пожал плечами Ворон. – Кроме этого, они присягнули, хотя в наши просвещенные времена это особого значения и не имеет.

– Да, – протянул Валме, – век рыцарской чести прошел.

– Честь здесь ни при чем, – Алва опять созерцал луну. – В древности люди были суеверны и не нарушали клятв, особенно мудреных. Сейчас бояться не закатных тварей или какого-нибудь Зверя, а мушкетов и яда. И это весьма разумно...

Ворон вновь откинул голову. Сейчас уснет, и придется сидеть в темноте и думать о тех, кого оставили на стене. Конечно, они не встанут, и все-таки...

– Рокэ, – взмолился виконт, – расскажите что-нибудь. Про этого Зверя, что ли.

– Ну, вы же видели его следы, – рука маршала погладила эфес, точно кошку.

– Как это? – не понял Валме. – Где?

– По дороге. Съентифики объясняют это какими-то циклами, клирики валят на Создателя, а древние верили, что Гальбрэ уничтожил Зверь. По приказу хозяина.

– Стал бы я вызывать такую тварь, – поежился Марсель.

– У владык земных порой возникают подобные потребности, – зевнул маршал. – Поэтому то ли демоны, то ли боги и сплели власть над Зверем с жизнью того, кто его призывал. Так, на всякий случай, чтоб не зарывались... И они же запретили своим наследникам нарушать обеты. Потому-то Люди Чести и избегают клятв на крови.

– Закатные твари, – пробормотал Валме.

– Вот именно. Представляете, виконт, каков конфуз! Соврал, все поверили, все в порядке, получил что хотел – и тут кто-то вылезает и тебя глотает. Обидно! Уж лучше не клясться или клясться чем-нибудь попроще. Вроде чести или доброго имени.

Марсель промолчал, представляя древние времена, когда люди ходили в туниках и сандалиях, дрались короткими мечами, верили в четырех демонов и еще не боялись клясться на крови. Рисовали и лечили тогда лучше, чем теперь, но все остальное...

– Не хотел бы я жить до Эрнани Святого, – сообщил виконт, – уж лучше теперь.

– А мне все равно, – зевнул Рокэ. – Впрочем, времена не выбирают, а хоть бы и выбрали...

– Если б выбирали, я б выбрал Двадцатилетнюю войну!

– Вам нравится тогдашняя мода? – поднял бровь Алва. – Она и впрямь недурна, особенно женские сетки для волос. Кстати, как вы нашли фельпских красоток?

– Никак, – обиделся Марсель, – как я могу проводить вечера с женщиной, если знаю, что утром явится Герард.

– Действительно, – согласился Рокэ, – война порой мешает развлечениям, но она же дарит нам приятные знакомства. Насколько я понял, вы спелись с младшим Джильди? Он влюблен?

– Рокэ!

– У бедняги удивительно глупое выражение лица, – пояснил маршал. – Именно такое бывает у влюбленных в мыльный пузырь.

– Вообще-то Луиджи мне ничего не говорил...

– Разве? И что же вам не говорил сын Фоккио? Что он погиб навеки или из-за кого сие случилось?

Марселью стало смешно, несмотря на мертвецов с мушкетами. Бедный Луиджи, он считает себя таким спокойным и невозмутимым...

– Вообще-то это страшная тайна!

– Ну так расскажите, обстановка самая располагающая. Луна. Покойники...

– Луиджи сопровождал дукса, запоматывал фамилию, желтолицый такой. После разгрома они ездили выкупать у Капраса пленных. Там были и моряки с корабля Фоккио, но самого адмирала на переговоры не пустили.

– Правильно, между прочим, – одобрил Алва. – Уж не хотите ли вы сказать, что Джильди-младший отдал сердце морской пантере?

– Вы ясновидящий?

– Нет, – покачал головой Первый маршал Талига, – но семейство Джильди вряд ли склонно к любви по-гайфски, а на переговорах присутствуют только высшие лица и те, кому принадлежат пленники. Полагаю, без капитана Гастаки с помощницами там не обошлось.

– Дожиха страшной кладбищенской кобылы.

– Не сомневаюсь, иначе зачем бы ей в ее возрасте воевать, – Рокэ резко вскинул голову. – О, кажется, наши друзья зашевелились. Пора пожелать им доброго утра...

Доброго, как бы не так! Конечно, призраки и закатные твари убралась в свои норы вместе с луной, зато проснулась война, и Валме вновь стало страшновато. Марсель не сомневался, что останется жив, но он мог оконфузиться, ведь все, кроме него и Герарда, уже понюхали пороха, хотя Герарда отправили в город...

2

Укрытие подготовили еще вчера. Если Курт рассчитал правильно, здесь им ничто не грозит. А если неправильно? Виконт с некоторым сомнением глянул на внушительных размеров трещину и перепрыгнул со стены на скальный уступ. Шедший вторым Алва отсалютовал шпагой мертвым защитникам бастиона и присоединился к Валме. Трещину он словно бы и не заметил, так же как и крутой подъем. Валме едва поспевал за кэналлийцем: еще бы, на его милом полуострове полным-полно скал, а в Валмоне любая кочка – гора!

К концу подъема Марсель раз двадцать поклялся себе никогда больше не связываться ни с Вороном, ни с горами, ни с войной, каковая уже их поджидала в образе Курта Вейзеля. Генерал был затянут в парадный мундир, но на ногах его были не сапоги, а мягкие кожаные туфли без каблуков. Значит, поджигать запалы будет лично. Зануда, своим бергерам – и то не доверяет!

– Доброе утро, господа. Капрас отходит, сейчас будет рвать фугасы. Нам тоже пора. – Курт Вейзел протянул Алве пакет: – Герцог, это мое завещание и письма жене и сыновьям.

– Ваша обстоятельность, Курт, Леворукого в гроб вгонит. – Рокэ сунул письма в карман и внезапно ловко сорвал с пояса Вейзеля черный мешочек. – Марсель, придержите генерала, он взволнован.

– Рокэ! Куда?!

– Подрывать скалу, – доверительно шепнул Алва, сбрасывая сапоги.

– Это мое дело! – Вейзель попробовал выхватить у Ворона свое имущество, но Марсель честно повис на плечах артиллериста. – Мое и ничье больше. Если я ошибся, я и отвечу... Не смей рисковать, бездельник!.. Ты принадлежишь Талигу!

– Все принадлежат! – отмахнулся Рокэ. – Успокойтесь, Курт, со мной ничего не случится, и я, благодаренье Леворукому, не женат.

– Рокэ, – Вейзель рванулся и осекся, нарвавшись на синюю молнию. Алва засмеялся, подбросил на руках мешочек и исчез в скалах. Генерал вздохнул, Марселю стало его жалко.

– Давайте посмотрим на бордонов, – Валме тронул Вейзеля за плечо. Это было страшным нарушением субординации, хотя хватать генералов за руки и не пускать было еще большим прегрешением. Впрочем, грешил он по приказу Первого маршала.

– Наденьте шлем, – со вздохом произнес Вейзель, указывая на сложенные у тщательно вырытой ямы старинные доспехи. – Леворукий побрал бы этого... – Бергер замолчал, видимо, вспомнив, что ругать маршала в присутствии младшего офицера не следует.

Чтобы не смущать беднягу, Марсель сделал вид, что занят вражескими войсками. Полу-мрак не позволял разглядеть подробности, но внизу очень осторожно суетились. Ворон сказал, что бордоны бросятся в атаку сразу же, как рванет заложенная под стену мина, и Марсель не имел никаких оснований ему не верить. Сердце виконта отвратительно колотилось, руки дрожали, хотя он просто лежал и смотрел.

– Сударь, – пусть бергер думает что хочет, молчать он не в силах, – сударь, сколько их там?

– Около шести тысяч, – мертвым голосом произнес артиллерист. Он сидел в яме рядом с Марселем, но душа его витала над запалами. Валме прикусил щеку, чтоб не задавать дурацких вопросов, вопросов, за которые хочется убить. Такая веселая война, сплошные шуточки!

Внизу прекратили копошиться, значит, готовы. Марсель повернулся к стене, темной, тихой, но, если смотреть в окуляр, можно разглядеть часовых и спящих артиллеристов. Только бы бордоны не заметили, что никто не двигается! И вообще, будут они взрывать свою сапу или нет?!

Небо стало совсем светлым – скоро восход, самое время для атаки на спящего противника. Сбоку что-то прошуршало. Ящерица? Неведомая киркорелла? Разрубленный Змей, сколько можно ждать!

– Не грызите ногти, капитан!

Валме вздрогнул и поглядел на свои руки. Детская привычка, он от нее избавился еще до Лаик. Камень, на котором лежал Валме, слегка дрогнул, но виконт все понял лишь тогда, когда примыкающий к скалам кусок стены начал отгибаться, словно лепесток гигантского тюльпана. Раздался глухой рев, лепесток рассыпался на отдельные камни, стали видны кусок тракта, земляные туры, темное жерло пушки. Что-то затрещало... Барабаны. Бордонские барабаны! Фигурки в лазоревом потекли к пролому, человеческая речка жалась к скалам, таким надежным, нерушимым, вечным.

Голова атакующей колонны почти достигла пролома, но движение замедлилось: бордонам пришлось пробираться через свежий завал. Задние напирали на передних, а со стороны стены не было ни единого выстрела. Сейчас они догадаются! Нет, лезут вперед так быстро, как могут.

– Что же он?!

Марсель этого не говорил, только думал. Значит, сказал Вейзель. Губы артиллериста были совсем белыми. Чего ждет Рокэ? Сейчас бордоны доберутся до пролома и поймут...

Скалы вздрогнули, словно просыпаясь. Марселю показалось, что под ним шевельнулись пресловутые изначальные твари. Окделлы дураки, с чего это они вбили в свои тупые головы,

что скалы тверды и незыблемы?! Очень даже зыблемы!.. Базальтовая стена задрожала, как ежевичное желе, на ней проступили какие-то полосы, раздался рев, вверх и в стороны черным фейерверком брызнули осколки, похожий на змеиную голову утес качнулся и ринулся вниз, на ходу разламываясь на куски. И тотчас друг за другом прыгнули в бездну еще шесть каменных чудищ, с прилегающих скал посыпались камни и обломки.

Сквозь рев оживших глыб прорывались крики погребаемых заживо, тучи пыли окутали пространство между Фельпским холмом и Веньянейрой, словно втягивая в себя звуки и краски. Земля дрогнула последний раз и успокоилась. Валме потряс головой и сел, вытянув ноги и с трудом соображая, на каком он свете. Взрыв свое дело сделал, но...

Виконт поймал встревоженный взгляд Вейзеля. Они думали об одном и том же, думали и молчали, подсчитывая секунды. Если за спасенный тракт Рокэ заплатил головой, горел бы этот тракт вместе со славным городом Фельпом закатным пламенем. А вдруг Алва ранен? Или его завалило камнями? Какого змея они расселись! Надо бежать, искать, звать. Надо делать хоть что-то!

– Замечательный хаос, Курт. – Марсель вздрогнул и оглянулся: маршал стоял сзади, оглядывая нагромождение базальтовых глыб, похоронивших остатки стены и добрую половину штурмующих. – У меня нет слов! Вы посрамили самого Лита.

– Да, удачно получилось, – Вейзель изо всех сил пытался сохранить невозмутимость, но глаза артиллериста блестели, а на скулах горел румянец. – Будь долина пошире хотя бы на сотню бье, и успех был бы весьма сомнителен. Рокэ, вы обратили внимание, как легли камни? Они весьма неустойчивы, самый незначительный толчок может вызвать обвалы, причем исключительно в сторону, противоположную стене.

– Надеюсь, Капрас оценит, а не Капрас, так его воинство. Что ж, мы объяснили «дельфинам», что на суше им не место, остается вдолбить «павлину», что он птица отнюдь не водоплавающая... Курт, ваши письма! Спрячьте их и никому не показывайте!

– Вы должны были предоставить это дело мне, – мрачно произнес артиллерист.

– Курт, нельзя все время говорить одно и то же, это надоедает. Капитан Валме, вам понравилась война?

– Скорее, да, – заверил Марсель, – хотя через неделю, проезжая в Фельп, придется зажимать нос.

– Что поделать, – Рокэ небрежно поправил воротник, – Его величество Дивин мечтает понюхать труп Талига, а нам с вами ничего не остается, как нюхать трупы его подданных и союзников. Уж потерпите.

– До зимы? – мужественно спросил Валме. – Я готов.

– Или до смерти. Или до возвращения к Марианне. У вас выбор есть, у нас с Куртом – нет, но я, пожалуй, спущусь. Надо посмотреть, как выглядит то, что получилось, снизу.

Герцог рассмеялся и помчался вниз, прыгая по камням не хуже бакранского козла. Валме с тоской посмотрел на то, что тропой можно было назвать лишь спьяну. Вейзель перехватил взгляд Марселя и понимающе кивнул:

– Он всегда был таким, а ведь мы знакомы двадцать лет. Когда фок Варзов привез в Торку нового оруженосца, – жесткое лицо артиллериста смягчилось, – мы поняли, что раньше жили весьма скучно. Самое удивительное в этом сорванце, что он умудрился дожить до своих лет...

Нет, Вейзель неподражаем! Если Рокэ – «сорванец», то его крылатый тезка – морискилла.

Виконт улыбнулся собственной шутке и поправил шляпу. Солнце уже взошло, пыль постепенно оседала, и вообще все было прекрасно. И с чего это он так разволновался? Они, без сомнения, победят и вернутся в Олларию к вящей радости дам и девиц. Если, разумеется, не сломают шею на этой дурацкой тропе.

– Чуть дальше имеется неплохой спуск, – заметил Вейзель, – предлагаю им воспользоваться. Я уже стар для путей, которые выбирает Алва.

– Я, видимо, тоже, – вздохнул Марсель. – Не то чтоб я боялся высоты, но как-то не тянет...

3

Гран-дукс, генералиссимус с Просперо и штуки четыре дуксов созерцали завал. Рокэ с Варчезой и Джильди стояли чуть сзади, предоставив отцам города любоваться новеньким хаосом. В свете разъяренного солнца каменные глыбы блестели, словно черный лед. О том, что было под ними, виконту Валме думать не хотелось.

– Вы полагаете, с этой стороны угрозы больше нет? – произнес гран-дукс несколько дрогнувшим голосом.

– Фельпу – нет, – Рокэ улыбнулся. – Тем, кто попробует добраться до тракта через завал, есть. Потребуется несколько лет, чтобы камни нашли свое место и обрели устойчивость.

– Это – большой капкан для неосторожных, – заметил еж-фортификатор. – Я восхищен вашей работой!

– Генерал Вейзель – лучший артиллерист и минер Талига, – коротко сообщил Рокэ.

– Город Фельп благодарит Рокэ из Кэналлоа, – промямлил Ливио Гампана, опасливо косясь на громоздившиеся над стеной обломки.

– Господин Гампана, – Вейзель тоже заметил взгляд фельпца, – эти камни не опасны.

– И все же лучше отойти, – предложил желтолицый дукс. – Я не могу не верить вашему слову, генерал, но я не военный и не ученый. Мои глаза меня пугают.

Алва, не говоря ни слова, перешел тракт и остановился у кучи пестрых валунов. Желтолицый вынырнул рядом.

– Вы были правы, герцог, – это было явным заигрыванием: дворянские титулы в торговом Фельпе не жаловали, – среди нас были предатели.

– И кто же?

– Дукс Андреатти и полковник Саргацци. Они признались во всем.

– И в том, что сообщили Капрасу об атаке на Паучий?

– Разумеется. В доме Саргацци найдены неопровержимые доказательства их измены.

– Вот как? – Ворон тронул эфес. – Признаться, я несколько удивлен.

– Удивлены? Но не вы ли первым заподозрили Андреатти?

– По здравом размышлении я решил, что уши Андреатти слишком совершенны, чтобы оказаться настоящими. Так вы полагаете, с предательством покончено?

– Мы надеемся на это, – веско произнес подоспевший генералиссимус, – но Капрас хитер, а Бордон богат. Пока не подошла помощь, мы должны быть очень осторожны. Очень!

– Это относится и к вам, сударь, – в голосе гран-дукса звучал отеческий упрек. – Ваша жизнь принадлежит не только вам, но и Фельпу.

– Если со мной что-то случится, вам на память останутся, – Рокэ улыбнулся, – камни. Много камней... Впрочем, риска никакого не было. Мы заблаговременно отвели людей, а стену украсили трупами, впрочем, на вид весьма воинственными. Старый трюк, но действенный, особенно в сумерках. Капрас попался и начал штурм, нам оставалось лишь поджечь запалы.

– Какой урон нанесен противнику? – внес свою лепту в разговор красивый полный дукс. Марсель знал его имя, да забыл.

– Тысячи три, – Рокэ повернулся к Вейзелю. – Как вы думаете, Курт?

– Да, что-то около того. Но главное, – бергер улыбнулся совсем как человек, – они потеряли голову от страха. Мы сверху видели, как бегут уцелевшие.

– Сегодня в Дуксии будет прием в честь победы, – объявил Гампана.

Дуксы и слуги города загомонили. Только Просперо молчал как рыба, причем рыба завистливая.

– Я бы сказал: в честь блистательной победы, – пророкотал генералиссимус. – Фельп жаждет приветствовать своих героев.

– Позвольте поблагодарить вас и за себя, и за генералов Вейзеля и Варчезу, – Рокэ слегка поклонился. – К сожалению, сейчас я вынужден вас покинуть. Нас с адмиралом Джильди ждет дело, не терпящее отлагательства.

– Может быть, прием следует перенести на завтра? – в голосе гран-дука послышалась озабоченность.

– Ни в коем случае. К вечеру мы вернемся.

Рокэ взял под руку Джильди, и маршал с адмиралом быстро зашагали по тракту, за ними бросился истосковавшийся Герард. Марсель немного поколебался, но любопытство победило лень.

Виконт догнал Рокэ за первым же поворотом. Джильди и Алва стояли лицом к лицу, причем адмирал пялился на маршала, как на красную ворону. Марсель ускорил шаг, и вскоре до него донесся голос Рокэ:

– ... только не говорите, что вам не хочется тряхнуть стариной.

– Вам мало сегодняшней добычи? – Джильди кивком указал на завал.

– Appetit приходит с едой, – сообщил Рокэ. – Я так понимаю, что, будучи озабочены исходом штурма, вы забыли о наживке.

– Три тибура на ваш гарпун! Других дел у меня не было!

– А вы, Герард?

– Я все принес, – несносный мальчишка вытащил какой-то узел, – мясо, веревку, смоляные шарики.

– Видите, Фоккио, у нас нет никаких причин откладывать охоту, – подмигнул Алва. – Вы говорили, киркореллы живут в норах, а справа какая-то дырка...

– Она и есть! – моряк ловко обвязал мясо веревкой и вдавил в черный, блестящий сгусток. – Ну, сами попросились.

Адмирал Фоккио Джильди наклонился над дыркой и неспешно поволок приманку по потрескавшейся земле, раздалось сухое шуршание.

– Любопытно, если сравнить киркореллу с юным ызаргом, чья возьмет? – поинтересовался Рокэ.

– Я не видел ызаргов, – признался Валме.

– Видели, – Рокэ зевнул, – и множество... В столице...

– Вы о Штанцлере? – догадался Марсель.

– Не все кансилльеры – ызарги, – Рокэ прикрыл ладонями глаза, – и не все ызарги – кансилльеры. Стоп!

Марсель не отрывал взгляда от темного отверстия, но так и не понял, откуда выскочило нечто пыльно-серое, величиной с кулак. От неожиданности Марсель ойкнул, адмирал с довольным смешком отбросил веревку с добычей; влипший в смолу волосатый ком яростно задергался и вдруг подпрыгнул на пару бье, увлекая за собой осклизлый мясной шматок... Это было довольно неприятно.

– Какая прелесть, – Рокэ шагнул вперед. Одно движение, и серая мерзость оказалась в руках герцога. Марсель опасливо вытянул шею: Алва одной рукой держал киркореллу за спину, другой натягивал веревку, лишая тварь возможности маневра. Пленница сучила в воздухе тремя парами ног, а передние лапы и челюсти намертво увязли в смоле.

– Вечная беда, – покачал головой Алва, – разинуть рот на то, что лучше не трогать...

Киркорелла согласно дрыгнула задними лапами. Она раскаивалась.

– Смотрите, – Алва протянул паука Марселю, и тот невольно попятился, – вроде паук пауком, а задние лапы как у саранчи.

– Оно... оно ими прыгает? – выдавил из себя Валме. В свое время на волчьей охоте виконт показал себя неплохо, но волосатая тварь вызывала оторопь.

– Задними – прыгает, передними – хватает. Очень удобно.

Алва поднял влипшую в смолу киркореллу на уровень глаз и несколько раз повернул, рассматривая, словно драгоценность

– Надо будет наловить пару тысяч, – сообщил он наконец. – Думаю, особого труда это не составит.

– Пару тысяч? Этих?! – Джильди не хватало слов, даже морских.

– Не меньше! Фоккио, не смотрите на меня так. Мне кажется, я нашел этим пушистым малюткам достойное применение.

Глава 6 Оллария

«La Dame des Deniers & La Dame des Coupes & Le Quatre des Coupes»²⁰

1

Ох, как трудно, дорвавшись на старости лет до тряпок и драгоценностей, не превратиться в ярмарочную обезьяну. Так и тянет замотаться в вишневый бархат или лиловый шелк, а в придачу обвешаться рубинами и изумрудами.

– Дора²¹ Луиса, вам помочь?

– Спасибо, Кончита. Мне ничего не нужно.

Кончита кивнула, но не ушла, а принялась протирать черепаховые гребни.

Странное дело, слуги Алвы к новым обитательницам его особняка отнеслись на удивление сердечно. Кэналлийцы, как могли, баловали двух «дорит» (к немалой гордости Луизы, предпочитая Селину), да и новоявленную дуэнью с ее неземной красотой приняли как свою. И еще все они поголовно обожали соберано Рокэ и могли говорить о нем часами, а Луиза могла часами слушать, что немало способствовало завязывавшейся дружбе.

И все равно Луиза хотела поскорей перебраться в подысканный Хуаном особнячок на улице Гвоздик. Ее, в отличие от Аглаи Кредон, не волновало, что юные девицы живут под крышей холостого мужчины, да еще первого развратника Талига, но в новый дом она сможет взять Жюля и Амалию. Луиза разрывалась между особняком Алвы и материнским домом, но приучать младших к чужой роскоши не стоит...

– Дора Луиса, подать вам платье?

– Лучше помоги доритам, – Святая Октавия, какие ж они прилипчивые, эти кэналлийские словечки. – Я привыкла одеваться сама.

А также не демонстрировать свои прелести без лишней на то необходимости. Но как заманчиво напялить роскошный наряд и видеть его на себе, а не себя в нем.

Луиза Арамона решительно взялась за черное платье. Спасибо Франциску Оллари, сделавшему черный цветом молитвы и траура²². В сером она была бы вылитой крысой, а черный хоть кого облагородит. Особенно блондинку, блондинкам в Талиге нужно быть вдовами, хотя Марианна Капуть-Гизайль – брюнетка. Впрочем, баронесса надевает черное только в храм. Луиза не удержалась и провела рукой по алатскому атласу: таких роскошных тканей ей носить еще не доводилось. Ей много чего не доводилось и уже не доведется, но это не повод ныть и злиться на весь белый свет.

Капитанша собственноручно заколола волосы черепаховыми гребнями – еще одна роскошь – и вдела в уши серьги из раух-топазов. Достоинно и скромно, а дуэнья и должна быть скромной и достойной. А также немолодой и страшной, как смертный грех, но с этим как раз все в порядке, хотя в юности было хуже. Для красавицы старость – преисподняя, для уродины

²⁰ Королева Динариев, Королева Кубков и Четверка Кубков.

²¹ Госпожа (кэналл.).

²² В оллариянском Талиге траурные наряды черные, а свадебные – белые. Дворянство дополняет их оторочками родовых цветов, горожане – цветов своего города, крестьяне – своей провинции.

– тихая гавань... Луиза еще разок обозрела свое отражение, пришла к выводу, что лошади от нее не шарахнутся, а до придворных ей дела нет, и поднялась к дочери.

– Мама! – ойкнула Селина. – Ты чудо!

Она чудо?! Ерунда! Чудом была Селина! Такой художники рисуют Весну, не хватает только серебряной корзины с подснежниками и голеньких крылатых детишек.

– Жемчугу бы побольше, – проворчала Кончита, – и сапфиров! Чего жаться?

Кэналлийка не понимает: герцогиня ²³ должна выглядеть как герцогиня, а они с Селиной – всего лишь свита Айрис Окделл. Госпожа Арамона уняла материнское честолюбие и оставила золото и рубины Айрис, одев дочь в голубое и белое, и поступила совершенно правильно. Вдова капитана Лаик улыбнулась разбушевавшейся кэналлийке:

– Выйдет замуж – будет носить камни мужа, – а ведь Селина и впрямь может найти хорошего жениха. Знатного, богатого и, самое главное, любимого!

– А чего ждать? – не унималась Кончита, открывая шкатулку. – Есть – носи...

– Я... Я не привыкла, – пролепетала дочка, но шейку подставила. Кончита с довольным видом щелкнула миниатюрным замочком и отошла, любуясь делом своих рук. И в самом деле, так стало еще лучше. Крупные голубоватые жемчужины на высокой шее подчеркивали девическую хрупкость Селины. Неужели эта юная богиня – ее дочь? Ее и пучеглазого красномордого уroda?! Но Арнольда лучше не поминать даже в мыслях, еще накликаешь!

2

Девочки сидели прямо, словно проглотили по хорошему копыю. Селина была обворожительна, но и Айрис больше не походила на жеребенка-переростка. Присланные баронессой Капуль-Гизайль портные и куаферы превратили девицу Окделл в истинную аристократку. Самым трудным было убедить Айрис одеться в родовые цвета Окделлов, а не в черное и синее, что было бы верхом неприличия. Выручило пунцовое платье с черными бархатными лентами и золотым шитьем – расстаться с ним девушка не смогла, а рубиновые подвески довершили дело.

Юная герцогиня смирилась и перестала говорить о сапфирах и синем атласе. Надолго ли? Луиза не сомневалась, что с Айрис придется нелегко, но пока она справлялась, да и сбежавшая из родимого дома девушка капитанше нравилась. Сама Луиза послушно проглотила приготовленное для нее родителями варево, не пытаясь ничего изменить. Айрис вызывала уважение хотя бы потому, что восстала, и потом, Селина была красивее дочки Окделлов, причем намного.

Луиза понимала, что подобные мысли ее не украшают, но если не можешь гордиться своим лицом – гордишься дочерним. Селина получит все, чего была лишена ее мать, а Айрис – то, на что имеет право как одна из первых талигойских аристократок. Кошки б разодрали эту герцогиню Мирабеллу! Какой же дурой нужно быть, чтобы хоронить себя и детей в разваливающемся замке и шипеть на весь белый свет! Самой тошно, дочек бы пожалела, им же жить хочется, любить, танцевать. Хорошо, Айри сбежала, хорошо, ей было к кому бежать, а ее сестры? Нужно будет как-нибудь вытащить и их, вот вернется герцог...

Карета – думала ли Луиза Арамона, что ее станут возить по столице в карете с гербами, – остановилась. Антонио, услужливо распахнув дверцу, подал руку, и Луиза Арамона оказалась у дворцовых ступеней.

²³ В Талиге, согласно Кодексу Франциска, незамужняя женщина носит титул отца, замужняя и вдовая – мужа. При этом женщина не может владеть майоратом, который в случае отсутствия наследника мужского пола переходит к ближайшему родичу-мужчине.

Офицер охраны внимательно прочитал пригласительные письма и еще более внимательно оглядел прибывших дам.

– Сударьни, я буду сопровождать вас до приемной ее величества.

– Благодарю вас, сударь!

– Я счастлив служить столь прекрасным особам.

Офицер подал руку ей, но смотрел он на девушек. На Айрис Окделл с удивлением и одобрением, а вот на Селину... В глазах молодого человека было искреннее восхищение, и Луиза почувствовала себя отмищенной за все свои горести. Пусть ее жизнь пошла коту под хвост, она будет счастлива вместе с Селиной!

Они поднялись по белой, устланной алым ковром лестнице, прошли мимо двух бронзовых воинов, один из которых отдаленно напоминал Рокэ Алву, и вступили в роскошную анфиладу. Луиза ловила любопытные взгляды, но не краснела и не опускала глаз. Она здесь по воле Кэналлийского Ворона, и она сделает то, что он хочет, и даже больше.

3

Двери были инкрустированы перламутром и позолоченной бронзой. Вырастающие из светлого дерева леопардовые лапы сжимали костяные шары. По обе стороны торчали черно-белые гвардейцы с алыми лентами через плечо: охрана ее величества, причеши ее хорек! За утренними хлопотами Луиза позабыла о Катарине Ариго, но нахальный алый шелк поверх строгих мундиров разбудил прикорнувшую ненависть. В душе, не на лице. Придворной даме не пристало выказывать истинные чувства.

Охранники при виде дежурного офицера расступились. Молодой человек учтиво поклонился Луизе, обжег страстным взглядом Селину и нажал на костяной шар. Тяжелые створки разошлись медленно и беззвучно, словно во сне, и Луиза вступила в логово Катарини.

Желтолицая кляча в алом, удивительно не идущем ей платье, оказавшаяся баронессой Заль, велела следовать за ней. Луиза последовала, надеясь, что девочки сохраняют приличествующее случаю выражение лица, тем более после особняка Алвы поразить их роскошью вряд ли возможно.

– Ее величество ждет.

Белые двери, белые, шитые алым портьеры, стайка дам в дурацких позах, стоящая у окна женщина в белом и черном – высокая, перевитая жемчугом прическа, тонкая шея... Девочка в материнском платье, по крайней мере сзади.

Луиза Арамона присела в низком реверансе, дожидаясь, пока Катарина Ариго изволит обернуться. И та изволила. Дернулась, словно ей за шиворот лягушку бросили.

– Прошу... Я... Мы... Мы рады видеть своих новых слуг... Встаньте, друзья мои.

Просит она. Пусть перед другими кривляется, ломака.

– Ваше величество, мы счастливы служить вам.

– Нет-нет... Это я счастлива видеть дочь... Сестру юного Ричарда Окделла. Подойди ко мне, дитя мое.

«Дитя» было выше «маменьки» чуть ли не на голову, но они могли сойти за родственниц. Пепельные волосы, худоба, порывистость. Королева старше лет на десять, а издали кажется, что наоборот. Родить троих детей и остаться девочкой – это надо уметь!

– Садись, дитя мое. – Катарина подала пример, опустившись в глубокое кресло, делавшее ее еще меньше. Айрис послушно присела на пуф у ног ее величества. Окно, разумеется, оказалось у королевы за спиной. Бедная страдалница знала, где сесть самой и как усадить гостью.

– Госпожа Арамона, милая Селина, – проворковала королева, – садитесь. Мне... Мы не любим, когда перед нами стоят.

Да, мы не любим, когда перед нами стоят, мы любим, когда с нами лежат! Луиза чинно устроилась рядом с давешней корягой в алом, а Селина приткнулась возле рыженькой толстушки в зеленом платье с розовыми поросячьими лентами. Создатель, и кто только додумался до такого уродства?!

Стало тихо, только в клетках на окне щебетали морискиллы. Госпожа Арамона украдкой обозрела комнату и с трудом скрыла усмешку, увидев на стене роскошный морисский ковер. В доме властителя Кэналлоа такими застилала полы. И правильно!

– Айрис Окделл, – королева страдальчески улыбнулась, – нравится ли тебе Оллария?

– Да, ваше величество. – Голос Айри звучал бесцветно, словно она отвечала скучный урок. – Это очень красивый город.

– И очень большой, – вздохнула королева. – Надеюсь, тебе здесь не будет одиноко.

Эта мерзавка всегда говорит, как на похоронах, или нет? Только на похоронах еще и плачут, но плакать мы не станем, от плача краснеют глазки и распухает носик. Мы будем страдать молча.

– Ты играешь на арфе?

– Нет, – пробормотала Айрис, – меня учили только на лютне...

– Лютня, – Катарина еще раз вздохнула, – верный друг менестрелей. Лютня – это душа Талигой... душа Талига. Поющая, страдающая, любящая душа. Я так давно не слушала лютню...

Кто ж тебе мешает? Ты – королева, хочешь – слушай лютню, хочешь – гвардейский барабан, хочешь – гвардейские охи...

– Селина Арамона, – ее величество решили заняться второй фрейлиной, – подойди...

Селина сделала реверанс, королева улыбнулась. Нежно улыбнулась, но Луиза впервые в жизни пожалела, что дочь пошла в бабку Аглаю. Рядом с Айрис Окделл Катарина Ариго казалась хрупкой статуэткой, но не рядом с Селиной.

– Селина. – Правильно, здесь «дитя мое» не пройдет. – Мы надеемся на твою службу.

– Я счастлива, ваше величество. – Дурочка развесила уши. Ей бы к бабкиной внешности еще б и ее нюх!

– Мы верим тебе. И позволяем тебе носить наши цвета.

Еще бы! Красный делает старше любого, а голубоглазая блондинка в красном превращается из ангела в куртизанку.

– Ваше величество... – потупилась Селина.

Она еще и благодарна! Нет, это не Селина – дурочка, а она – дурища, раз не рассказала дочери о женских пакостях.

– Госпожа Арамона, вы ведь недавно потеряли супруга? – теперь глазки ее величества смотрели на нее. Неплохие глазки, ничего не скажешь, но бывают и лучше. И реснички подведены! Вестимо, не по воле Катарини Ариго, а по требованию этикета. Но под гайифской тушью они белесые! И брови тоже! Ну и что, что синеглазый герцог спит с Катариной Ариго?! От кровати до любви не ближе, чем от Арнольда Арамона до Рокэ Алвы.

– Ваше величество, я все еще оплакиваю свою потерю.

Оплакивает? Свою молодость – возможно, но не Арнольда, хотя его участи никому не пожелаешь. Разве что такой вот медоточивой гадине.

– Да, я вижу, вы носите траур... В наше время слишком многие теряют близких. – Голосок Катарини дрогнул. – Слишком... Но не все столь счастливы, что могут оплакать свою потерю.

– Создатель прочитает в наших сердцах.

Вот тебе! Мы тоже умеем лицемерить, ваше величество. И врать умеем, и Книгу Ожидания цитировать. Селина и Айрис – глупые мышки, но за ними приглядывает злоющая кошка.

Глава 7

Фельп и его окрестности

«Le Trois des Bâtons & Le Deux des Bâtons & Le Huite des Deniers»²⁴

1

Кошмар повторился, неизбежный утренний кошмар с Герардом Арамоной. Марсель разлепил изрядно опухшие веки.

– Герард, что там?

– Утро, – бодро ответил подрастающий изверг, отдергивая портьеру и впуская в увешанную нахальными ундинами спальню еще более нахальный солнечный луч. – Монсеньор ждет. Мы едем в Байябьянку.

– Это еще что за тварь? – простонал Валме, совершенно не нуждаясь в ответе, но Герард жизнерадостно сообщил:

– Бухта. Чуть в стороне от Приморского тракта, два часа рысью. Принести вам шадди?

Оказывается, юный упырь способен на милосердие!

– Принеси, – Валме отбросил покрывало и проковылял к зеркалу. Так и есть, физиономия раздулась, бритвенным тазиком не покроешь. Надо меньше пить, особенно на ночь! Эх, ну почему он не кэналиец, лакал бы, сколько влезет, и обходился без куаферов. Виконт со злостью дернул развившуюся прядь. Привести себя в порядок он все равно не успеет, и кому он нужен, этот порядок? Пауканам? Или еще какой-нибудь нечисти, которую раскопал Рокэ в бухте с жутким названием?

– Ваш шадди, – Герард радостно улыбался. Славный щенок, даже странно, что от такого поганого кобеля родилось что-то пристойное.

– Герард, а за какими кошками нам эта Бабья банка?

– Байябьянка, – поправил порученец. – Там корабли. Новые.

– Как – корабли? – не понял виконт. – Чьи? Откуда?

Час спустя Марсель злорадно хмыкнул: ошалевший Муцио Скварца налетел на Рокэ с теми же вопросами, да и другие приглашенные, дожидаясь ответа, разве что удила не грызли. Еще бы, корабли!

Для поездки маршал собрал внушительную компанию, судя по обветренным рожам, состоящую сплошь из моряков. Валме не узнал никого, кроме обоих Джильди и молодого Скварцы, не было даже неизбежного Варчезы.

Алва оглядел взгромоздившихся на лошадей мореходов.

– Откуда корабли? – в синих глазах плясали искры. – С верфей, разумеется. Спасибо мастеру Уголино! А в Байябьянке потому, что до «дельфинов» не дошло, что ее нужно блокировать.

– Байябьянку не блокируешь, – поправил Муцио, – но из нее и не выберешься. Мели.

– Для лошади мелко, – согласился герцог, – а кошка утонула. Как бы то ни было, нас ждет новенький флот! Только вы не пугайтесь и не судите опрометчиво.

²⁴ Тройка Посохов, Двойка Посохов и Восьмерка Динариев.

Предупреждение не помогло. По крайней мере Валме при виде плоских чудищ без мачт и парусов обалдел. Творенья горбуна Уголино были меньше любой из виденных Марселем галер и сверху и с бортов закрыты чем-то вроде брони из выкрашенных в серое шкур, сквозь которые торчали остро заточенные колья. Причем грязные.

Спереди и сзади эти, с позволения сказать, корабли украшали тараны, поперек которых у самой воды приделали здоровенный брус с двумя дополнительными таранчиками по бокам. Разобрать, где у тварей – нос, а где – корма, виконт не мог. Талигонец затравленно оглянулся, надеясь понять хоть что-то по лицам моряков, но на обветренных физиономиях читались удивление, отвращение и злость.

– Разрубленный Змей, – выдохнул огромный капитан со шрамом через все лицо, – что это за твари?

– Разборные низкобортные галеры, – с гордостью объявил стоявший рядом с Вороном Уголино. – Мы построили их за месяц. За месяц, господа! Мы строим почти так же быстро, как вы тонете.

– Галеры?! – взревел кривоногий коротышка. – Галеры?! Где у этой галеры рожа, а где задница?! Где мачта, укуси меня зубан?! Это же ызарг какой-то!

– Ызарг, – мечтательно повторил Рокэ, – ызарг... Красивое имя! И какое подходящее... Мы затравим «дельфинов» «ызаргами».

– Четыре десятка ублюдков против десяти галеасов и семи десятков полноценных галер. – На красивом лице Муцио застыло страданье. – Монсеньор, это невозможно.

– Вот как? – темная бровь поднялась кверху. – Вы не верите в «ызаргов», адмирал?

– Да их всех один галеас на дно пустит и не заметит, – вмешался красивый моряк с черной косынкой на шее. – Вы, монсеньор, на суше любого заламаете, спору нет. Со стеной у вас лихо вышло, но на море свои игры.

– Увы, – кивнул Муцио, – нам нужен талигойский флот, а эти... Эти, извиняюсь, лодки пусть здесь и остаются.

– Ах, господа, господа, – покачал головой Ворон, – неужели вам не хочется прокатиться на «ызарге»?

– Прокатиться? – закатил глаза здоровила со шрамом. – Да они до открытого моря не доползут!

– Да уж! Отличился наш мастер! Сотворил, отворотясь, не отплюешься!

– Ему-то что! Деньги свои получил...

– Я на этих ...ых ни ногой! – плюнул коротышка. – Якорь мне в задницу!

– Дерра-Пьяве! – рявкнул Джильди. – Ты мне поупирайся – и получишь! Именно якорь и именно туда!

– Уж лучше в банях тазов набрать! – огрызнулся Дерра-Пьяве. – Тоже без мачт!

– Мало над нами «дельфины» смеются. Еще и это!

– Да будь я проклят, если...

– Спокойно! – От неожиданности Валме вздрогнул. Виконт знал, как Рокэ убивает, но не как он рычит. Странное дело, разбушевавшиеся моряки смолкли и, набычившись, усталились на талигойца.

– Вам не нравятся эти корабли? – Рокэ снова говорил вполголоса, но вокруг стояла тишина. – А сидеть в бухте и смотреть на «Морскую пантеру» нравится? Может, хватит корчить из себя раков в ведре? Альмейду нам еще ждать и ждать, а «ызарги» могут идти в бой немедленно.

– Для начала хотелось бы знать, где мастер Уголино взял столько сухого дерева? – произнес Муцио, явно пытаясь сменить тему разговора. – Я не думал, что на верфях такие запасы.

– Правильно не думал, – одобрил собрата Джильди, – строили из сырого.

– Тогда эти лоханки через день развалятся, – вскинулся высокий моряк.

– Ну и... с ними, – Первый маршал Талига залихватски подмигнул, – главное, чтоб до вечера продержались. Мачт нету, говорите? А они нужны сейчас, эти мачты?

– Оно так, – честно признал кто-то с кольцом в ухе, – штили стоят собачьи...

– Именно, – Джильди хлопнул себя рукой по бедру. – Зато на «ызаргах» мы к «дельфинам» подберемся в лучшем виде. Те и охнуть не успеют.

– Точно, – в глазах Дерра-Пьяве зажегся огонек, – правильно, что серые они. Если тучи, не заметишь, пока под носом не выскочит.

– А выскочит такая страсть, так в штаны и наложат, – добавил окольцованный.

– Дожиха и наложит!

– А в брюхе у них что?

– Брюхо брюхом, пушки на них есть?

– Ваше слово, мастер, – Рокэ вежливо поклонился горбуну. Уголино вышел вперед.

– Тридцать четыре галеры вооружены, – сообщил он, – пятью носовыми пушками, тремя мортирами и четырьмя станковыми арбалетами. Еще шесть не имеют вооружения и начинены порохом, серой и железными гвоздями. Корабли снабжены усовершенствованными носовыми и кормовыми таранами, позволяющими ломать весла противника. Прошу заметить, при необходимости тараны можно оставить в корпусе вражеского корабля и отойти. От картечи и мушкетных пуль галеру защищает кожаная броня, она же препятствует применению зажигательных снарядов. Броня держится на каркасе. Внутри каждого судна, – Уголино упорно не желал называть свои детища ызаргами, – находится клетка – каркас, – в которой закреплены колья.

– А в чем они? – с подозрением осведомился Дерра-Пьяве. – Что за отравы?

– Ядовитая, стало быть, зверюга, – расплылся в улыбке красавец с косынкой.

– Колья не отравлены, – возмутился горбун. – Такое количество стойкого быстродействующего яда сделало б их воистину золотыми.

– Но «дельфины» этого не знают, – засмеялся Джильди, – а у страха глаза велики.

– Точно, – коротышка с восторгом хлопнул себя по ляжке. – Укуси меня зубан, если они рискнут на абордаж.

– На абордаж пойдем мы, – веско произнес Фоккио Джильди. – Осадка галер позволяет пройти через мели Граколи и выйти в тыл к бордонскому флоту.

– К тому же, – добавил Алва, – наши друзья-«дельфины» не отличат обычного «ызарга» от «ызарга»-брандера.

–их ...через... чтобы оно лаяло, таяло, реяло в ...ый! – заключил некто особенно красномордый и топнул ногой. – Закатные твари, да мы эту дожиху... с ее ...через... четыре раза!!!

– Вы уверены, что, увидев эту даму вблизи, вы захотите исполнить свое намерение? – поинтересовался Рокэ, поигрывая цепью с сапфирами. Моряк замер, выпучив глаза, а потом неистово заржал.

2

С «Морской пантеры» открывался роскошный вид на длинный ряд галер с убранными парусами. Корабли вяло покачивались на спокойной воде, а отведенные к корме и чуть приподнятые весла напоминали наполовину сложенные веера, которые Зоя Гастаки терпеть не могла, равно как и другие женские финтифлюшки. Сестра самого богатого из бордонских дождей признавала только мужское платье и дорогое оружие, она была рождена для сражений, а не для балов и заигрываний с мужчинами! В юности Зоя этого не понимала, пыталась быть как все, но на нее клевали только охотники за приданым, а она принимала их сюсюканья за чистую монету. До сих пор стыдно! Особенно за Георгиоса Гаккоса, которому она сказала «да», а через два

часа застучала в саду с кухней. Они обсуждали, как будут водить за нос «эту глупую корову». Сволочи...

Зоя с ненавистью глянула на желтеющий берег, к которому один за другим причаливали капитанские барки. Тысяча проклятий, что о себе полагает этот Капрас?! Кто он такой, что запретил ей участвовать в военных советах?! Он даже не бордон! Сам виноват, не разглядел такой простой ловушки! Если б штурм стены готовила женщина, Приморский тракт давно был бы перерезан, но Капрас промедлил, и фельпцы под носом у недотепы заминировали скалы. Дурак! Не понял, что на стене нет защитников, и полез в западню! Она, да что она, Поликсена – и та б раскусила замысел дуксов, но что взять с мужлана, который вбил в свою дурную башку, что он великий полководец?! Хорошо хоть в море не лезет! Сухопьятые всегда боятся моря! Море не терпит дураков и мямль! Зоя потянулась, разминая мускулы, и медленно пошла вдоль борта, в который раз любуясь «Пантерой».

Хорошо, что ей удалось избавиться от мужчин-офицеров, которых навязывал братец. Мужчина на корабле, раз уж Создатель сотворил его сильным и тупым, должен грести, подносить ядра, ставить и убирать паруса, но не распоряжаться! Жаль, остатки фельпского флота не покидают бухты, «Морская пантера» живо бы передала уцелевшие галеры! Пусть эскадрой командует Пасадакис, но вражеский флагман утопила она, Зоя Гастаки, и никто другой!

Женщина поднесла к глазам зрительную трубу, обозревая вход в бухту. Ширина чуть больше тысячи бье. Жаль! Было б недурно ворваться внутрь и задать дуксам жару, но форты на скалах расстреляют любой корабль, рискнувший сунуться в узость. Что ж, подождем деблокирующего флота, она не прочь помериться силами с пресловутым Альмейдой. Слишком много про него болтают, а на деле наверняка такая же гниль, как Джильди и Капрас, да и много талигойцы навоюют со своими парусниками в здешних водах! Зоя убрала трубу и оглядела верхнюю палубу. Зря она вспомнила про Георгиоса и его змеюку, теперь до вечера тошно будет. Сколько лет прошло, а нет-нет да и накатит, хотя радоваться надо. Выйди она замуж за этого мерзавца, и кем бы она была к сорока годам? Глупой насадкой. Сидела бы в доме и квохтала, пока красавчик Георгиос скакал по чужим постелям! Тварь, лживая, похотливая тварь!

Старая обида требовала выхода, но капитану галеаса не пристало орать, как глупой матроне, застывшей мужа со служанкой. Капитан должен быть невозмутим и справедлив, а справедливость требовала поощрить Спино, он и вправду был хорошим боцманом. Порядок на «Пантере» немного поднял настроение, и Зоя махнула рукой, подзывая замершую у борта Поликсену. Девчонка со всех ног бросилась к своему капитану, Зоя усмехнулась:

– Принеси касеры и морские карты!

Поликсена умчалась, просияв огромными глазами. Зоя сама не понимала, довольна трюродной племянницей или нет. Поликсена не просто была предана, она обожала свою знаменитую родственницу. Это льстило, тем более девчонка, несмотря на редкую красоту, и не думала заглядываться на мужчин, как эти дуры София и Клелия. К несчастью, все окрестные кобели делали на Поликсену стойку, что не могло не бесить.

Стоило малявке сойти на берег, как стадо офицеришек принималось заигрывать с черноглазой пусей, а на прошлой неделе Зое подкинули рисунок, где за опоясанным абордажной саблей гиппопо бежал олененок с кинжалом. Была и стихотворная подпись, за которую Зоя убила бы неведомого поэта на месте!

Самым мерзким было то, что Поликсена и в самом деле была Зое по грудь, а капитанским поясом ее можно было обвязать раза три. Нет, нужно сменить адъютанта, но на кого? Старший офицер не может быть на побегушках, а корнетов на «Пантере» всего пять. Ариадну и Латону надо гнать взащей, они думают не о войне, а о том, что у мужчин пониже пояса, София немногим лучше. Клелия? Эту тростинкой не назовешь, но уж больно любопытна. Никуда не денешься, до конца похода придется терпеть Поликсену, но потом заменить ее на девицу покрупнее. Может быть, Хриза наконец поумнеет. Хотя куда там! Сестрица выросла крольчиха

крольчихой, ей подавай тряпки да мужа, а не сталь и славу! Да и что будет делать Поликсена на берегу? Родители продадут ее тупому уроду в штанах, а малявка уже знает настоящую жизнь, каково ей придется в клетке! Ладно уж, от насмешек еще никто не подыхал, но превратить малиновку в курицу Зоя Гастаки не даст. Гиппопо так гиппопо, те, кто смеется, не видели этих тварей в деле, для них потопить лодку что петуху кукарекнуть.

– Мой капитан, – Поликсена держала на вытянутых лапках поднос, – ваша касера!

– Давай, – Зоя подхватила серебряный кубок, подержала его в руке, чтоб видело побольше народа, и глотнула. Касеру Зоя терпеть не могла, предпочитая тинту и ликеры, она вообще любила сладкое, но капитан галеаса не может потакать своим прихотям. Сладкое жрут домашние курицы, а морские волки пьют неразбавленную касеру и закусывают всем, что плавает! Зоя изо всех сил блюла морской обычай, но в тайнике хранила запас ликеров и конфет. Касеру же, если подворачивался случай, выплескивала за борт, а затем с наслаждением слушала, как моряки «Пантеры» хвалятся, что она пьет и не пьянеет. Немного портила настроение присказка «хоть и баба», но отучить от нее Спири и его помощничков не получалось. Оно и понятно – слишком долго женщины сидели по гнездам и квохтали, а теперь приходится отдуваться за чужое ничтожество.

– Мой капитан, – доложила Поликсена, – карта!

Зоя приняла объемистый фолиант и сунула девчонке пустой кубок. После касеры буквы расплывались, но читать она и не собиралась. Зачем? Проще пролистать несколько страниц, задержаться на одной и помянуть всех морских демонов. Подчиненные должны видеть, что капитан начеку, даже если нет никакого дела. Тысяча демонов! Разрубленный Змей! Сейчас – разгар лета, сражение будет не раньше Осенних Молний, за это время она от безделья сбесится!

3

Гран-дукс ничего не знал. Генералиссимус со старшим адмиралом тоже, а Марсель Валме знал, и это было ужасно приятно. Виконт сидел между Джильди и Скварца и слушал, как Ворон рассуждает о багряноземельских обычаях. На прошлом приеме Алва развлекал отцов и слуг города Фельпа поэзией Дидериха, на этот раз речь шла об охоте на черных львов. Главу прайда полагалось убить ударом копья, причем не кому-нибудь, а самому нар-шаду, после чего шады уничтожали львиц и детенышей, а шкуры посылали врагам, объявляя таким образом о войне. Сами же мориски по такому случаю меняли повседневные белые одеяния на багряные, что, видимо, и дало название южному континенту.

– Весьма поучительно, – протянул генералиссимус, когда Алва замолчал, – весьма... Значит, язычники охотятся на львов только перед войной?

– На черных львов, – поправил Ворон. – Они раза в полтора больше обычных, и грива у них растет не только у котов, но и у кошек. Кстати, господа, я должен решить с вами одно дело. Мне нужны сотни две галерных рабов, но не морисских корсаров, а фельщев, в крайнем случае урготов.

– Создатель, – гран-дукс казался ошарашенным, – зачем они вам?

– Я намерен поручить им одно дело, – сообщил Рокэ, разглядывая мозаику за спиной Гампаны, – очень важное и очень тайное.

– Фи, – скривил губу старший адмирал, – этому сброду нельзя доверять.

– Отчего же, – блеснул зубами Рокэ, – я дам уцелевшим свободу, им это должно понравиться.

– Вы слишком доверчивы, герцог, – генералиссимус отечески улыбнулся. – Эти мерзавцы продадут вас через минуту после того, как вы снимете с них цепи.

– Вы так полагаете? – Алва продолжал улыбаться, но в синих глазах появился нехороший блеск. – А как же эсператистское и прочее милосердие и «Поучения о единожды оступившихся»? Мы дадим грешникам возможность обрести не только свободу, но и уважение. Исполнив свой долг перед Фельпом, они вернутся в родной город не изгоями, а героями.

– Монсеньор, – хмыкнул адмирал Кимароза, – вы ведь не в Совет на место Андреатти избираетесь, вы воюете. Доверять каторжникам глупо.

– Возможно, – в голосе Алвы отчетливо слышался металл, – но вы наняли меня для того, чтоб я разбил бордонов. А для этого мне нужны каторжники и право дать им свободу. Разумеется, если они исполнят то, что от них требуется.

– Да забирайте, – махнул рукой генералиссимус. – Но мы вас предупреждали.

– Я это понял, – Рокэ говорил спокойно, но Валме не сомневался: у гран-дукса и военачальников под роскошными одеждами забегали мурашки. – Что ж, разрешите откланяться. Я могу на галерном дворе сослаться на ваш приказ?

– Разумеется, – пожал плечами старший адмирал, – но ваши мориски – и то надежнее, тем более вы сможете с ними объясниться.

– Смогу, – подтвердил Алва, – но в данном случае мориски не годятся. Впрочем, к багряноземельцам мы вернемся. После осады.

– А все же, – не удержался гран-дукс, – для чего вам понадобилась целая галера негодяев?

– Я решил помочь им искупить свои преступления, – Алва поднялся, грациозным жестом придержав шпагу. Валме второй месяц пытался перенять этот отточенный жест, но у него не получалось.

4

Сотни три полуголых каторжников угрюмо глядели на неожиданных визитеров. Разбойники пребывали на Галерном дворе под дулами мушкетов, и все равно Марсель чувствовал себя неуютно. Из всех их похощений это было самым неприятным: рабы казались опасными и злыми, а окружающие запахи настоятельно требовали закрыть лицо надушенным платком, от ношения каковых, следуя совету Савиньяка, Валме отказался.

– Все здешние, – угрюмо доложил кривой капитан, – как вы хотели. Воры, убийцы, разбойники.

– Фельпцы, – поправил Рокэ, – граждане города Фельпа, остальное сейчас неважно.

Кривой возражать не стал, но Марсель не сомневался: затею талигойского гостя он не одобряет. Отец ее бы тоже не одобрил: старик любил повторять, что разбойникам место на виселице, а дураком папашу еще никто не называл. Марсель покосился на Ворона – маршал спокойно разглядывал каторжников, причем на красивом лице не было и следа обычной ядовитой ухмылки. Молчание затягивалось. Наконец Рокэ шагнул вперед и преспокойно положил унизанную перстнями руку на плечо кого-то одноухого с седой щетиной.

– Кто ты, добрый человек?

Обращение застало каторжника врасплох, он с оторопью посмотрел на странного кавалера и буркнул:

– Лоренцо, сударь.

– Моряк?

– Ходил на торговом судне, – встрял охранник, – по стовору с хозяйским сыном убил хозяина и его вторую жену.

– Вранье! – взвился каторжник, но сразу как-то сник: – Хотя кто мне поверит.

– Возможно, я, – совершенно спокойно сказал Рокэ Алва.

– Смеетесь, сударь! – в глазах одноухого полыхнул злой огонек.

Лицо Рокэ стало вдохновенным.

– Смеюсь?! Лоренцо, сейчас в этом городе не до смеха! Я не знаю и не желаю знать, кем вы были в прошлой жизни и как очутились на галерах. Забудьте все, что было до этого дня. Виновные пред Создателем и людьми, вспомните, что нет греха, который нельзя искупить! Невинные, простите обидчиков и палачей, они нуждаются в вашей милосердии. А всего сильнее в вашей милосердии нуждается Фельп. Вы знаете, не можете не знать, что на пороге враг. Коварный, жестокий, злобный. Бордон всегда ненавидел Фельп, всегда завидовал его славе и наконец напал. Да, к нам идет помощь, но она слишком далеко. Сейчас Фельп может рассчитывать только на преданность своих детей, какими бы они ни были! Сегодня перед лицом Создателя, перед лицом вашего города все равны. Больше нет дуксов, адмиралов, каторжников, воров. Нет богатых и бедных, нет почтенных граждан и нет отверженных, все мы прикованы к фельпскому кораблю одной цепью – цепью любви и верности, и эта цепь дороже золота и крепче стали!

Марсель не узнавал Алву. Так маршал никогда и ни с кем не говорил. Валме не был фельпцем, но даже ему хотелось немедленно броситься в бой. Пусть он чужак, но он спасет ждущий помощи город или умрет с честью под его стенами. Но они не умрут, они победят! Виконт поймал взгляд Луиджи Джильди. Молодой моряк слушал Рокэ, открыв рот. Он не был каторжником, но смотрел так, словно каждое слово Алвы было обращено к нему, да оно так и было – война и общая беда стерли границу между сыном адмирала и клейменными разбойниками.

– Те, кто готов забыть обиды и встать на защиту родного дома, – неожиданно просто сказал Ворон, – выйдите вперед, и с вас снимут цепи.

Три сотни разбойников, грабителей, убийц шагнули навстречу синеглазому чужаку, позвавшему их на помощь.

Кривой капитан с недовольной рожей подошел к талигойцу и что-то зашептал. Рокэ отстранил надсмотрщика с брезгливой миной.

– Ваше дело не советовать, а снять с них цепи, накормить и одеть.

– Монсеньор, – громко и упрямо сказал фельпец, – как хотите, но я все ж таки скажу.

– А тебя не спрашивают, – крикнул высокий разбойник, – скотина!

– Сам небось не воюет, – подхватил другой, – за чужими спинами отсиживается...

– Эх, попадешься ты нам еще...

– Ночью!

– Хватит, – прикрикнул Алва, – ваше дело – исполнять приказы. Снять цепи да побыстрее, время не терпит.

– Я эту погань не первый день пасу, – окрысился надсмотрщик. – Если расковывать, лучше на берегу, перед выходом, а то мало ли...

– Зачем цепи? – засмеялся Алва, обращаясь не к начальнику Галерного двора, а к замершим каторжникам. – Зачем надсмотрщики? Мне довольно вашего слова. Сдержите его, друзья, а я свое сдержу.

Глава 8

Алат. Сакаци

«Le Chevalier des Coupes & Le Quatre des Épées & Le Un des Coupes»²⁵

1

Клемент дрых без задних лап, а вот Роберу не спалось, хоть умри! Пить было неправильно, идти некуда. Взять, что ли, пример с Альдо и завести подружку? Чего-чего, а стоворчивых красоток в Черной Алати хватало. Решено, он завтра же отыщет кого-нибудь. Завтра или послезавтра. Свеча почти догорела, и Эпинэ зажег еще три. Зачем – не знал и сам. Захотелось, и зажег.

Сквозь распахнутое окно ворвался пахнувший травами ветер, по стене запрыгали причудливые тени. Красота да и только, живи и радуйся! Робер набросил камзол и вышел на увитую виноградом террасу. Под открытым небом было лучше, чем в спальне, но все равно плохо. Талигоец зачем-то коснулся наливающейся кисти, этот виноград не едят – слишком мелкий и слишком кислый, он растет для красоты. В Сакаци все стены увиты или виноградом, или плющом, или мелкими розами без шипов.

Ветер вновь шевельнул резные листья, слегка выщербленный лунный диск неспешно пересекла летучая мышь. Нетопырей в здешних краях тучи, но они мелкие, в Эпинэ ночные летуны больше раза в два, но Эпинэ ему не видать, как своих ушей. Эпинэ не видать, Мэллит не получить, а то, что он может занять, ему не нужно. И подружка ему не нужна, но он ее все равно заведет. Чтоб поменьше думать и не пялиться ночами на луну.

Робер присел на балюстраду, рассеянно следя за скользящими в воздухе тенями. И чего это люди боятся летучих мышей? Зверушки как зверушки: смешные, маленькие, а что ночные, какая в том беда? Можно подумать, днем пакостей и подлостей не творится. Иноходец никогда не был суеверным, наоборот, в детстве ему не хватало сказок. Вернее, не сказок, а чудес, потом чудеса его догнали, но оказались на редкость мерзкими.

– Я скучала по тебе, – шелестящий голос раздался совсем близко. Робер вздрогнул от неожиданности и оглянулся: перед ним стояла Лауренсия. Светлое платье, серебристые волосы, бледное лицо... Во имя Астрапа, откуда?!!

– Лауренсия, это ты?

– Я, – розовые губы дрогнули в улыбке, – но если ты не рад, я уйду.

– Я рад, – это было правдой, с Лауренсией было легко, от их встреч оставалось странное ощущение снов наяву и ночных полетов, – но мне кажется, я сплю.

– Возможно, – прохладная ладонь коснулась щеки, – ты спишь, я сплю, все спят, кроме летучих мышей. Я скучала по тебе. В Агарисе теперь так пусто... Ты не хочешь меня поцеловать?

Он хотел. Губы Лауренсии пахли травами, они всегда так пахли. Это был сон, но сон хороший.

– Я скучала, – повторила женщина, – и я нашла тебя.

²⁵ Рыцарь Кубков, Четверка Мечей и Туз Кубков.

На поцелуи Эпинэ отвечал поцелуями. Женщины снятся от одиночества и горячей крови, если не хочешь в сорок лет заработать удар, нужно завести настоящую любовницу. Он заведет, когда проснется. Жаль, Лауренсия далеко, ей можно было не врать.

– Для того чтобы думать, есть день, – белые руки стащили с его плеч камзол, развязали и отбросили шейный платок. – Я тебе говорила, что я скучала?

– Да... Два раза.

– Ты не только думаешь, ты еще и считаешь. Это скверно.

В зеленых глазах плеснул лунный свет, теплый ветер спутал их волосы, женщина тихонько засмеялась. Славный сон, в котором нет места стыду, колебаниям, глупым мыслям. Он проснется, и вместе с ним проснутся сомнения и горечь, но сейчас он спит и не желает просыпаться.

– Что с тобой? – шепнула Лауренсия.

– Не хочу просыпаться, – Робер подхватил ночную гостью на руки, Лауренсия с готовностью обхватила талигойца за шею, по небу черкнула звезда, можно загадать желание.

– Ты рад мне?

– Да, я рад.

Хорошо, что в Сакаци не признают узких кроватей, хотя причем тут Сакаци, это же сон!

– Теперь я вижу, что ты рад, – шепнула женщина, – ты рад, и ты помнишь... Я не причиню тебе зла. Никогда... Только не тебе.

Платья на ней уже не было, а он и не заметил, как она его сбросила, хотя это же сон, чему удивляться, что постель разобрана и они оба без одежды. Свечи сгорели едва ли на четверть, пляшущие на стенах тени живо напомнили о странных растениях, украшавших обиталище Лауренсии. Эпинэ сжал пальцы гостью. Она стала смелей и настойчивей, или это он изголодался по женской ласке. Жаль, он не может забыть, что спит...

– Не думай, – выдохнула женщина, – просто живи...

Робер Эпинэ ее не услышал: талигоец перестал соображать за мгновение до того, как Лауренсия попросила об этом. Ему хорошо, так не все ли равно, на каком он свете.

2

Ну и ночь – луна, звезды, летучие мыши, а ночная фиалка так распахлась, словно завтра конец света. Для полного счастья только любовника не хватает, но о любовниках пора забыть, какие любовники на седьмом десятке! Разве что за деньги, но до такого она не докатится. Выпить, что ли? Уж всяко не помешает. Матильда плеснула в кубок мансайского, отпила пару глотков и выбралась на террасу. Когда-то она обожала Сакаци и злилась, что отец отдал охотничий замок тетке, тем более Шара не хотела сюда ехать. А потом привыкла и прожила чуть ли не сто лет. Матильда попыталась вспомнить, на кого походила жена дяди Золтана, но не смогла. Она прекрасно помнила горы и дома, но не людей.

Кажется, Шара была маленькой и пухленькой, но ей с ее ростом другие женщины вечно казались мелкими, а в пятнадцать лет Ильда Алати была худа, как жердь, и ни в чем не сомневалась. Что бы она тогдашняя сказала про себя теперешнюю? Лучше об этом не думать! Молодость беспощадна. Как и старость. В пятнадцать уверен, что тем, кто старше тебя на десять лет, пора на кладбище, в шестьдесят двадцатилетние кажутся дурачками, их пытаются водить на веревочке, они срываются и ломают себе шею.

Ее выперли в Агарис, чтоб разлучить с Ференцем Лагаши, который был ей почти братом. До Золотой Ночи... Братец Альберт подглядел, как они с Ферци целовались, и донес... Как был дрянью, так и остался, только облысел! Теперь у Ференца прорва внуков и внучек, а сам он

не спешит повидать подругу юности. Может, и правильно, зачем портить память морщинами и сединой?

Луна обнаглела окончательно, Матильда залпом допила вино и вернулась в спальню. Тетка Шара умерла в нижних комнатах, куда перебралась лет за пять до смерти, а раньше жила здесь. Играла на мандоле, смотрела на горы, вышивала, писала. Матильда читала ее записки, написанные мелким ровным почерком. Шара Алати не была глупа, о нет. Она не верила, что ее муж умер своей смертью, но вдовствующая герцогиня не была бойцом и не имела детей. Вот она и доживала свой век среди дикого винограда и голубых елок. Долгая, никому не нужная жизнь, хотя парку, который разбила Шара, позавидовал бы любой король. А теперь ей предлагают стать второй Шарой и заодно запереть в Алате Альдо и Робера.

Внук совсем помешался на осенней охоте, даже странно. Она-то думала, что Альдо от скуки начнет кусаться, а он то носится по окрестным лесам, то возится с охотничьей снастью. Братец грозился приехать на зимнюю охоту и привезти гостей. Надо полагать, будет десятка три невест. Альдо Ракан – неплохая добыча для тех, кому не светит король или правящий герцог и кому гонор мешает породниться с вассалами.

Мнения Альдо братец не спрашивает, а зря, внучек устроит сватам и невестам веселую жизнь. С него станется, а она поможет! В любом случае здесь зимой будут люди, и среди них наверняка найдется кто-то, с кем можно иметь дело. А будут союзники – будут и интриги. Она не даст затянуть Альдо в болото, парень не создан для того, чтоб жрать в три горла и ныть о прошлом, ему нужны хорошая драка и достойное дело. О Талиге лучше забыть, но в Золотых землях есть и другие страны.

3

На окне дрались голуби. Один символ кротости и милосердия колошматил другого. Летели перья, хлопали крылья, скребли цепляющиеся за подоконник лапы. Склочки они, эти голуби. Склочки, обжоры и нахалы. То ли дело крыса! Милейшее создание, не то что птички божи.

Робер подмигнул восседавшему на подушке Клементу, потянулся и встал. Жизнь, несмотря на голубей, была чудо как хороша. Сон, впрочем, тоже был очень даже ничего. Эпинэ засмеялся и вышел на залитую солнцем веранду. На мозаичном полу валялся камзол, Робер его поднял и бросил на балюстраду.

Альдо и Матильда наверняка еще спали, это его подняло ни свет ни заря. И все из-за голубей, которых в Сакаци расплодилось вовсе немерено, хоть из рогатки бей. И куда только здешние коты смотрят?!

Раздалось шуршанье, его крысейшество решил проверить, что делает хозяин. Эпинэ позволил взобраться себе на плечо, любуясь окрестностями замка – сегодня Черная Алати была особенно хороша. Иноходец вообще любил горы, хотя окрестности Сакаци мало напоминали Сагранну и Торку. Здесь не было ни острых, прорывающих облака пиков, ни ледников. Мягко очерченные горы покрывали леса, у самых вершин сменявшиеся разнотравьем. И люди здесь не в пример бириссам и бергерам казались веселыми и открытыми, хотя понимать их было непросто.

Обитатели Сакаци говорили на чудовищной смеси талига и ни на что не похожего местного языка. Правду говорят, в горах в каждом селе свой язык, хотя алатский говор местами напоминает бири, а местами – гоганский. Так, чуть– чуть, отдельные слова, а вот значение не совпадает.

Думать о «барсах» и «куницах» помешал Клемент. Его крысейшество был возмущен – зачем вставать, если не для еды?! Робер погрозил разбуянившемуся крысу пальцем и спустился

вниз. Первой навстречу попалась хорошенькая Вицушка, внучатая племянница жены коменданта. Девушка поспешно присела, мило покраснев.

– Гици ²⁶ что-то желает?

– Желает, – Робер на всякий случай прижал Клементу рукой, еще побежит здороваться, а у женщин с крысами как-то не ладится, – принеси вина и сыра.

Вица стрельнула глазками и убежала. Его крысейшество, сообразив, что все идет как надо и скоро здесь будет еда, успокоился и принялся чистить усы, то и дело задевая Робера по щеке. Иноходец ругнулся, снял пискнувшего приятеля с плеча, водрузил на стол, а сам сел в кресло, рассматривая резные фигурки, покрывавшие огромный буфет, – в Алате обожали резное дерево.

– Ваше вино, – Вица подошла ближе, чем было нужно, – ее даже Клемент не испугал. Девушка явно ждала, что ее шлепнут или ущипнут, но Роберу этого не хотелось, по крайней мере сейчас. Талигонец сам налил себе вина и сунул Клементу под нос изрядный кусок сыра. Вица не уходила.

– Что еще желает гици?

Уважающий себя дворянин тут же бы и показал, что он желает, но нынешним утром Роберу никакие девчонки не требовались. Талигонец нахмурился, припоминая какую-нибудь шутку, но его выручил толстый Янош, исполнявший в Сакаци обязанности старшего слуги.

– Сударь, – усы толстяка и те показывали, что он нипочем бы не помешал господину тискать девчонку, когда б не крайняя нужда, – прощения просим.

– Что такое? – с готовностью откликнулся Робер.

– Тут дело такое... Гость приехал, а хозяйка не вставали... И гици Альдо не вставали... А гость не нашенький, мало ли...

– Что за гость?

– Лошадь лучше не придумаешь, а сам дерганый.

– Хорошо, я с ним поговорю, – Робер поставил бокал и взглянул на крыса. Клемент, выбирая между дружбой и сыром, на сей раз предпочел сыр, и Робер его не осуждал. Тем более в закрытой комнате приятелю ничего не грозило. Иноходец хмыкнул и вышел.

– Янош!

– Слухаю, гици.

– Янош, а на что вам тут столько кошек?

– И, гици... То не мы разводим, а они плодятся. Ну и ладно! В дверь кошка, нечисть в окошко... Сколько лет прошло, все путем, а нет-нет да и припомнишь. Особливо к осени.

– А что такое?

– Йой, – усы значительно встопорчились, – жуткое дело было. Но давно, четыреста годов тому, никак не меньше. Аполку, гицу тогдашнюю, любовница хозяйская извела, а та вернулась и такого наворотила... Да вы у хозяйки спросите, она знает.

Надо и впрямь спросить, забавно все-таки.

– Робер!

– Во имя Астрада, Дикон! Откуда?!

4

– Дикон? Откуда?! – Робер Эпинэ смотрел на Ричарда и не верил своим глазам. Дик тоже не верил, что наконец нашел своих.

– Робер, я...

²⁶ Гици (гица) (алат.) – сударь, барин (сударыня, барыня).

– Потом! – сильные руки сграбастали юношу за плечи. – Янош, позаботься о лошади герцога Окделла. Дикон, ты голоден?

– Нет, не очень...

– Врешь ведь, – улыбнулся Робер. Он был рад, очень рад, но что он скажет, когда узнает правду?

– Робер, случилось столько всего...

– Не сомневаюсь, но у нас будет время поговорить. Пошли!

Замок Сакаци был большим и красивым. Наверное. Потому что Дик смотрел по сторонам и ничего не видел. Он снова был у Барсовых Врат со сломанной шпагой против бирисса в кольчуге, ночь раздирали алые сполохи, рвался порох, кричали и ругались люди, а потом раздался выстрел, и из багрового сумрака вышел Мишель Эпинэ, оказавшийся на самом деле Робером, единственным уцелевшим сыном маркиза Мориса. Они расстались, не надеясь на встречу, но встретились. У горы Бакна. Это было неожиданно и страшно – связанный пленник, хищные чужие лица, подступившая к горлу тошнота, резкий окрик эра, решение бежать, оказавшееся ненужным, торопливый прощальный разговор... И вот новая встреча, самая счастливая. Была бы счастливой, если б ни его, Дика Окделла, слабость и глупость.

– Робер, ты не знаешь... Что сейчас в Оллари?

– В Оллари? – Эпинэ резко остановился и внимательно посмотрел на Дика. – Это ты меня спрашиваешь?

– Я... Я сейчас из Агариса. Я не знал, что вы уехали, не сразу нашел...

– Понятно. И как ты нас отыскал?

– Мне помог барон Хогберд.

– Он тебе понравился?

– Ну...

– Не понравился и правильно сделал. Хогберд – редкая сволочь, надеюсь, ты ему ничего не рассказал?

– О чем?

– Откуда мне знать.

– Я просто сказал, что ищу Альдо Ракана.

– Не меня?

– Ну... Я боялся повредить твоим родичам.

– Эпинэ уже ничто не повредит, – махнул рукой Робер. – Заходи, располагайся. Здесь я живу.

В окна вцепился дикий виноград, на ковре валяется раскрытая книга, постель сбита, у изголовья – бутылка вина. В кабинете Рокэ тоже были вино и книги. И еще гитара...

– Садись, кому говорят! Значит, ты все-таки удрал?

Если бы! Он приехал на деньги Ворона и на его лошади, у него в порядке все бумаги, он путешествует по поручению Первого маршала Талига.

– Я не удирал. Хотел, но...

Робер ждал ответа. Дик, оттягивая разговор, зачем-то полез в карман и нащупал треклятое кольцо. Его надо вернуть, никуда не денешься. Юноша вытащил перстень и протянул Иноходцу.

– Что это? – Робер с неподдельным удивлением смотрел на алые искры.

– Это... Это твое... Перстень Чести рода Эпинэ, он сделан еще при Раканах, – Дик нажал золотой зигзаг, кольцо открылось. – Тут был яд. Если женщина рода Эпинэ вела себя недостойно...

Робер молчал, и Дик осторожно положил кольцо на стол. Страшная вещь.

– Я не слышал, чтобы кто-то из моих родичей поил женщин отравой, – тихо сказал Робер. – Я вообще не слышал, чтоб в нашей семье водились отравители. Дураки, это да, это бывало, но отравители...

– Эр Август говорил, это кольцо Эпинэ...

– Кансилльер мог ошибиться. Откуда ему знать о том, что было до Франциска? Штанцлеры в Талиге недавно. Ладно, Дикон, хватит об этом.

– Робер, ты... Ты не возьмешь кольцо?

– Нет.

– Что же мне с ним делать?

Робер ненадолго задумался.

– Знаешь что... Мы его продадим, деньги тебе не помешают.

– У меня есть деньги, – торопливо сказал Ричард.

– Рокэ продолжает швыряться золотом, – улыбнулся Эпинэ. – Чего он хочет?

– Хочет?

– Ну, если ты не удрал, значит, тебя прислал Ворон.

Робер Эпинэ не сомневался, что оруженосец привез послание от своего эра. Святой Алан, а что еще думать, если Ричард Окделл разъезжает по Агарии и Алату с подорожными, подписанными Первым маршалом Талига?

– Ну же, Дикон, – Робер улыбнулся, – не бойся. Что бы ни велел передать Алва, ты только посланник. И забери меня Леворукий, если я оскорблюсь или упаду в обморок.

В семье Эпинэ не было отравителей... Робер и помыслить не может, что сын Эгмонта поднял руку на человека, которому присягнул.

– Робер, – начал Ричард, но их прервали самым решительным образом. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались решительного вида чернокудрая дама и высокий улыбающийся парень.

– Ну, – выпалил он с порога, – где мой верный вассал?

– Монсеньор, – пролепетал Дик, лихорадочно соображая, что говорить.

– Я тебе покажу «монсеньора», – засмеялся вошедший. – Я Альдо, а будешь называть меня иначе – отрублю голову. Когда стану королем.

– Ты стань им сначала, – пророкотала брюнетка, – и вообще, не морочь мальчишке голову. Тебя зовут Ричард, я знаю. Я бабушка этого обалдуя, пока можешь называть меня сударыня, а потом разберемся.

Дик смотрел на людей, о которых столько слышал. Они были еще лучше, чем он себе представлял. Альдо – настоящий принц, красивый, отважный, благородный, а знаменитая Матильда и вовсе чудо. И она не была старой. Матушка в своей серой вуали выглядит старше ее высочества. И Робер, Робер, который стал его другом в Сагранне, какие они все чудесные, и что он им скажет? Что пытался отравить Алву, а тот вышвырнул его из Талига, как паршивого котенка.

– Молодой человек, – рявкнула принцесса Матильда, – кончай жаться, твою кавалерию! Робер, Альдо, тащите вино! А то, пока он не выпьет, будет стенку ковырять!

Робер подмигнул Дикю и исчез за дверью. Раздалось шуршанье, и на стол по скатерти взобралось что-то серое. Крыса! Неужели та самая?

– Это Клемент, – заявила принцесса, – приятель Робера.

– Мы знакомы, – нерешительно произнес Дик. Разговор о Рокэ и Талиге откладывался, и юноша облегченно перевел дух. Он все расскажет, но позже.

Глава 9 Деормидский залив

«Le Cinq des Épées & Le Six des Bâtons & Le Chevalier des Épées»²⁷

1

Капитан Луиджи Джильди поднял трубу, рассматривая бордонско-гайифскую эскадру. Десять галеасов и несколько десятков галер расположились словно у себя дома, ублюдки эдакие! С вершины Аллистады открывался прекрасный вид на Деормидский залив до Монти-Остро и дальше. Впереди на неподвижной свинцово-серой воде лежало двойное ожерелье из галер и галеасов, а под ногами Луиджи виднелось горло Фельпской бухты с затаившейся «Справедливостью» и четырьмя малыми галерами прикрытия, которым предстояло подобрать испутивших свои провинности каторжников. Луиджи дорого бы дал за то, чтоб оказаться на «Справедливости», но талигоец был неумолим. На галере пойдут только освобожденные преступники. Присутствие офицера они могут расценить как знак недоверия. Отец же в ответ на просьбы сына лишь рявкнул, что его дело – исполнять приказы и не лезть, куда не просят, сам же он не лезет...

В глубине души Луиджи не сомневался – родитель мечтает о том же, что и сын. Вернее, почти о том же. Больше всего на свете адмирал Фоккио хотел поквитаться с «Морской пантерой». Капитан не сомневался, что отец не успокоится, пока не отомстит за свои галеры. Луиджи хотел того же, и еще он хотел найти черноглазую девушку, сопровождавшую Зою Гастаки. Сын адмирала видел ее всего несколько минут, но успел понять, что другой такой нет и быть не может. Если морской бог будет милостив, он обязательно встретит свою красавицу, только бы талигойцу удалась его затея!

Капитан Джильди навел трубу на вожделенный галеас, крайний во втором, внешнем ряду. На «Пантере» все было спокойно, украшенный вздыбившейся кошкорыбой нос смотрел в сторону Монти-Остро, из-за которой к осени вынырнут талигойские парусники. «Дельфины» полагают, что мачты они заметят издалека, ну-ну...

Скрывшие небо облака лишь усиливали проклятую жару – отсутствие солнца с успехом замещала духота, не исчезающая даже ночами. Луиджи очень надеялся, что бордонские вахтенные злятся на весь белый свет, а не тарашатся на фельпские скалы. Капитан не удержался и глянул вниз, на «Справедливость». Сколько каторжников уцелеет после безумного броска? Полсотни? Три десятка? Джильди страстно хотел оказаться на брандере, но с талигойцем не поспоришь. Алва был кругом прав, и все-таки смотреть в спину уходящим всегда обидно.

– Как бы они с секретом не напутали, – громовой шепот заставил молодого моряка вздрогнуть. Ну разумеется, Уго Варотти! Младший боцман отличался недюжинной силой, чудовищным басом, но не сообразительностью. С утра ему приказали говорить тихо, и он говорил. Как мог.

– Спокойно, Уго, на «Справедливости» есть толковые люди. Они все сделают как надо.

Сделают ли? Вдруг напутают и сорвут печати раньше времени. Глупости, тут ребенок и тот не ошибется. Но каков Алва – рискнуть секретом, за который Гайифа выложит горы золота.

²⁷ Пятерка Мечей, Шестерка Посохов и Рыцарь Мечей.

Джилди видел плоский изящный ящичек. Стоит сорвать печати – и через восемь с половиной минут взорвется весь порох, находящийся ближе, чем в сотне бье от выдумки генерала Вейзеля. Правда, он должен храниться в мешках или в чем-то деревянном. Луиджи побывал в трюме «Справедливости» и лично уложил друг на друга бочонки с лучшим порохом. Потом вниз спустился Вейзель, все осмотрел и запечатал своей печатью. Он был последним посторонним на галере. Каторжники выбрали себе капитана – одноухого Лоренцо. Он кажется хорошим моряком и честным человеком. Талигоец обещал дать каждому уцелевшему по сотне талов, они с отцом прибавят еще по сотне, и все равно смотреть, как другие уходят на смерть, стыдно!

«Справедливость» вразнобой шевельнула веслами, гребцы занимали свои места, задрожала и поползла вверх якорная цепь. Ожили и четыре замаскированные под брандеры посудины: если они не оплошают, то успеют подобрать бросившихся за борт, а дальше как карта ляжет. Таранить брандер никто в здравом уме не станет, но свою порцию ядер и бомб спасатели получают. Капитан перевел взгляд на ближайший галеас. «Вечный воин»... Не пройдет и часа, как бордон отправится в Закат постигать эту самую вечность, а эскадра развернется к бухте, ожидая следующего подвоха.

– Сударь, – проревел Варотти, – сударь, дозволейте спросить, мы не припозднимся? Эти вон небось выходят.

– Нет, – бросил Луиджи и невольно усмехнулся. «Влюбленной акуле» еще ждать и ждать. Укрывшиеся в бухте галеры вступят в бой последними.

– Выходят, – изнывал боцман, – только этих зубаньих хвостов здесь не хватало! Как есть нагадят. Че ж вы не отговорили синеглазого-то? Чего он в каторжных мордах понимает? Гады они...

– Помолчи! – прикрикнул Джилди. Не объяснять же туповатому служаке, что каторжники тоже фельпцы, а в беду может угодить каждый. Жаль, Уго не слышал талигойца и не видел, как горели глаза каторжников. Отец, тот сразу спелся с Алвой, а Луиджи до позавчерашнего дня его недолюбливал. Иноземный маршал казался высокомерным и циничным, но это было маской, которую чужак сбросил на каторжном дворе...

– Есть помолчать, – отрапортовал Варотти и добавил: – Никак пошли, убивцы эдакие, помогай им Создатель.

«Справедливость» медленно и осторожно, словно лиса из норы, высунулась из каменного горла. Ей предстояло, прижимаясь к береговым скалам, поравняться с «Вечным воином», резко развернуться и броситься на добычу. Из неказистой на первый взгляд галерки, по словам мастера Уголино, можно было выжать до трех нудо²⁸, но бывшие каторжники насилу вытягивали два с хвостиком²⁹.

Луиджи сжал кулаки – теперь остается только молиться и ждать. Брандер вновь появится в поле зрения, только когда бросится в атаку. Разрубленный Змей, хоть бы ветерок подул! Нет, он воистину придурок: штиль – их союзник, штиль и серые тяжелые облака.

– Что делают, гады! – рявкнул позабывший о необходимости соблюдать тишину Уго. – Что делают... их за ногу через пушку под... и сверху!

Луиджи торопливо поднял трубу и увидел «Справедливость». Она была совсем не там, где ей надлежало быть, совсем не там! Очень медленно, давая себя рассмотреть, брандер полз по гладкому серому морю, и на мачте его трепыхался серый флаг.

– Стрелить бы их сейчас, сукиных детей, – пробормотал Уго. Это было бы неплохо, но предатели знали, где повернуть. «Справедливость» вылезла там, где от стерегущих горло бухты пушек ее прикрывала пятнистая Коровья скала. Сделать было ничего нельзя, оставалось наблюдать, как на галерах внутреннего ряда засуетились лазоревые фигурки, затем бухнула

²⁸ Около девяти узлов.

²⁹ Около семи узлов.

пушка, от основной эскадры оторвались две галеры и рванулись к «Справедливости» со всей скоростью, на которую были способны. Каторжники остановились, беспомощно подняв весла и явно давая понять, что не собираются ни бежать, ни сопротивляться.

2

– Предатели, – Муцио Скварца от возмущения аж задохнулся, – подлые предатели!

Рокэ поднял зрительную трубу и какое-то время созерцал происходящее. На породистом лице не читалось ничего, кроме ленивого любопытства. Вот это самообладание! Марсель едва не заорал во весь голос, когда галерные рабы, которых избавили от цепей, предали своих избавителей и перебежали к врагам. Подлецы. Подлецы и мерзавцы! Рокэ опустил трубу и потянулся.

– Муцио, утешьтесь тем, что в данном случае у нас совершенно чистая совесть. Мы дали заблудшим овцам шанс. Сдержи наши каторжные друзья слово, они получили бы не только свободу, но и золото. Увы, грешники предпочли броситься в объятия врагов своего отечества. Что ж, это их право и их выбор. Некоторые свое отечество терпеть не могут...

– Не понимаю вашего проклятого спокойствия. Все летит к Леворукому, а Титус с Кимарозой нас со свету сживут. Если мы, разумеется, вернемся. О том, что «дельфины» узнают секрет Вейзеля, я молчу.

– Вейзель нас простит, а все тайное рано или поздно становится явным, – пожал плечами Алва. – Любопытно, о чем сейчас думает бордонский адмирал.

– Что ему повезло, а мы с вами оказались слепы, как топоны³⁰. Проклятье, как представлю себе рожу Кимарозы!

– Я б на вашем месте представил себе что-то более приятное. Возлюбленную там или розовую киркореллу. О, глядите-ка, причаливают, или как это у вас называется?

«Справедливость» и конвоирующие ее галеры уже добрались до флагманского галеаса. Валме с отвращением наблюдал, как корабль-изменник, отведя весла, словно крылья, назад, подходит вплотную к высокому борту. Виконт глянул на Рокэ – тот невозмутимо созерцал происходящее, хотя ему наверняка было досадно. А еще говорят, Алва видит всех насквозь, над всем издевается и никому не верит.

Марселю стало жаль просчитавшегося герцога, и он торопливо отвел глаза. После этакой подлости и впрямь впору стать человеконенавистником, а уж какой вой поднимут на берегу! Муцио прав, этот просчет им не забудут, даже если он будет единственным.

Раздавшийся грохот вернул виконта на грешную землю, вернее, в море. На месте предавшего брандера клубился огненный смерч, в котором угадывались какие-то обломки и человеческие фигурки, и это было только начало! Огненные кони перемахнули на галеры сопровождения и бордонский флагман, уши виконта заложило от череды взрывов, причем каждый последующий был сильнее предыдущего.

Горящие обломки летели во все стороны и ливнем рушились вниз, борта флагмана развалились, горящая палуба неожиданно и глупо прыгнула вверх, на лету лопнула, и к серому небу вскинулась огненная стена. «Справедливость» и три бордона слились в единый закат, а спокойная водная гладь словно взбесилась: рожденные взрывами водяные холмы для начала столкнулись, разлетевшись хлопьями пены, а затем помчались в разные стороны, настигая друг друга и образуя водовороты.

³⁰ Животное, напоминающее крота, но размером с небольшую собаку и коричневого цвета. Живет под землей, питается корнями растений, а от врагов защищается при помощи пахучей железы.

Там, где минуту назад возвышался бордонский флагман, крутилось что-то несусветное, волоча обломки мачт, весел, кусков обшивки, сам же корабль исчез, и с ним вместе исчезли брандер-убийца и две сопровождавшие его галеры. Еще одна, оказавшаяся поблизости, сорвалась с якорей и налетела на другую, проломив фальшборт и переломав весла. Каторжники сдержали слово! Нет, они сделали больше, много больше! Отправили в Закат флагман и погибли. Все до одного, потому что выжить в разверзшемся аду не мог никто!

3

Проклятье! Тысяча проклятий! Закат и все его твари! Якорь в задницу дураку Пасадакису! Она сразу поняла, что дело нечисто, а этот мужлан слопал приманку и не чихнул. И что вышло?! Флагман и две галеры взлетели на воздух, а «Алая роза» протаранила «Гончую смерти», и все из-за тупиц-капитанов. А другие небось раззявили рты и напустили полные штаны! Чего еще от них ожидать?!

Зоя Гастаки одернула лазоревый камзол и проревела:

– Поднять флагманский штандарт! Принимаю командование над эскадрой.

– Госпожа, – разинул пасть Спиро, – госпожа! После адмирала Пасадакиса старший капитан-адмирал Ватрахос.

– В акулю задницу Ватрахоса! – Ватрахос?! Какой Ватрахос? Этот придурок еще тупей Пасадакиса! – Гром и молния! Поднимай флаг, якорь тебе в задницу! Поликсена!

Поликсена уже бежала, держа в руках шитый золотом флагманский штандарт, заботливо припасенный Зоей. Пасадакис был достаточно глуп, чтоб погибнуть, и капитан Гастаки заранее приняла меры, но она не ожидала, что тупица освободит место так скоро!

Флаг с коронованным дельфином рывками пополз вверх, а пушки правого борта разом выстрелили, привлекая внимание эскадры. Зоя Гастаки приняла командование.

– Мой капитан, – захлопала глазами Поликсена.

– Адмирал! – рывкнула Зоя. – Адмирал, проглоти тебя сардина!

– Мой адмирал, – у дурехи глаза на мокром месте. Нашла время! Нет, положительно у пигалицы совершенно не воинский вид, а адъютантом адмирала может быть и теньент. Вечером она возьмет себе Агапэ, уж ее-то олененком не назовешь! А Поликсене найдем что-нибудь полегче и побезопасней, а то мало ли...

– Чего?

– Мой адмирал... Ватрахос тоже... поднял флаг. И еще Зорба!

Из горла Зои вырвалось рычанье. Еще немного, и она бы приказала «Пантере» открыть огонь по «Сердцу Волн», на котором засел подлый Ватрахос, но кошкин сын Спиро завопил дурным голосом:

– Еще брандеры!

И впрямь, из бухты выскочили четыре малые галеры! Зоя сплюнула, лихорадочно собираясь с мыслями. Происходящее ей не нравилось, совсем не нравилось! Фельпский адмирал, сожри его акула, воюет не по правилам! Кто же бросает в бой только брандеры?!

– Мой капитан, – рожа Ксантиппы была зеленой, тоже мне, старший теньент! – Мой капитан... Они нас сожгут!

– Дура! – Зоя отвесила трусихе оплеуху. – Ты на войне, а не в погребу!

Ксантиппа, продолжая завывать, отлетела к борту, налетев на Ариадну с Латоной, те обнимались, но хотя бы не вопили! А еще Поликсена! И чего уставилась?!

– Мой адмирал!.. Мой адмирал, мы их отгоним?

– Заткнись!

На юте взвыла труба, внизу зло и часто заухал барабан. Галеас дернулся – Спирос, кошачье отродье, не дождавшись приказа, приказал поднять якорь и развернуться бортом к брандерам. Дуболом прав – брандеры нужно топить на расстоянии, не дожидаясь, когда тебя отправят к Пасадакису. Это даже морскому ежу ясно, а боцман все ж поумнее, но после боя она ему покажет самоуправство! Дело Спирос – повиноваться, а не самовольничать. Сейчас, допустим, он угадал! А в следующий раз? По милости этого недоумка кормить омаров?!

– Поликсена! Приказ гребцам и канонирам. Разворачиваемся и открываем огонь!

«Морская Пантера» изготовилась к бою – брандеры подойдут на выстрел и отправятся в Закат. Зоя одернула камзол (проклятье, вечно он топорщится) и проверила, как ходит в ножнах абордажная сабля. Если Спирос посмеет первым скомандовать «Огонь», она своими руками отправит его к зубанам!

4

В десять утра на нос флагманского ызарга спрыгнул Дерра-Пьяве.

– Арчини пошел! – весело проорал коротышка. Судя по всему, говорить тихо он не умел.

– Молодец, – кивнул Муцио Скварца, – сейчас он их развернет!

– Должно быть, прелюбопытное зрелище, – Рокэ поправил стягивающую волосы косынку.

– Монсеньор, – Скварца выглядел несколько смущенным, – не лучше ли вам и вашим людям сойти на Монти-Остро?

– Хуже, – отрезал Алва, – впрочем, погодите! Марсель, Герард, вы умеете плавать?

– Да, монсеньор! – юный Арамона хотел что-то добавить, наверняка попросить оставить его на борту, но сдержался.

– А вы, Марсель?

– Разумеется. У меня нет ни малейшего желания пугать здешних киркорелл.

Проклятье, зачем он врет? Глупость какая.

– Отлично, мы остаемся.

– Но...

– Успокойтесь, Муцио, это не первый абордаж в моей жизни.

– Разрубленный Змей! – Дерра-Пьяве от восторга хлопнул себя по бедру. – Здорово вы нас надули! Не моряк, не моряк...

– Я и впрямь не моряк, – засмеялся Алва, – и понятия не имею, что делать с этими вашими галсами и узлами. Вот абордаж – это по мне!

– Прошу простить мое любопытство, – церемонно произнес Скварца, – где и с кем вы ходили?

– О, далеко от здешних мест, – Алва неопределенно махнул рукой, – и очень давно...

«Каммориста»...

– «Императрикс»?! – выдохнул Дерра-Пьяве.

– Да, – кивнул Алва, – а позже – Тременда... Теньент Рубен Аррохадо к вашим услугам.

– Что б я лопнул! – маленький капитан задыхался от восторга. – «Каммориста», раздери меня ... на ... к зубаньей бабушке!

– И вы молчали! – в голосе Муцио был укор.

– Мы с Альмейдой не афишировали мое присутствие, – синие глаза подернулись дымкой, – собрано Алваро нас бы не понял. Потом, увы, мне стало не до моря, но я рад тряхнуть стариной.

– Разрубленный Змей! – Дерра-Пьяве разве что не плясал. – Человек с «Каммористы» на моем корабле! Ну, теперь удаче не отвертеться! Ох и зададим мы «дельфинам»!

– Вы б и так задали, – Алва вытащил из-за пояса фляжку, хлебнул и передал капитану. – За удачу и морского бога!

– За удачу! – коротышка присосался к угощению, став еще счастливей, чем минуту назад, хотя это было трудно!

– За удачу, – Скварца принял изящную вещицу из капитанской ручки. Молодой адмирал был серьезен и немногословен, и Валме вновь стало неудобно. Он дурак, но отступить поздно. Ничего, может, эта «Каммориста» и впрямь приносит удачу. Виконт взял протянутую ему фляжку и молодецки хлебнул. Вино! И отменное, хотя иного у Ворона не водится!

– За удачу! – под руку подвернулся старший канонир, Марсель сунул выпивку ему и внезапно заметил витиеватую надпись: «Каммориста, 383». Канонир благоговейно принял реликвию. Не пройдет и пяти минут, как весь ызарг узнает, что Рокэ Алва был среди четырех сотен безумцев, отправившихся на охоту за «Императрикс» и добывших-таки капер-призрак. Но кто б подумал, что Рокэ когда-то кого-то боялся, хотя б и отца. Впрочем, про собрано Алваро рассказывали всякое.

– Пора, – тихо сказал Муцио. И тут же раздался ликующий рык Дерра-Пьяве, и над кораблем взметнулся черный флаг с кривоногой волосатой змеюкой и огромной единицей. Матросы бросились выбирать якорь, грянули литавры, загребные навалились на весла. «Первый» выскочил из укрытия и понесся на развернувшихся к Арчини бордонов.

– Боцман!

– Здесь боцман!

– Быстрее!

Отбивающие такт литавры заухали чаще, весла в уключинах заворочались живее, раздался отвратительный скрежет.

«Ызарг» шел ровно и стремительно, так стремительно, что кормовой флаг с кривоногой тварью реял, словно на ветру. Расстояние между фельпсами и лихорадочно разворачивающимся в обратную сторону врагом стремительно сокращалось.

– Боцман, – ревел Дерра-Пьяве.

– Здесь боцман!

– Фитили запалить!

– Фитили горят.

– Готовьсь!

Канониры вцепились руками в лафеты, ожидая последней команды.

– Идемте, Марсель, – бросил Рокэ, – наше дело абордажное, на носу нам делать нечего.

Валме кивнул. В брюхе детища мастера Уголино было еще жарче, чем снаружи. Еще бы, в наспех сколоченную лоханку набилась уйма народа. Марсель угрюмо оглядел гребцов и абордажную команду. Наверняка плавают как рыбы, а он не то чтоб совсем не умеет, но предпочел бы не тонуть. И чего это его разобрало?! Ведь можно было остаться! Но теперь никуда не денешься, придется пить до дна!

С гребцов лил пот, галерный юнга и неизбежный Герард метались между банок с ведрами и кружками; абордажники обливали загребных морской водой. Казалось, весь мир заполонили удары литавр, скрип уключин и ритмичные крики:

– Весла – ать! Весла – сушить! Весла – ать! Весла – сушить!

5

В море творилось Леворукий знает что, но Карло Капрас Леворуким не был. Не был он и моряком, однако селедка – и та бы поняла, что Пасадакис проспал все на свете. Ставший

привычным строй галер и галеасов был смят, по взбаламученному заливу плавали какие-то обломки...

– Что происходит? – дурацкий вопрос. Откуда пехотному офицеру знать, что учудили моряки?

– Точно неизвестно, господин маршал, – коронель Микис Гурунопуло выглядел растерянным. – Что-то взорвалось, поднялась волна и разбросала корабли, а две галеры столкнулись.

– Не было печали! – Капрас с ненавистью глянул на полосатую скалу, где устроили наблюдательный пост. Лазать по камням маршал не любил, но надо же посмотреть – чужие глаза своих не заменят.

Главкомандующий объединенной армии вполголоса выругался и полез наверх. Кто же взорвался? Хорошо бы Зоя! Если это и впрямь она, маршал Капрас простит короле все, тем более она изрядно его выручила в истории со стеной. Карло отписал в Бордон, что был вынужден предпринять штурм под давлением сестры дожа Гастаки, каковая ссылалась на требования брата. Если стерва потонула, на нее можно будет свалить еще больше, хотя это было бы слишком хорошо! Любопытно, что у «дельфинов» стряслось, наверняка какой-то урод полез в крюйт-камеру с открытым огнем.

От размышлений Капраса отвлек мчавшийся навстречу тенъент. Бездельники залюбовались взрывами и лишь теперь вспомнили, что положено докладывать старшим.

– Что случилось? – рявкнул Карло.

– Господин маршал, – посланец был бледен, как полотно, – эскадра атакована неопознанными судами странного вида!..

Маршал бросился наверх, на ходу вытаскивая зрительную трубу. С площадки открывался прекрасный вид на бухту и то несусветное, что носилось меж галерами и галеасами. «Странного вида» – это было мягко сказано! Серые, шипастые, лишенные мачт уродцы плывали ядрами и нагло пытались протаранить противника, а здоровенные корабли вертелись, как слоны на сковородках, стараясь не подпустить к себе непонятных паршивцев.

Это было странным: Капрас при всей своей сухопутности знал, что борт галеаса никакому ядру не пробить, зато плавучая крепость с ходу раздавит любую галеру. Маршал поймал в окуляр разворачивающийся корабль и сплюнул. «Пантера», цела-целехонька, чтоб ее! Мало того, на мачте флагманский флаг! Зоя что, вконец сдурела? И где, Леворукий его возьми, Пасадакис?!

Беглый осмотр галеасов показал, что адмирал, скорее всего, кормит зубанов. Затем маршал заприметил еще два флагманских флага и расхохотался. Морская королева захотела в адмиралы, как же, разбежалась! Чьи же это корабли? Ватрахос, это понятно, а кто второй? Спирос? Вроде нет... Маршал подкрутил колесико окуляра, стали видны лазоревые фигурки. Одни метались по палубам, другие лежали неподвижно. Убиты? Бред! На галеасах люди гибнут редко. В прошлом сражении отправилось в Закат с полсотни надорвавшихся гребцов, и все!

Маршал зазевался и не заметил, как на палубе одной из галер вспыхнул огонь. Дурак канонир случайно поджег порох? Но что тогда творится с гребцами на соседней галере? И еще на одной!

Вывод был очевиден, но иногда не верить своим глазам проще, чем верить. Капрас опустил трубу и оглянулся на растрепанного Сфангатиса.

– Николаос, вам не кажется, что «серые» ведут навесной огонь?

– По-видимому, – подтвердил начальник штаба. – Мортира может стать весьма действенным средством против галеасов, хотя точность стрельбы вызывает удивление.

– Николаос, вы даже исповедуетесь казенным языком?

– Я давно не исповедовался, – совершенно серьезно ответил начальник штаба, – и это серьезное упущение. Я надеюсь его исправить сегодня же, ведь адмирал Пасадакис предстал пред высшим судом без исповеди.

Глава 10

Деормидский залив

«Le Quatre des Épées & La Dame des Bâtons & Le Valet des Bâtons»³¹

1

Литавры продолжали отбивать такт – тройки моряков делали вдох и поднимали валец, весло опускалось в воду, гребцы откидывались назад, «ызарг» рвался вперед. Обнаженные спины взмокли от пота, из глоток вырывался то ли хрип, то ли рычание. Воистину – каторга, но матросы с потопленных бордонами галер взялись за весла добровольно! Марсель подумал, что его мстительность так далеко не зашла бы.

Мимо пронесся Герард со своим ведром. Мальчишка вовсе забегался, светлые волосы прилипли ко лбу, но расстаться с мундиром было выше его сил. Не то что Рокэ! Полуодетый Алва с туго стянутыми косынкой волосами и с двумя клинками у пояса вполне мог сойти за багряноземельского корсара. Валме представлял морисских головорезов именно так, но проверять свою правоту на личном опыте не имел ни малейшего желания. Он и так наделал глупостей, связавшись с кэналлийцем. Ворон морискилле не товарищ!

Пока, впрочем, все было в порядке, если, разумеется, не считать жару и заполнившие корабль ароматы! Валме задышался в кислой пороховой вони, перемешанной с запахом пота и плохо выделанных кож. Виконту очень хотелось пройти на нос, где и дышать было полегче, и можно было оглядеться, но его место было рядом с Рокэ, а Первый маршал Талига невозмутимо сидел среди абордажников – ни жара, ни вонь его не трогали.

По кожаной броне то и дело что-то било, и Марселю это ужасно не нравилось. А вдруг «дельфины» не поверят, что торчащие из брони колья вымазаны ядом? Конечно, прыгнуть на «ызарг», ни на что не напороться и не свалиться сможет разве что акробат. И все равно абордаж виконта совершенно не вдохновлял.

На носу, или как это называется у моряков, взвыла труба.

– Ложись! – проорал капитан.

– Сейчас как долбанем! – весело шепнул щербатый абордажник, растягиваясь на смоленых досках. Валме плюхнулся рядом, в очередной раз проклиная себя за неуклюжесть и несусветную глупость. И чего ему понадобилось в этой мышеловке? Чего ему вообще понадобилось на войне? Если на то пошло, в отчем доме не так уж и скверно, по крайней мере там не утонешь.

– Правый! Весла вдоль! – рявкнул боцман. Гребцы согласно дернулись, прижимая весла к борту. Сверху вновь застучало – часто-часто, словно град. Литавры вовсе взбесились, хриплые выдохи гребцов напоминали о висельниках. «Ызарг» вздрогнул, раздался жуткий хруст, растянувшийся на целую вечность. Если б они не лежали, точно бы повалились друг на друга!

Марсель с опаской глянул направо, ожидая, что там окажутся жуткие пробоины, но увидел лишь уключины, в которых ворочались весла, и кусочки света прорезанных в броне амбразур. Смолкшие было литавры вновь взялись за свое, щербатый, поднимаясь, придавил Валме полу мундира. Снять? Жарища, как в преисподней!

³¹ Четверка Мечей, Королева Посохов и Паж Посохов.

Приглушенно рывкнули носовые орудия, запели дудки, весла сбились с ритма и надсадно заскрипели. Валме понял, что «ызарг» разворачивается. Сколько это еще продлится? Закатные твари, он сейчас околет!

2

Из-за Монти-Остро выскочило нечто серое, низкое и колючее! И не одно! Зоя подняла трубу, разглядывая невесть откуда взявшиеся чудища. Вблизи они оказались еще гаже! Наверняка мориски: честные эсператисты на такую погань не полезут, хоть режь их! Негодяи шустро приближались, стали видны черные флаги с огромными цифрами и какими-то тварями, похожими на змей с ногами. Флаги развевались, и твари извивались, словно живые! Мерзость!

Запела труба сигнальщика, и «Пантера» начала разворачиваться бортом навстречу серой пакости! Дурак Спиро! Эта дрянь против галеаса – тьфу, а он из-за нее задницу брандерам подставляет.

– Поликсена!!!

– Мой адмирал, – шлем съезжал девке на глаза, и она отчаянно трясла головой.

– Разворачивай назад. Наше дело – брандеры!

Поликсена замахала ручонками и умчалась. Зоя обеспокоенно глянула на поджигателей. Проклятые галеры по-прежнему болтались под прикрытием береговых батарей! Мерзавцы, это они нарочно! Ждут, когда эскадра заглядится на плоских уродов! Как бы не так! Она не на кошке скачет! Пусть Ватрахосу подпалят задницу, не жалко. А она не поддастся!

«Пантеру» тряхнуло, раздался скрежет – огромный галеас возвращался на прежнюю позицию.

– Мой капитан!

– Адмирал, твою... – взревела Зоя, – адмирал!

– Мой капитан, – глаза Спиро зло блеснули, – брандеры не настоящие, они просто пугала!

– Дурак! Что ты понимаешь?!

– Мой капитан...

– Я приказываю! – сестра дожа топнула ногой. – Я! Убирайся, якорь тебе в задницу! Не уймешься – повешу!

На палубу грохнулась граната, завертелась. Спиро саданул Зою по колену, капитан кубарем покатила по смоленным доскам, что-то гроыхнуло, над головой свистнуло. Боцман вскочил и с воплем:

– Разворачивай, зажди тебя зубан! – помчался на гребную палубу. Зоя, проклиная все на свете, бросилась к борту и увидела, как серая тварь, плюнув огнем, развернулась и рванула вдоль «Бордонского льва», ломая ему весла боковым тараном. Слишком близко для больших орудий, а мушкетные пули не причиняли гадине никакого вреда. Закатные твари, Спиро был прав! Пока они дергались, гады ворвались в строй эскадры, вообще не попав под обстрел.

Тварь обогнала галеас Зорбы, на борту которого что-то рвануло, и бросилась на «Меч Бордона». На «Мече» тревожно взревели трубы, подгоняемые кнутами гребцы налегли на весла, грянул выстрел, тварь ответила, на галере запыхало. Горящий корабль скрылся за Зорбой, бестолково болтавшимся на взбаламученной воде – весла правого борта были сломаны и перепутаны! Так и надо! Захотел во флагманы?! Получи!

Из-за «Счастливой звезды» выскочили аж три твари, встречая врага, ухнули пушки «Пантеры». Вразной. Тоже мне, канониры! Придурки косорукие! Одно ядро шлепнулось между гадами, второе срикошетило от воды, садануло по серому чуть выше ватерлинии и отскочило, а невредимая тварь только наддала ходу.

Прискакала Ксантиппа, теперь рожа первой помощницы была красной.

– Зоя!

Ну и дура! Вовсе обалдела со страху!

– Адмирал! Слышишь, ты?! И утри слюни!

– Зоя! Это нечисть... Мы утонем. Нужно сдаваться!

– Что? – рявкнула Зоя. – Не слышу!

– Сдавайся! Серый флаг ³²... Иначе конец!!!

Зоя выхватила пистолет и разрядила в орущую пасть.

– Поликсена!

Проклятье, где эта козьявка?!

– Поликсена!!!

– Мой адмирал!

– Найди Агапэ! Пусть возьмет десять, нет, двадцать солдат. Трусов и предателей убивать на месте.

Над головой свистнуло. И еще, и еще... Совсем рядом прозвучал взрыв, сверху посыпалась какая-то дребедень. «Пантера» начала рыскать, ядра пропали зря. Уворачиваясь от сухого дождя, Зоя оступилась, грохнулась на палубу, сверху навалилось что-то худосочное. Закатные твари! Поликсена! Сбесилась?!

Протопали чьи-то ножищи, один за другим ахнули два выстрела. Зоя Гастаки отшвырнула вцепившуюся в нее дуреху и поднялась, заныл правый бок. На мгновение пальба прекратилась. Стало слышно, как Спино гонит канониров к пушкам.

– Мой адмирал! Вы не ранены?

Девчонка пыталась прикрыть ее собой! Этого еще не хватало!

– Тысяча акул, моя пуля еще не отлита! А вот ты б, укуси тебя сардина, поосторожней, ты мне живой нужна.

Поликсена счастливо улыбнулась, ее шлем съехал на самый нос. Котенок эдакий!

На борту Зорбы рвался порох, мачта и снасти уже горели, лишенный половины весел галеас болтался как цветок в луже. У мачты закрутилась, плюясь огнем, бомба. Матрос набросил на бомбу мокрую шкуру. Не забыть его наградить – из жалованья Ксантиппы.

Зрительная труба куда-то задевалась, а палубу и море затягивал пороховой дым. Спино привел канониров в чувство, теперь били все пушки «Пантеры». Украдкой потирая правый бок – еще подумают, что она ранена, – Зоя глянула вправо. Там крутилась воронка, в которой мелькали обломки, чуть дальше галеас Ватрахоса добивал серую тварь. Выкрутился! Зоя сплюнула.

3

Теперь говорили орудия с обеих сторон. На «Красе Бордона», «Пантере», «Страстном пилигриме» было немало хороших пушек и умелых канониров. Первые ядра либо падали в море, либо отскакивали от колючих серых шкур, но твари обнаглели, за что и поплатились. «Сердце волн» дождался, пока чудища подойдут на пистолетный выстрел, и лупанул из всех пушек правого борта. Несколько ядер пробили борт чуть выше ватерлинии, без сомнения, уложив невидимых гребцов, и тут же канониры с «Пилигрима» зацепили еще одного мерзавца. Понемногу все приходило в порядок, хотя бомбы и ядра продолжали громить эскадру, она больше не напоминала стадо овец, на которое напали мелкие степные волки.

Капрас повернулся к начальнику штаба:

– Что скажете?

³² Серый флаг в эсперантистских странах означает готовность сдаться на милость победителя.

Сфангатис пожевал губами и неторопливо произнес:

– Насколько я понимаю, то, что мы видим, – новое слово в морской стратегии. Кто-то весьма удачно перенес на воду то, что Рокэ Алва применил на суше во время прошлогодней кампании на Дарамском поле. Не исключаю, что по совету самого герцога. Он слишком деятельный человек, чтобы просто дожидаться подхода талигойской армии.

– Не могу сказать, что это меня радует, – буркнул Капрас.

– Но это оправдывает нас, – Николаос Сфангатис опустил трубу. – Когда вы и я соглашались принять экспедиционный корпус, нам не сообщили, что оборону Фельпа возглавит Первый маршал Талига. Мы это узнали совсем недавно, причем от наших людей в городе. Не удивлюсь, если его величество до сих пор уверен, что Алва появится не раньше осени.

Начальник штаба прав. В Паоне допускали, что к осени на помощь Фельпу придут талигойский флот и одна из армий, но не то, что объявившийся среди лета Кэналлийский Ворон поставит все с ног на голову! Что ж, сами виноваты, пусть спрашивают со своих прознатчиков. Карло Капрас вновь прильнул к окуляру. Битва, если происходящее безобразие можно было назвать битвой, продолжалась. Впрочем, за разгром флота они со Сфангатисом не ответчики.

– Николаос, что вы думаете об этих, – маршал запнулся, подыскивая подходящее слово, – об этих судах?

– Мориски, – голос генерала оставался бесстрастным. – Налицо предварительный сговор с кэналлийцем. Нашим адмиралам придется поломать голову над тем, что противопоставить новой тактике, иначе Померанцевое море можно будет переименовывать в Морисское. Увы, мы живем в мире, который меняется быстрее, чем наша стратегия.

– Пожалуй, – согласился Капрас, наблюдая за серым чудовищем, рванувшим в промежуток между двумя бордонскими галерами. Маршал не сразу понял зачем, но когда тварь развернулась и отскочила вбок, стало видно, во что превратились весла бордонов. Тот, кто снабдил чудища носовыми и кормовыми насадками, знал, что делает. Впрочем, знал, что делает, и капитан Ватрахос, нашедший управу на колючих наглецов. Карло с удовольствием наблюдал, как галеас неожиданно подался назад и буквально раздавил зазевавшуюся тварь. Чужаки были верткими, наглыми и быстрыми, но они зарвались. Две галеры ринулись наперерез еще одному ублюдку, гоня его к «Страстному пилигриму», капитан понял замысел и развернул галеас, замыкая ловушку. В ближнем бою использовать тяжелые орудия невозможно, но это и не нужно.

Серая тварь растерялась и послушно рванулась туда, куда ее загоняли. Даже слишком послушно. Когда до «Пилигрима» оставалось всего ничего, мерзавка попыталась вывернуться и всадила таран в борт галеаса, намертво прицепившись к гиганту. Взвился огонь. Брандер! Закатные твари, брандер! Моряки «Пилигрима» баграми и шестами пытались оттолкнуть поджигателя, но пламя разгоралось стремительно, норовя перепрыгнуть на галеас.

Первыми бросили пушки канониры: дым и пламя застилали порты, мешали целиться, да и в кого стрелять? Не в брандер же! Галеры-загонщицы шарахнулись от полыхающего уroda и столкнулись аж с тремя тварями. Грянул залп, первая из незадачливых охотниц получила две пробоины, накренилась, черпнула бортом и стала тонуть. Другая с разбитым рулем и переломанными веслами беспомощно затрепыхалась на серой воде.

4

Ядро вдребезги разнесло руль «Радостной встречи», галера забила веслами в тщетной попытке развернуться, следующий выстрел подорвал порох возле носовых орудий.

Так стрелять нельзя! Люди просто не могут так стрелять, это магия. Подлая магия! Зоя Гастаки с ненавистью топнула ногой, провожая взглядом исчезающую в пороховом дыму тварь.

На мушкетный огонь гады плевали, пушки тоже помогали мало, одна радость: Зорбе уже никогда не быть флагманом. Но какой от этого прок, если отправишься на дно следом?!

Грохнул выстрел, Зоя оглянулась: люди Агапэ пристрелили очередного труса. Подгоняемые плетью матросы заливали огонь, рубили тлеющие, перепутанные снасти. И все равно пламя то тут, то там поднимало голову.

– Мой адмирал, – доложила запыхавшаяся Поликсена, – сломано восемь весел... С левого борта... Надсмотрщики наводят порядок... Им нужно четверть часа...

Зоя выругалась. Четверть часа! Пока уроды чешутся, остается одно – стрелять. Это не бой, а бред, подлость, безобразие! Все шло не так, как всегда: непонятные корабли носились, как очумелые, стреляли, ломали весла, били по корпусам, а потом взрывались не хуже брандеров.

Тело «Пантеры» содрогалось – били орудия обоих бортов. Вразнобой тявкали легкие пушки, угрюмо гавкал знаменитый «василиск»³³. Зое стало неудобно, пожалуй, в первый раз с тех пор, как она променяла курятник на море. Неудобно и страшно, но показывать этого нельзя. Ни в коем случае. Иначе конец не только ей, но и «Пантере».

– Мой адмирал... Боцман Спиро...

– К спрутам Спиро! Ваше дело – стрелять! Чтоб ни один урод и близко не сунулся. Мы не Зорба, мы им покажем!

– Зоя!

– Мой адмирал!

– Начхать! – огрызнулась Левконоя. – Нужны гребцы...

– Ты – теньент нижней палубы, – рявкнула Зоя, – вот и ищи! Или сама садись!

– Ах ты, ...! Бочка ...ая, – завелась Левконоя, Зоя выхватила пистолет, жаба отпрыгнула и исчезла. Жаль – туда, где только что стояла Левконоя, шмякнулось ядро. Обычное, не бомба, но суке бы хватило! Теньент нижней палубы, чтоб ее!

– Поликсена! Латону сюда!

Все, Левконоя! Была теньентом да вся вышла. Катись к каракатицам!

– Звали? – Вынырнувшая из клубов дыма Латона облизала губы и хихикнула. Со страху, что ли? Сзади сверкнуло что-то рыжее! Разумеется, Ариадна. Проклятье, эти девки так и не научилась себя вести. Но хоть голову не потеряли, и то хлеб.

– Латона Аристидис! Ты – теньент и командир нижней палубы. Отправляйся и наведи порядок.

– Ох, – ослабилась та, – что, правда? А Левконоя?

– Под арест! За неисполнение приказа.

– А можно... можно Ариадна со мной?

Проклятье, эта девка без своей пуси ни на шаг.

– Закатные твари, вы, вашу ... на корабле или где?! Валите обе...

Парочка переглянулась и бросилась к трапу. Дуры...

Взрывы и выстрелы откатились вбок, твари насели на Ватрахоса, может, потопят? Зоя глубоко вздохнула и принялась заряжать пистолет. Рядом кто-то закашлялся – Клелия, чтоб ее! Лахудра безмозглая.

– Корнет, что у вас за вид? Вы – бордонский офицер!

– У беда, – выдавила толстуха, – дасборк... Из-за дыба... Но бде де страшда!

Насморк у нее? Нечего было лезть на корабль с насморком, сидела б в Хароликах под крылышком у папы.

– Мой адмирал, – корнет София Кратидес отдала честь. Хоть эта не одурела, молодец.

³³ Крупнокалиберная пушка, которую устанавливали на больших галерах и галеасах, обладала повышенной разрушительной способностью, отсюда и название (корабельные пушки стреляли ядрами весом 48—100 фунтов).

– Да?

– Мой адмирал, к нам приближаются три... Трое...

Твари заявили о себе бомбами и зажигательными ядрами, посыпавшимися на палубу. Это было хуже, чем раньше. В четыре, в шестнадцать, в сто шестьдесят раз хуже. Капитан Гастаки, сжимая разряженный пистолет, тупо смотрела, как Спиро с саблей в руке мечется между пушками, орет в уши растерянным и оглохшим канонирам.

– Огонь! По веслам! Бей по веслам! Убью, целься. Огонь!

Зоя отступила к мачте, ее трясло, а вокруг грохотало, вспыхивало, шипело. Очередная бомба угодила в пушечную прислугу. Спиро, прыгая через кровавое месиво, бросился к осиротевшему «василиску», вырвал из рук убитого канонира фитиль, поднес к запалу, и тут в пирамиду пороховых картузов врезалась бомба. Взметнулось белое пламя, полетели осколки. Мечта Зои Гастаки сбылась – она навеки избавилась от навязанного братцем боцмана.

Глава 11 Деормидский залив

«Le Dix des Épées & Le Roi des Épées & Le Chevaliers des Bâtons»³⁴

1

Вода взялась ниоткуда, то есть взялась она, разумеется, из моря. Там этой воды было более чем достаточно, но внутрь «Ызарга» она забралась не через несуществующие пробоины, а через щели. Сделанный на скорую руку кораблик разваливался на ходу, а Дерра-Пьяве и Муцио и в ус не дули. Может, не знают? Там, на носу, настил, когда вода доберется до капитана, будет поздно. Марсель украдкой глянул на Рокэ – тот был совершенно спокоен, музыканты продолжали бухать в свои тарелки, гребцы – ворочать весла, а Герард и юнга – метаться вдоль банок, поднимая тучу теплых брызг. Виконт вздохнул: прослыть трусом не хотелось, тонуть не хотелось еще больше. Они даже выплыть не смогут – попробуй выберись из этой лоханки, взбреди ей в голову пойти на дно.

– Успокойтесь, Марсель, – Рокэ вынул пистолеты и принялся их осматривать, – эта посуда затонет еще не сейчас.

Нечего сказать, утешил. Что значит «не сейчас»? Через час или к вечеру?

– Проверьте оружие, оно вам скоро понадобится, – Рокэ говорил небрежно, но Валме лихорадочно принялся перезаряжать пистолет, сидящие рядом абордажники тоже взялись за мушкеты и сабли. Проныли трубы, бухнул сдвоенный залп, ставшую привычной музыку сменила барабанная дробь. Гребцы разом опустили весла, тормозя разогнавшийся корабль. «Ызарг» резко трянуло, вертлявый абордажник с руганью впечатался лбом в затылок не оставшегося в долгу соседа. Трижды свистнула боцманская дудка, гребцы вздернули вальки повыше и, сгибаясь в три погибели, торопливо пролезли под ними, перекидывая ноги через скамьи. Несколько оплошавших получили вальком по ребрам или сапогом по ноге и со страстью помянули Леворукого и целое стадо всевозможных тварей, но в целом все проделали быстро и слаженно. Не прошло и минуты, как все сидели на прежних местах, только задом наперед.

Надсадно заскрипели весла. Не разворачиваясь, «Ызарг» ринулся кормовым тараном вперед, и тут до Марселя дошло, почему маршал заставлял фельпцев до одури отрабатывать этот маневр. Противник при виде такого фортеля неминуемо обалдеет, и если гребцы не подведут... Гребцы не подвели: так они еще не выкладывались. С жутким то ли уханьем, то ли стоном фельпцы нагибались вперед, откидывались назад, снова сгибались в три погибели, ворочая проклятые весла. Запах пота стал совершенно невыносимым, в полумраке полуголые рычащие моряки казались какими-то чудищами. Зазвенел доселе молчавший корабельный колокол, и тут же раздался капитанский рев.

– Крючья, – требовал Дерра-Пьяве, – крючья, сотню крабов вам в задницу!

Откуда-то вынырнул Муцио, на груди адмирала красовалась узорчатая кираса, голову венчал шлем. Рокэ в своей черной рубаше рядом с фельпцем казался хрупким и каким-то беззащитным. Скварца озабоченно нахмурился.

– Вы не должны рисковать собой!

³⁴ Десятка Мечей, Король Мечей и Рыцарь Посохов.

– В самом деле, Рокэ, – не выдержал Валме, – нельзя же так!
– Ничего со мной не случится, – пробормотал кэналлиец, осматривая сначала одну широкую и короткую саблю, затем вторую. – Марсель, мой вам совет: подвяжите волосы...

Растерявшийся Валме счел за благо последовать совету, но сбить с толку Муцио Скварцу кэналлийцу не удалось.

– Рокэ, если вы погибнете...

– Что ж, – синие глаза бешено сверкнули, – значит, я еще и это могу!

Муцио не нашелся что ответить. Весла заходили еще быстрее, хотя это и было невозможно.

– Ну, виконт, – предупредил Ворон, опускаясь на колени и хватаясь за какую-то веревку, – держитесь!

– Именно, – согласился Скварца и пояснил: – Галера. «Морская роза».

Валме ничего не понял. Хотел переспросить – не успел. Справа раздался уже знакомый треск – «ызарг» крушил чужие весла. Что-то заскрипело, раздался вой, загребные налегли на весла, «ызарг» несколько раз трянуло, и он замер. Измотанные гребцы попадали на банки, порывы разевая и закрывая рты, руки многих были стерты до крови. Рокэ, Муцио и абордажным теньятам было не до них – они рванулись к правому борту. Скварца что-то выкрикнул, десятка два абордажников принялись крутить какие-то штуки. Рамы с натянутыми на них шкурами вылетели наружу, внутрь «ызарга» ворвались свежий воздух и показавшийся нестерпимым свет. Голова Валме закружилась, он заморгал, как вытасченная из дупла сова, тут же получил сильнейший тычок в спину.

– За мной! – Кто же это заорал? Рокэ или кто-то из офицеров?

Виконт, чувствуя себя последним ослом, глядел, как абордажники волокут крюкастые лестницы, а в воздух взмывают веревки с кошками.

Затрещали мушкетные выстрелы. Абордажники стреляли вверх, отгоняя бордонов от борта. Алва, подмигнув Марселю, ухватился за канат одним из первых. Глаза маршала сияли, он словно помолодел на десять лет. За Вороном с горящими фитилями в зубах лезли другие, среди которых затесался и Герард. Валме помянул Леворукого и швырнул веревку с кошкой, как ни странно, удачно. Отступать было некуда, и Марсель полез наверх. И что это за скотина ляпнула, что у галер низкие борта?!

2

Рокэ, держась одной рукой за канат, разрядил пистолет в нависшую над бортом рожу в каске. Рожа исчезла, следом исчез перескочивший ограждение Ворон. Валме рванулся за ним и тяжело спрыгнул на кормовой помост, едва не наступив на проклятушую каску. Ее обладатель валялся рядом, посредине залитого кровью лба виднелась дыра. Валме судорожно сглотнул, сдерживая рвоту. Пронесло!

Слева что-то рвануло, талигоец поскользнулся на чем-то, оказавшемся обрубок руки, с проклятьями отскочил и увидел Муцио и Алву. Пистолетов у Рокэ уже не было, он орудовал короткими морисскими саблями. Двумя!

Валме не глядя выстрелил, попал и тут же оказался нос к носу со здоровенным включенным бордоном. Верзила замахнулся саблей, Марсель как-то увернулся, выхватил шпагу, ударил. Опыта не хватало: фехтовальный зал и дуэльная площадка в счет не шли, но он уцелел.

Народу все прибывало – с «ызарга» лезли абордажники, с носа спешили ошалелые «дельфины». Марселя в толкотне притиснули к борту, и он снова увидел Ворона, на которого выскочил бордонский офицер. Что-то мелькнуло, фонтаном брызнула кровь, окатив и кэналлийца,

и тех, кто был рядом. Прямо на маршала вынесло пузатого «дельфина». Недотепа замахаил руками и шарахнулся в сторону, сминая своих. Валме и сам предпочел бы оказаться подальше от Алвы, но деваться было некуда – впереди толкались чужие, сзади напирали свои, место которым расчищали Муцио и осатаневший Алва.

Мысли Марселя не поспевали за глазами, а глаза не поспевали за кэналлийцем. Виконт ничего не понимал в сплошных поворотах, приседаниях и бросках, просто очередной «дельфин», столкнувшись с Алвой, отлетел прочь, зажимая чудовищную рану. Или, скрючившись, оседал на скользкие красные доски. Или валился ничком с разрубленной головой, а залитый кровью Ворон бросался на новую жертву.

Первая сабля встречала чужой клинок, вторая была наверняка. По живому. В давке особо не размахнешься, но Ворон этого и не делал, орудуя короткой саблей как длинным ножом. Короткий тычок в грудь, от плеча, не распрямляя руки. Враг падает, освобождая место для замаха. Рубящий удар в голову... Второй – по сжимающей тесак руке. Однорукий бордон с воем ползет к борту, и снова резкие, стремительные тычки и удары – в живот, в бок, под мышку, хлещущая кровь, искаженные лица и два адских летающих клинка.

Время остановилось. Чудовищное зрелище завораживало, как завораживает буря или пожар.

– Сударь!

– Герард?!

Перед носом Марселя блеснула шпага, талигоец ударил наотмашь; человек, хотевший его убить, исчез. Рядом полуголый фельпец на ходу выхватил из сумки гранату, вставил фитиль, швырнул, расчищая путь себе и товарищам, один за другим прыгавшим на окровавленный помост. Отовсюду гремели выстрелы. Корму галеры заволакивал вонючий дым, звенело оружие, кто-то вопил, кто-то ругался, кто-то стонал. Перед самым носом виконта возник некто с пистолетом, но выстрелить не успел – Марсель сам не понял, кто спустил курок, но бордон опрокинулся на спину. Оказавшийся рядом Дерра-Пьяве помянул Разрубленного Змея и исчез. Убит? Ранен? Ушел вперед?

Они целую вечность топтались на корме. Наконец через борт перебрался последний абордажник. Как же их мало! А чего ты хотел, «ызарг» меньше галеры, намного меньше! Стрельба становилась все ожесточенней, Валме пригляделся: кто-то крупный, в шлеме и кожаном нагруднике, размахивал руками на баке, выстраивая стрелков. Загремели выстрелы, рядом с Марселем упал абордажник, впереди свалился еще один. Краем глаза Валме заметил Алву – маршал был жив и здоров, хоть и по уши в крови.

Грянул новый залп, бордон в нагруднике что-то проорал, «дельфины» поперли вперед, подбадривая себя криками, и тут в галеру влетел второй «ызарг». Марсель заметил знамя с варазийской нечистью и огромной шестеркой. Джузеппе Рангони! Красавец-капитан сиганул на бак одним из первых, следом полезли его люди, с ходу набрасываясь на стрелков.

Бордоны на куршее заметались, не зная, куда бежать: на ют или на бак. Скварца и Рокэ, воспользовавшись замешательством, бросились вперед, тесня защитников галеры от борта к центральному помосту. Валме махнул шпагой и хотел было бежать со всеми, но его остановили.

– Эй, – заорал кто-то полуголый и чумазый, – тащи!

Валме потащил. Было тяжело, но вдвоем с чумазым они втащили-таки сетку, полную пистолетов и мушкетов, которые тут же расхватили абордажники. И вовремя: обитатели галеры вновь очухались. Самых ретивых скосил мушкетный залп.

Отшвырнув разряженные мушкеты зарядной команде, абордажники кинулись в общую свалку. На мизерном пятачке топталась чуть ли не сотня человек, так что давка вышла отменнейшая. Моряки цеплялись за какие-то веревки, чтоб стрелять сверху, укрывались за бочками, выскакивали из-за обломков. Мундиры мешались с голыми спинами и корсарскими рубахами.

Валме уже ничего не соображал, только отмахивался от случайных ударов. Бордоны и фельпцы перемешались, в пороховом дыму было не понять, кто свой, кто чужой.

На Марселя спиной вперед налетел коренастый абордажник, виконт отступил вбок и столкнулся с очумевшим бордонским офицером, размахивавшим шпагой. Рука талигойца инстинктивно дернулась, классическим способом парировав отчаянный выпад. Бордон что-то проорал и исчез в дыму так же внезапно, как и появился. Даже слишком внезапно. Марсель едва успел остановиться на краю кормового помоста, с оторопью глядя вниз, на гребную палубу. В мутных серых клубках прикованные гребцы казались выходцами, а рухнувшие на них убитые и раненые – разбитыми марионетками.

– Сударь, вы ранены?

– Закатные твари, нет!!!

Окликнувший его абордажник махнул рукой и куда-то делся. Обругав себя идиотом, Валме отскочил от края настила и завертел головой, выискивая Ворона или Скварцу. Дрались везде: на куршее, на баке, на юте, возле замолчавших орудий. Здоровенный фельпец отшвырнул сломанную саблю, подхватил валявшийся багор и, крутя его над головой, ринулся на несчастных мушкетеров. Сшиб одного, затем второго, остальные, толкаясь, отступили на куршею, кто-то не удержался, рухнув на головы гребцам.

Среди шлемов, косынок, непокрытых голов мелькнул серебряный гребень. Муцио! Марсель бросился к фельпцу. Только бы не отстать и не выказать себя трусом и дураком! Драка вспыхнула с новой силой, скрыв молодого адмирала из глаз, зато Валме нашел Алву! Толстый моряк швырнул кэналлийцу под ноги веревку с гирями, Ворон по-кошачьи подпрыгнул и тут же пригнулся, уворачиваясь от брошенного ножа.

Откуда-то взялся внушительный бордон в шлеме и кожаном нагруднике. Тот самый, что командовал стрелками. Капитан? Скорее всего... В одной руке у «дельфина» была шпага, в другой – кинжал с прихотливо изрезанной чашей. У Валме дома остался такой же, предназначенный для того, чтоб захватить и сломать шпагу противника. Бордон что-то сказал, Рокэ кивнул – залитая кровью фигура с жуткими синими глазами. Валме трусливо отвернулся и глянул на бак. Там сопротивление было почти сломлено. Фельпцы и бордоны один за другим опускали оружие и подходили к краю платформы. Смотреть. Дураки...

Марсель самым вульгарным образом утер лицо рукавом. Схватка прекратилась, словно по команде, а может, так оно и было. Рокэ и осанистый бордон все еще стояли друг против друга, и Валме «дельфину» не завидовал. Подбежал Герард, Рокэ швырнул ему свои сабли и взял шпагу. Значит этот, в нагруднике, капитан, и все решит дуэль вожаков.

Воевала мышка с кошкой! Да будь у «дельфина» хоть три кинжала, ему конец, только он еще этого не знает. Клинки столкнулись, бордон отлетел назад, а Рокэ тотчас сделал новый выпад, прижимая противника к толпе. Моряки шарахнулись в стороны, давая место дерущимся. Марсель видел лицо капитана: тот все еще рассчитывал на свой кинжал. Закатные твари, надо ж быть таким ослом! Алва наступал, бордон пятился в дурацкой надежде захватить шпагу противника и нанести удар своей. Марсель оглянулся – выпученные глаза и приоткрытые рты! Как на ярмарке... И Герард туда же! А бедняга-капитан все махал своим оружием, выставив его перед собой.

Противники топтались на скользких от крови досках. Бордон пятился, упрямо не изменяя прямой стойке, Рокэ атаковал правым плечом вперед, его выпады становились все стремительней, а окружавшая бойцов толпа не давала не успевавшему за кэналлийцем капитану уходить в сторону. Единственное, что ему оставалось, это, избегая удара, отскакивать назад.

Марсель не сразу сообразил, что Ворон загоняет противника на куршею. Закатные твари, зачем?! Неужели нельзя побыстрее? Бордон так ничего и не понял, пока не оказался на узком помосте. Под градом расчетливых ударов бедняга мог только пятиться да размахивать своим кинжалом. И он пятился и размахивал, но Алва, легко избегая предательской чаши, гнал дурня

по куршее, пока тот не уперся спиной в грот-мачту. А может, и не в грот, кто их разберет, эти мачты!..

Капитан отчаянно махнул шпагой, и тут Рокэ наконец ударил всерьез. Страшный прямой выпад пробил кожу нагрудника, как бумагу, пригвоздив бордона к мачте; из разинутого рта толчками забила кровь, руки конвульсивно вцепились в чужой клинок, пытаясь его вырвать, и тут же разжались. Рокэ пожал плечами и резко выдернул шпагу. Тело медленно сползло по мачте вниз, голова запрокинулась, глаза уставились вверх. Кровь все еще текла, но человек был мертв.

Победитель все с той же отрешенной усмешкой нагнулся, поднял шпагу побежденного и переломил о колено.

– Леворукий! – завопил бордон в изодранном мундире и поднял руки. – Я сдаюсь! Сдаюсь.

Вторым бросил саблю на багровые доски дюжий боцман, следом подняли руки еще с десяток «дельфинов». Алва сунул шпагу вездесущему Герарду и что-то сказал подбежавшему теньенту. Тот кивнул и вытащил из-за пазухи какую-то тряпку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся флагом. Знамя с дельфином и лазоревой розой полетело на палубу, уступив место полотнищу, на котором нагло извивалась кривоногая волосатая змея.

3

Мерзавец Спино, он всегда все делал ей назло, а теперь умер! Пасадакис сдуру взлетел на воздух, а Ватрахос, сожри его зубаны, и не думает командовать! Тоже мне, флагман! Сцепился с «серыми» и в ус не дует! Что же делать?! Святая Агапэ, что же делать?!

Зоя затравленно огляделась. «Морская пантера» стояла дальше всех от бухты. А если отойти к берегу? Высадиться мориски не рискнут, их слишком мало. Одно плохо – Капрас... Он ее ненавидит, будет смеяться. Он и его офицеры, провались они в Закат!

– Зоя, – Зубаны б прижрали эту Левконою. Вечно подкрадется, как... И кто ей дал права назвать адмирала по имени?

– Чего тебе?

– Зоя, давай к берегу! Пока Ватрахос с этими... сцепился.

– Молчать!!! – Зоя выхватила пистолет, вспомнила, что он разряжен, отбросила и схватилась за саблю. – Ты чего мне предлагаешь? Мне?! Прятаться в капрасову задницу!

– Влезешь ты туда, как же! Я предлагаю сохранить корабль.

– Да тебе-то что? «Пантера» моя! Моя!!! За нее платили Гастаки! Что хочу с ней, то и делаю. А ну марш на гребную палубу, пока я Агапэ не позвала.

– Много ты со своей Агапэ навоюешь, – огрызнулась стерва. – Делай что хочешь, а я на дне ничего не забыла! И саблей не маши, без носа останешься!

– Подними руки! – пискнуло сбоку. – Подними руки, изменница!

Поликсена, обеими руками сжимая пистолет, старательно целилась в Левконою, губы девчонки дрожали, но по глазам было ясно – выстрелит! Сука это тоже поняла и с усмешечкой – как же, надо ж норы показать – подняла клешни.

– А теперь на колени, – приказала девчонка, – проси прощения у адмирала!

Левконая все с той же улыбочкой опустила на одно колено.

– На оба! – рывкнула пришедшая в себя Зоя. – Ну, я слушаю!

– Прошу господина адмирала меня извинить, я получила контузию и была не в себе, – слова вежливые, но сука готова ее убить. И убьет... Если успеет.

– Отправляйся на нижнюю палубу и оставайся там до конца боя. Под присмотром, – Зоя оглянулась, – Агапэ!

Агапэ все поняла и ухватила стерву за плечо. Расстрелять бы, но нельзя! Левконоя не безродная Ксантиппа, клан Дракондиди слишком влиятелен. Зоя обернулась к Поликсене:

– Благодарю за помощь... теньент!

– Мой адмирал, – лицо девчонки пошло красными пятнами, – мой адмирал...

– Корнет Лагидис! За проявленное в бою мужество и верность великому Бордону произвожу тебя в теньенты и поручаю... – вот и повод убрать козьявку из адъютантов. Куда ж ее отправить? – поручаю командование...

Придумать должность для Поликсены Зоя не успела – на «Пантеру» обрушился град глиняных шаров. Шары подпрыгивали, лопались, разлетались осколками, и из них выскакивали они.

Они были ярко-оранжевыми, нежно-розовыми, отчаянно-лиловыми, ядовито-зелеными, бирюзовыми с серебром, алыми с золотом. Они прыгали и шевелили лапами. Они были мохнатыми, огромными, отвратительными, ужасными, и их было много, страшно много! В мгновение ока они заполнили весь корабль, с жутким шелканьем выскакивая отовсюду, норовя вцепиться в волосы, лицо, одежду, от них не было спасения ни на юте, ни на баке, ни у мачт, ни на трапах.

Радужная смерть Багряных земель!

Зоя видела, как Ариадна с криком сорвала с себя ядовито-зеленую пакость и в конвульсиях упала на палубу. Кончено! Агапэ выхватила пистолет, пальнула в оранжевое чудовище, то отскочило, угодив в лицо канониру. Бухнула пушка, ненацеленное ядро кануло в волны, взметнув тучу брызг. Среди носовых орудий разбилось еще несколько шаров, из них веером брызнули желто-голубые твари. Дико закричала Клеллия, кто-то уронил фитиль, загорелся порох, желто-голубой кошмар набросился на Софию, а у самых ног Зои закопошилось нечто фиолетовое. Один укус – и все! Фиолетовое подскочило и вцепилось в снасть над Зоиной головой. Адмирал дико заорала, отпрыгнула назад и на кого-то налетела. Раздался приглушенный писк, но Зоя Гастаки уже мчалась вдоль борта, видя лишь заполонивших палубу радужных убийц. Для нее исчезло все, кроме страха. Она не хотела умирать, она хотела домой, и будь прокляты это море, война, Фельп, Ватрахос, Пасадакис, будь прокляты все! Только бы вернуться, она больше никогда... Никогда!..

4

Этого следовало ожидать. Карло Капрас и не подумал удивиться, когда из бухты вылетели уцелевшие фельпские галеры и ударили в спину несчастной эскадре. Законы войны одинаковы и на суше, и на море – выжди нужный момент и бей.

Несколько поспешно выпущенных ядер не причинили фельпцам никакого вреда, галеры с птице-рыбо-девами на носу стремительно проскочили опасный промежуток, сведя на нет преимущество превосходящей артиллерии противника, и вступили в ближний бой. Капрас видел, как три фельпские галеры облепили потерявший управление галеас. Абордажные солдаты цеплялись крючьями за высокие борта, приставляли лестницы, бордоны сверху били из мушкетов, рубили саблями, но все это было безнадежно, а стало быть, глупо.

Фельпцы разыгрывали свою партию как по нотам, ими нельзя было не восхищаться. Разумеется, будь Капрас бордоном, он бы впал в отчаянье, но Капрас был гайифским маршалом, за пристойное вознаграждение согласившимся возглавить объединенный экспедиционный корпус. Флот ему не подчинили, каждая уродина, чьи родичи заседают в совете дождей, полагает о себе Леворукий знает что, и в довершение всего в Фельп заявился Кэналлийский Ворон. Его величество Дивин, конечно, будет раздосадован поражением, но император слишком умен, чтоб сваливать на полководцев вину своих шпионов и чужих дураков.

– Полагаю, нам остается лишь достойно выйти из игры, – Капрас старался говорить небрежно, но Сфангатис был стреляным воробьем.

– В таком случае лучше не ждать подхода талигойской армии. В фельпской Дуксии должны найтись разумные люди. Или те, кто станет таковыми за умеренное вознаграждение.

– Значит, вы согласны?

– С тем, что перемирие лучше блокады, в которой мы окажемся по милости водоплавающих идиотов, неспособных справиться со стаей лодчонок? Разумеется! Но для его величества Дивина и дельфиных дождей, а также для того, чтобы отцы города Фельпа поняли, что мы еще можем принести неприятности, я бы провел пару штурмов. Надеюсь, то, что останется от флота, бросится не к берегу, а в море. И еще больше надеюсь, что у фельпцев хватит ума не преследовать бегущих.

– Кажется, уже хватило, – кивнул Карло Капрас, внимательно оглядев злополучный залив. Маршал никогда не был сторонником героической гибели под неспущенным флагом. Проиграл – сдавайся или беги, потом отыграешься.

Одна из уцелевших галер, какая именно – с берега было не понять, развернулась, подрезая нос соседкам. Капитан, кажется Макариас, давал понять, что нужно следовать за ним. Соседки поняли. Достойная тройца шарахнулась вбок, обходя безнадежно полыхающий галеас, выстроилась клином – зачинщик впереди, остальные сзади – и рванула прочь. Пример оказался заразительным. Еще пяток уцелевших галер кинулись перестраиваться, явно намереваясь покинуть поле боя.

Что до фельпцев и их колючих союзников, то они сосредоточились на добивании тех, кто не мог или не догадался удрать. Капрас с каким-то отстраненным восхищением наблюдал, как несколько галер внезапно начали рыскать и дергаться. Весла путались, ядра летели туда, где и близко не было никакой цели, а на палубах творилось нечто невообразимое. Казалось, гребцы и канониры внезапно посходили с ума. Рехнувшиеся корабли становились добычей серых тварей и нарядных фельпских галер, одна из которых нацелилась на внезапно прекратившую огонь «Пантеру». Капрас опустил трубу.

– Если б у меня были розы, я бы послал их капитану этой красотки.

– Увы, Карло, роз у нас нет. Но вы можете послать плененной Зое в утешение букет бешеных огурцов. Если, разумеется, ее не отправят кормить крабов.

– Крабы, к счастью для них, не являются ценителями женской красоты, – фыркнул Капрас, – они и Зое будут рады, но не похоже, чтоб фельпцы доставили им такое удовольствие. Стойте! Кто это?

– Похоже, Ватрахос, – Николаос навел трубу. – Да, точно! Добывает адмиральскую перевязь... Похвальная настойчивость.

Глава 12

Деормидский залив

«Le Neuf des Êpêes & Le Huite des Êpêes & Le Chevalier des Coupes»³⁵

1

Здоровенный, разукрашенный золочеными дельфинами таран вынырнул из облаков дыма и понесся к «Морской розе», целя в борт. Марсель как-то сразу сообразил, что это галеас, капитан которого решил выручить захваченную галеру. Или утопить! Несмотря на жару, стало холодно – уж слишком большим было плавучее чудовище. Валме тоскливо глянул в сторону берега – далеко, не доплыть, разве что ухватиться за какой-нибудь обломок. Или прыгнуть в воду со своим бочонком? Виконт деловито огляделся, выискивая подходящий, нашел, перебрался к нему поближе и только тогда рискнул глянуть на проклятуший галеас. Увиденное порадовало несказанно: наперерез «дельфину», стреляя на ходу, мчались два «ызарга» – Второй и Восьмой. Под радостный вопль виконта гигант принялся поспешно разворачиваться бортом к новым противникам.

– Флагман, – заорали под ухом Марселя, – утонуть мне в нужнике, флагман!

– Новый, – поправил Муцио Скварца. – Это «Сердце волн» Ватрахоса.

На борту монстра рвануло, за первым взрывом последовал второй, и Марсель вспомнил, что главным канониром «Двойки» стал Лука Лотти. Тот самый, что первым приловчился забрасывать ядра в учебные телеги! Когда наконец придет Савиньяк с деньгами, нужно отсыпать Лотти полсотни талов. Или сотню.

«Двойка» наддала ходу, вновь плюнула огнем, и носовой таран галеаса переломился ровно посередине. «Морская роза» бордона больше не занимала, зато ожили пушки прилепившихся к галере «ызаргов». Лотти, без сомнения, был лучшим канониром Фельпа, но стрелять умел не только он: грот– или все-таки не грот-мачта галеаса треснула, что-то загорелось, но «дельфины» сбили пламя довольно быстро.

– Так его! – рыкнул Дерра-Пьяве. – Дельфин тупоносый!

– Я бы сказал, что безносый, – уточнил Муцио, – что является последствием его опрометчивости.

– А не таскайся по борделям, – назидательно произнес коротышка, – не останешься без носа.

– О да, господа, – лениво согласился красавец Рангони, – опрометчивость сродни дурной болезни.

– Намекаете на неизбежную потерю носа? – усмехнулся Скварца, подсыпая порох на полку пистолета. – Но мы тоже не слишком благоразумны...

– Бояться заразы и не спать с женщинами столь же глупо, как не бояться и спать со всеми, кто подвернется, – лениво заметил Ворон и перебил сам себя: – Мне не нравится «Восьмерка», господа, а вам?

– Закатные твари! – радость Дерра-Пьяве как ветром сдуло. – Им конец, а мы тут...

³⁵ Девятка Мечей, Восьмерка Мечей и Рыцарь Кубков.

– Ланцо, – адмирал Скварца даже не повысил голос, но коротышка осекся, и, тяжело дыша, уставился на «Сердце волн». Дуэль с «ызаргами» продолжалась. «Двойка» танцевала вокруг разъяренного гиганта, не прекращая забрасывать его ядрами и бомбами, «Восьмерка» двигалась заметно тяжелее.

– У них там воды по пояс, – буркнул Рангони.

Ватраход, или кто там еще, это тоже уразумел и обрушился на утратившего прыть врага. Часть весел «Сердца» были переломаны, и галеас разворачивался не так ретиво, как раньше, но раненый слон остается слонем. На «Восьмерке» поняли опасность, и «ызарг» прынул назад. Теперь даже слепой бы понял, где у бедняги перед, где зад, потому что корма кораблика здорово осела.

– Господа, – задумчиво пробормотал Рокэ, – а не ударить ли нам в корму... Если, конечно, удастся расцепиться...

Если Алва и хотел что-то добавить, то не успел. Муцио, как нахлестанный, помчался на нос, Рангони с Дерра-Пьяве брызнули в разные стороны и исчезли. По всей галере от бака до юта запели свистки и дудки, забегали люди. На гребной палубе гребцы с «ызаргов» и часть пленных возились с веслами, расковывали мертвых гребцов, сбрасывали за борт трупы, цепи и обломки. Места убитых рабов занимали фельпские моряки, абордажники на куршее деловито осматривали оружие, где-то громко и забористо орал Дерра-Пьяве, требуя живее стаскивать «ызаргов» «с бордонской бабы». Марсель немного поколебался, но где один абордаж, там и два. Виконт решительно одернул испачканный мундир. Меланхолично наблюдавший за охватившей галерею суетой Ворон слегка приподнял бровь:

– Вам понравился абордаж?

– Все было очень мило, – огрызнулся Валме, – только тесновато.

– Вам наступали на ноги? – участливо спросил маршал. – Сочувствую, но сейчас будет легче. Галеас шире галеры, верхняя палуба свободна, вам будет где разгуляться. Правда, и защитников больше раза в два-три, но у каждой розы есть свои шипы...

2

Первое, что увидел Луиджи Джильди, во главе абордажной команды перемахнувший через борт «Морской пантеры», это дико визжащую брюнетку, остервенело сдиравшую с себя мундир. Рядом по палубе каталась, то выгибаясь дугой, то колотя ногами и руками по доскам, другая девица, а дальше в дыму металась целая стайка, оглашая потерявший управление галеас жуткими воплями. Визжали везде, а с кормы в придачу доносилась беспорядочная, словно во время карнавала, пальба и мужская брань. Пожар в веселом доме, да и только!

Появление фельпских абордажников на «пантер» никакого впечатления не произвело, им явно было не до войны.

Брюнетка наконец управилась со своей одежкой. Шитый золотом мундирчик взмыл в воздух, но далеко не улетел – зацепился за проломленный фальшборт. Рядом шлепнулось что-то лазоревое без рукавов. Взлетевшая следом рубаха угодила в лицо обалдевшему абордажнику, за рубахой отправилось нечто воздушное в розовых бантиках, а девица, ни на секунду не прекращая вопить, схватилась за панталоны, совершенно позабыв, что они заправлены в сапоги. Полсотни вооруженных мужчин, открыв рты, застыли у борта, и тут то ли из разбросанных одежек, то ли еще откуда с треском выскочило нечто одновременно ядовито-голубое и солнечно-желтое. Дева завизжала громче, и в то же мгновение из-за разбитой пушки вылетела, нет, не девица, а жуткого вида бабища и, колотя себя ладонями по груди и бокам, тяжело топая сапогами, помчалась прямо на Луиджи.

– Они ядовитые! – выла она. – Ядовитые... Радужная смерть!

Луиджи увернулся, и бабища врезалась в Уго Варотти. Боцман по праву считался силачом, но умом не блистал. Поймав разогнавшуюся тушу, он отчаянно завертел башкой, рассчитывая на приказ. Луиджи с сомнением оглядел неаппетитную добычу и едва не подавился: перед ним была дожиха собственной персоной! Отец будет в восторге.

– Боцман Варотти, – возгласил Луиджи, – да будет вам известно, что вы взяли в плен капитана этого корыта!

– Сударь, – проревел счастливый Уго.

– Госпожа Гастаки, – ну и чудовище, прости Создатель, – вы взяты в плен боц...

Докончить фразу Луиджи помешало то самое желто-голубое, вцепившееся ему в рукав.

Капитан невольно дернул рукой, затем пригляделся и расхохотался.

– Ребята, а ну-ка переловите этих красоток, пока их пауканы не заели!

– Пауканы?

– Они, – простонал Джильди, маша рукой, – только крашенные.

И как до него сразу не доехало, что панику подняли киркореллы. Твари неплохо себя показали на галерах, заставляя полуголых гребцов сбиваться с ритма и путать весла, да и среди зажженных фитилей и картузов с порохом порезвились весьма кстати, но на «Пантере» творилось нечто невообразимое. Правда, и киркореллы здесь отличались от скакавших по галерам, как заморские попугаи от серых воробьев.

Оранжевый, словно взбесившийся апельсин, паукан отскочил от бьющей руками и ногами костлявой тетки и столкнулся с бело-голубым собратом. Твари друг другу не понравились и затеяли драку. Они то отскакивали назад, то бросались вперед, норовя достать врага хватками, а потом сцепились в рыже-бело-голубой мохнатый ком и замерли. Возможно, оранжевый и бело-голубой и не враждовали вовсе, а любили друг друга – в конце концов, отличить пауканиху от паукана может только паукан.

Снизу раздались выстрелы, и капитан Джильди поспешил на гребную палубу, но к его приходу все кончилось и там. Прикованные рабы не могли сопротивляться, даже если б захотели, а надсмотрщики и несколько растрепанных теток, видимо офицеров, беспрекословно сложили оружие. Девушки с оленьими глазами среди них не оказалось, и Луиджи вернулся наверх. Там было весело: абордажники с гоготом обсуждали добычу, выставляли караулы у орудий, принимали шпаги у обалдевших канониров, а очумелые киркореллы продолжали скакать по палубе, то ли норовя спрятаться, то ли наоборот. И кто только додумался их размалывать? Сам талигоец или кто-то из ловцов?

– Капитан Джильди, – доложил абордажный тенъент, – вроде все. Галеас наш, команда тоже. Есть и несколько красоток. Желаете глянуть?

– Еще бы... Но только глянуть. Бой еще не кончен.

3

Раздался знакомый скрежет: гребцы взялись за дело. Кое-как избавившаяся от «ызаргов» «Морская роза» дрогнула, неуклюже развернулась и сначала медленно, а потом все быстрее понеслась к добывавшему «Восьмерку» галеасу. Ватрахов вошел в раж, желая поквитаться с подбитым «ызаргом», хромая галера флагмана не занимала. «Сердце волн», не обращая внимания на укусы «Двойки», перло вперед, явно намереваясь раздавить наглуую тварь, которая наконец-то попалась.

– Развалится, – хмуро бросил Муцио Скварца и, поймав взгляд Валме, пояснил: – Не сразу, так после. Когда галеас даст задний ход.

«Восьмерка» и впрямь едва держалась на плаву, но ее капитан руки опускать не собирался. Единственное, что он мог, это намертво прицепиться к атакующему гиганту и перенести бой на чужую палубу. И это было сделано!

Когда сломанный таран поднялся над обреченным корабликом, вверх полетели десятки кошек, цепей, якорей, связывая охотника с добычей. На носу галеаса повис немалый груз, набранная «ызаргом» вода тянула книзу, резная корма непристойно задралась. «Сердце волн» отчаянно колотил веслами, пытаясь сбросить подыхающего наглеца. Флагман напоминал кабана, в уши которому вцепились бергерские гончаки. Увернуться от атаки сзади бордон не мог, даже если и понял, что происходит.

– Раком встал! – припечатал Дерра-Пьяве.

– Фи, Ланцо, – выпятил губу Скварца и заорал на Марсея: – Держись!

Таран «Морской розы» с хрустом врезался в корму галеаса, попутно разнеся в щепки руль. Валме шмякнуло об какую-то деревяшку, из носа пошла кровь, опять пришлось утираться рукавом. Впереди орало, ругались и стреляли: «Двойка» и отлепившиеся по случаю абордажа от «Розы» «Шестерка» и полудохлый «Первый» своего не пустили.

Вперед выскочили человек десять с пращами, на корму пойманного «слона» полетели гранаты. Сверкнуло, загрохотало, повалил черный едкий дым, свистнули кошки, и Валме увидел Алву, взбирающегося на задымленную корму. Самому Марселю никто ничего не приказывал, но виконт уцепился за подвернувшуюся веревку и, дивясь собственной лихости, полез на галеас, где, разумеется, опять творилось Леворукий знает что. Едва Валме куда менее изящно, чем хотелось бы, перевалился через борт, на него набросился какой-то полуголый наглец, ухвативший виконта за плечо и с воплем «заряжай» толкнувший к одному из кормовых фальконетов. Марсель лихорадочно схватился за шуфлу, а за спиной орало, топало и звенело, что было весьма неприятно.

– Шевелись! – орал нахал, набивая в жерло картечь. Виконт чихал и шевелился. У второго фальконета орудовали еще двое. Валме ужасно хотелось отыскать Ворона, но пришлось на пару с нахалом разворачивать вертлюги. Едва они закончили, как нахал коротко ойкнул и завалился на спину, оставив Марсея в полной растерянности. Фальконеты заряжают для того, чтобы из них стрелять, но куда?!

В пяти-шести шагах с десятков абордажников во главе с Рокэ сдерживали лезущих вперед обитателей галеаса. В руках Ворона вновь мелькали две сабли, а палубу у его ног украшали свежие трупы. Стрелять? По своим?! Алва оглянулся, махнул рукой, абордажники дружно попадали на черные доски. Стали видны ошалевшие рожи бордонов, тесаки, сабли, пистолетные дула. Марсель с замершим сердцем ткнул факелом в запальное отверстие. Фальконет плюнул картечью, сметая напирающих «дельфинов». Кажется, он все сделал правильно...

Второй фальконет окончательно очистил корму, и на «Сердце волн» с ножами и запалами в зубах полезли остальные абордажники «Единицы» и «Шестерки». Знакомый боцман с хохотком метнул гранату, положив на месте пару высунувшихся из-за какого-то хлама бордонов, вскочил на подвернувшийся бочонок, отчаянно замахал сорванной курткой. Знак? Кому? Свистнуло ядро, угодило в мачту, кто-то забористо выругался, мелькнул шлем Скварцы.

– Уроды! Мало им!

Уроды, в смысле бордоны, строились у обломанной мачты, и было их куда больше, чем хотелось Марселю. Сотни две! Еще бы, галеас большой, больше «Шестерки» и «Единицы», вместе взятых, а они еще потеряли часть людей при захвате «Розы». И это еще не все! Хорошо, что большинство «дельфинных» мушкетеров застряли на носу, отгоняя абордажников с «Восьмерки».

Верткий фельпец швырнул в бордонов гранату, похоже последнюю. Вновь затрещали выстрелы.

– Проснитесь, капитан!

Рангони! Валме торопливо занял место рядом с окликнувшим его капитаном. Хоть одна знакомая рожа! Опомнившиеся «дельфины» стреляли все лучше, но фельпцы уже шли вперед. Бомбы больше не падали: «ызарги» прекратили пальбу, и правильно. В такой свистопляске не знаешь, кого положишь.

Валме шагал между Рангони и незнакомым моряком, чувствуя во рту острый привкус пороховой гари. Впереди блестел серебристый шлем Скварца, Рокэ от виконта закрывал кряжистый абордажник с «Единицы». Дерра-Пьяве тоже не было видно, но, когда выстрелы стихали, раздавались вопли коротышки, на все корки честившего «дельфинов» и их протухших родичей. Пороховая вонь стала нестерпимой, под ногами валялись брошенные мушкеты, шляпы, бочонки и лежали трупы. Много трупов...

Гнусаво взывала одинокая дудка, шагавший рядом моряк дико завизжал и бросился вперед, размахивая тесаком. Марселю оставалось лишь последовать его примеру. Две шеренги ударились одна о другую, словно столкнулись грудью два бойцовых петуха. И это отнюдь не было красиво...

4

Вот и конец «Морской пантере», и какой позорный! Любопытно, что было бы, выпусти талигоец на палубу не киркорелл, а мышей или лягушек? Хотя мыши хуже прыгают, а лягушек по такой жаре днем с огнем не найдешь. Нет, лучше крашенных киркорелл ничего не придумать! Надо рассказать отцу, а может, и не надо. Бабский корабль потопил «Славу Фельпа», отец до сих пор не оправился от своей потери. Если родитель узнает, что проклятый галеас победили пауканы, ему будет неприятно.

– Марио, – капитан Джильди широко улыбнулся абордажному теньенту и другу детства, – вытри физиономию, пошли глянем на красоток – и в бой.

Друг детства щелкнул каблуками и подкрутил усы, изображая старого служаку.

– Слушаюсь, мой капитан! Есть смотреть красоток.

Бой окончен, сейчас самое время... Самое время объяснить пленницам, что их жизни и чести ничто не угрожает. Пусть отец забирает Зою, сын возьмет адъютанта, это справедливо.

Луиджи Джильди наскоро обтер лицо, пригладил волосы и поднялся на бак, где абордажники окружили четырех девушек, и впрямь весьма недурных. Одна, черненькая с дерзкой улыбкой, обнимала рыженькую. Та вроде бы и боялась, но при этом то и дело стреляла в победителей бирюзовыми глазами. Рядом с парочкой воинственно задирала носик невысокая пышка, очень аппетитная. Четвертая, та самая брюнетка, что сдирала с себя тряпки, не слишком тщательно прикрывала руками весьма недурную грудь, черные локоны игриво рассыпались по золотистым плечам. Луиджи присвистнул. Воистину каждая из четырех стоила того, чтоб ей заняться всерьез, но темноглазой малышки среди них не было.

– Теньент, – шепнул Джильди, – тут не все. При мегере была еще одна, маленькая такая...

– Ну так и спроси у мегеры, – предложил приятель. – Эти-то как?

– Неплохо, но...

– Но ты хочешь другую, – засмеялся Марио. – А по мне и эти хороши.

Луиджи хлопнул приятеля по плечу и пошел искать коровишу. Неужели малышка осталась на берегу с Капрасом? Ох как жаль... Ничего, когда речь пойдет о выкупе, он найдет способ ее увидеть.

– Осторожней! – голос был каким-то странным. – Осторожней, во имя Создателя!

Джильди обернулся, и тут Уго Варотти положил на палубу девушку в таком состоянии, что у Луиджи потемнело в глазах. Сын адмирала успел повидать всякое, во всяком случае, ему так казалось до этого мгновения.

... Она была именно такой, как он запомнил: маленькой, хрупкой, похожей на олененка. Темная спутанная грива, мокрая от морской воды, сбилась на сторону, личико было снеговым, крылья носа посинели, а ноги... Ноги у девушки были лишь до середины бедер, а дальше... Дальше шла кровавая каша, в которой смешались осколки костей, разодранные мышцы, обрывки черной с золотом ткани. Уцелевшие сапожки казались кукольными, да и вся она напоминала сломанную куклу, и, самое чудовищное, девушка была жива и в сознании. Она смотрела огромными темными глазами, словно пытаясь кого-то найти, на тоненькой шее лихорадочно билась голубая жилка...

– Закатные твари, – прохрипел Джильди, хватая Уго, – как же это?

Дурацкий вопрос, дурацкий, подлый, чудовищный мир, но промокший до нитки боцман понял капитана по-своему.

– За борт свалилась, – проревел Варотти бычьим шепотом, – прямо промеж весел... Не жилица...

Не жилица, он прав. Не жилица, не жилица, не жилица...

Девушка попыталась поднять голову, полные слез глаза по-прежнему кого-то искали. Луиджи сам не понял, как оказался на коленях возле раненой, сжимая в руках холодные пальцы. Побелевшие губы шевельнулись: девушка что-то силилась сказать, но он не понимал. Слишком тихо.

– Адмирал, – вновь прошептала девушка, – мой адмирал... Я должна...

Адмирал Пасадакис погиб в самом начале сражения. Она не знала? Или это бред?

– Адмирал, – огромные глаза умоляли, – мой адмирал.

– Адмирал Пасадакис? – не очень уверенно переспросил Луиджи.

– Нет... нет... мой адмирал... Гастаки...

Создатель, эта сумасшедшая каракатица?! Луиджи поднял голову:

– Приведите эту... Эту капитана!

– Вы... – теперь она смотрела на него с ужасом и отвращением. – Вы из Фельпа... Это все вы...

– Мы защищаем свой дом.

Зачем он это сказал?! Она же умирает...

Раздались шаги: Уго привел коровицу, за которой маячила какая-то крыса, но девушка смотрела только на Зою.

– Мой адмирал, – твердо произнесла она, – мой адмирал, тенъент Лагидис счастлива служить...

Черные звезды погасли, в уголке губ показалась кровь, очень темная...

Коровица тупо топталась по палубе, ее морда была зеленой. Закатные твари, ну почему за борт свалилась та, а не эта?!

– Твою ...! – прошипела вторая. – Чего молчишь?!

Зоя судорожно сглотнула и пробормотала:

– Лежи смиренно, ты поправишься... Обя...

Ее стошнило прямо на палубу, но раненая этого уже не слышала, она вообще ничего не слышала. Сколько она проживет? Час? Два? Будь она с «Акулы», будь она мужчиной, он бы знал, что делать. Джильди сжал невесомое запястье, девушка все еще жила...

– Капитан, позвольте.

Сантарينو, откуда? Ах да, он же шел на «Девятке». Луиджи поднялся, уступая место лекарю. Сантарينو ничего не сделает, никто ничего не сделает, разве что Создатель, но он далеко и не слышит.

– Как ее зовут? – спросил Луиджи, не узнавая собственного голоса.

– Поликсена, – живо откликнулась пришедшая с дожихой баба и добавила: – Это Зоя ее за борт выкинула.

– Что?!

– То, – буркнула «крыса», – испугалась этой вашей твари, отскочила и наподдала задницей... Там фальшборт, как на грех, проломился. Много ль такой козявке надо...

Зоя все еще блевала. Убить? Вот прямо сейчас и убить? Зачем? Она свое дело сделала, она и нелепая случайность, погубившая лучшую в мире девушку. Поликсена... Она была рядом с весны, а он нашел ее сейчас, когда все пропало!

Мелькнула малиновая искра. Паукан! Все вышло из-за паукана и из-за дуры-дожихи. Если б не затея с киркореллами, Поликсена была бы жива. Может быть...

Если б не затея с киркореллами, «Морская пантера» до сих пор бы плевалась огнем. Он бы при абордаже положил половину своих людей, а может, и сам бы лег... Но они живы, а Фельпу больше ничего не грозит. Такой замечательный план. Такая великая победа, такие незначительные потери...

– Безнадежно, – бормотнул лекарь. – Если не трогать, умрет через час, если трогать – к вечеру. И потом...

И потом, жить без ног хуже, чем вовсе не жить.

Луиджи Джильди посмотрел на запрокинутую головку, словно вылепленную из лучшего агарийского алебаstra. Ничего не изменишь и ничего не исправишь.

– Капитан!.. – это Варотти.

– Что?

– Может, того... Священника?

Священник на берегу, а до берега несколько часов ада. Нет, лучше сейчас. Поликсене не в чем исповедоваться, нет у нее грехов и быть не может. И ходатаи ей тоже не нужны.

– Капитан, подойдите.

Луиджи наклонился над лежащей. Создатель Милосердный, она опять в сознании!

– Сударь... я... должна... знать... кому отдаю... шпагу...

– Луиджи... Капитан Джильди к вашим услугам.

– Меня... мне... я хочу остаться с... моим адмиралом...

Во имя Леворукого, зачем?! Зачем этой девочке погубившая ее корова?!

– Конечно, но не сейчас.

– Я... – она заволновалась. – Что со мной? Я ранена? Сильно?

– Не очень, – твердо произнес подоспевший врач. – Лучше рана в ногу, чем в живот или в голову.

– Я буду терпеть, – пообещала Поликсена, – делайте, что нужно... Я должна вернуться... К адмиралу Гастаки...

– Сударь, – Сантарينو вновь был собран и деловит, – должен ли я?

Должен ли он укоротить агонию? Если бы речь шла об абордажнике, лекарь бы не спрашивал, но девушка – это совсем другое.

– Делайте, что нужно, Сантарينو.

Создатель, это же ее слова! Врач кивнул. Он знал свое дело, он уже отправлял в Рассвет десятки безнадежных... Одно движение – и все! Они ничего не поняли... Поликсена тоже не поймет!

Лекарь умелым движением приподнял голову девушки, темные ресницы дрогнули, из-под них выкатилась слезинка. Одна-единственная. Луиджи сжал кулаки. Зачем он смотрит? Зачем он вообще здесь? «Пантера» захвачена, но в других местах еще дерутся. Оставить три десятка мушкетеров – и на «Акулу»!

Короткий, оборвавшийся всхлип, клубы серого дыма, низкие облака...

«Открой, Создателю, Рассветные врата идущей к Тебе...»

– Кончено, – прохрипел боцман, – Леворукий побереи это... Эту...

Невдалеке палили пушки, «Морскую пантеру» слегка качало, но эти волны подняли не ветра, а люди, люди, заявившиеся сюда убивать.

– Ну, – Луиджи обвел абордажников тяжелым взглядом, – чего ждем? Уго, распорядись, остальные – за мной. Игра еще не кончена.

Капитан Джильди развернулся и пошел к правому борту, перед глазами все плыло и качалось. Проклятый дым! Луиджи уже схватился за канат, когда услышал бормотанье Сантарино:

– Я б четвертовал тех, кто позволяет женщинам хвататься за оружие...

5

Марсель приноровился к суматохе, довольно успешно отбивая удары сабель и тесаков. По крайней мере ему удавалось сохранить свою шкуру, а это в сделавшейся всеобщей свалке было непросто. Никаких шеренг давно не существовало. Все перепуталось, то свои оказывались впереди, а чужие сзади, то наоборот. Самым трудным в этой закатной похлебке было отличать своих от чужих, но Марсель пытался.

Иногда среди дерущихся мелькали сверкающие доспехи Муцио или черная косынка Алвы. Потом вожаков затягивало дымом и закрывали чужие тела. Казалось, что оба погибли, но поднявшийся слабенький ветер разгонял хмарь, фельпцы и бордоны расступались, и адмирал и маршал появлялись вновь, живые и невредимые.

Потом Муцио исчез, но Рокэ продолжал орудовать своими саблями. Вокруг Ворона постепенно образовывалось пустое пространство, желающих попасться ему под руку становилось все меньше. Зато выстрелы звучали беспрестанно, рядом с Алвой падали свои и чужие, но сам он казался заговоренным. Впрочем, угодить в ярмарочную вертушку – и то было проще: кэналлиеца ни секунды не оставался в одном и том же положении.

Путь Ворона был отмечен трупами, и все равно у Валме появилось неприятное ощущение, что Рокэ заигрался и дело плохо. Конечно, дерись все, как маршал, перевес бордонов истаял бы в считанные минуты, но Алва был один, а «дельфинов» много. И зачем их только понесло на этот галеас?! Ах да, они помогали «Восьмерке»... Что ж, значит, потонем вместе!

Валме мрачно ткнул шпагой тщедушного бордона. Он довольствовался теми противниками, которых посылал ему Леворукий, никоим образом не претендуя на лавры Алвы. Затяжных схваток виконт мудро избегал: парировал, увернулся – и в сторону! Абордаж не повод выказывать мастерство дуэлянта, а куртуазность тут и вовсе ни к чему!

Высочивший на виконта бордонский абордажник слишком широко размахнулся своей саблей, Марсель не упустил момент и нанес удар с опережением. Солдат грохнулся к ногам талигойца, обрызгав его кровью, а Валме пришлось броситься на помощь Дерра-Пьяве – коротышка-капитан не заметил целящегося в него одноглазого «дельфина». Валме вломил гардой по руке с пистолетом; пуля угодила в спину абордажнику с «Единицы», прикрывавшему своего капитана. Вот так – спас одного, убил другого...

Расстроенный Марсель насилу отбил удар какого-то «дельфина». Насколько все же дуэль приятнее драки всех со всеми! В захлестнувшей пространство между мачтой и кормой неразберихе приходилось вертеться ужом, и Валме вертелся. Уходя в сторону после очередной стычки, он налетел на Алву и чуть не умер на месте, столкнувшись с диким синим взглядом.

Желающих иметь дело с синеглазой смертью не было, и маршал сам искал и находил себе противников. Мелькнула правая сабля, принимая удар тесака, свист левой, и под ноги виконту свалился кто-то с разрубленной шеей. Впечатляюще, но неприятно!

То ли впереди, то ли сзади, но точно за мачтой что-то грохнуло, бой качнулся, словно вода в ведре, напор бордонов ослабел, зато шум за мачтой крепчал с каждым мгновением.

– «Восьмые»! – заорала знакомая рожа. Кто-то с «Шестерки», но кто, Валме не помнил. – Влезли наконец, кошачьи дети! Ура!

Еще б не «ура»! Вовремя и в спину! А что еще делать с этими бордонами? Звали их сюда?! «Дельфины» косорылые! Марселья подхватила и понесла горячая, веселая волна. Он больше не оборонялся, он пер на рожон, но с ним ничего не случилось и не могло случиться!

«Благодатное лето сменило весну, – орал во всю глотку талигоец, нанося удары пятившимся врагам. – Розы радуют глаз, о!»

Сбоку на палубу грохнулась граната, уложила на месте парочку бордонов. Какая прелесть!

«Подойдите, эрэа, скорее к окну, — прямой выпад, расплывающееся пятно на лазоревом мундире. – Поглядите хоть раз, о!»

— Хорошо поешь, – одобрил Дерра-Пьяве, колотя эфесом какого-то бедолагу. – Ну а эти... пляшут! «Двойка» с нами!

«Двойка»? Ах да... «Двойка» воспользовалась схваткой и подошла к галеасу. А в схватке на галере она, благородные эры, не участвовала. Абордажники там свежи, как розы...

«Меня насмерть изранили ваши глаза, — пропел Марсель падающему противнику. – И сразила весна, о!»

Моряки с «Двойки», дико вереща и завывая, чтобы напугать врага, друг за другом прыгали через борт и вливались в схватку. Не только абордажники, но и гребцы, и офицеры! Бордоны дрогнули, они еще удерживали пространство от носа до середины палубы, но исход боя был очевиден.

И пускай мир забудет про вашу красу,
Но не сердце усталое, о...

Завопил сигнальный рожок, защитники галеаса, отмахиваясь тесаками и саблями, хлынули к обломку грот-мачты, поспешно перестраиваясь. Тот, кто ими командовал, решил снова собрать своих в кулак...

– Ну и умница, – заметил подошедший Рангони, отирая пот со лба, и добавил: – То есть дурак!

– В сторону! В сторону, укуси тебя селедка, – ревел Дерра-Пьяве, хватая за плечи зазевавшихся абордажников. Марсель честно отпрыгнул к борту, продолжая орать про розы и весну.

Давно ждавшие своей минуты стрелки у кормовых фальконетов наконец-то дождались: два заряда картечи хлестанули по сгрудившимся в кучу «дельфинам». И туда же полетели гранаты, которые абордажники с «Двойки» и «Восьмерки» не успели потратить. Прогремела череда взрывов, и наступила нестерпимая тишина. Неужели все? Так скоро...

Вечно алый ручей возле ваших дверей
Будет вечно струиться, о...

Валме опустил глаза и увидел собственное колено, нахально белеющее сквозь изрядную дыру. Создатель, на кого он похож?! На кого они все похожи?..

От поредевшей толпы у мачты отделился коренастый моряк и, чеканя шаг, пошел к корме.

– Сдаются! – шепнул Валме щербатый моряк. – Сдаются, заешь их зубан!

Бордон остановился, не дойдя пары шагов до фельпских офицеров.

– Господа! Вверенный мне корабль сдается. Кому я должен вручить шпагу?

Муцио Скварца немного помешкал, глянул на неподвижного Алву и вышел вперед. Молодой адмирал, как и все, был покрыт потом, копотью и кровью, левая рука безжизненно висела, шлем сменила окровавленная повязка.

– С кем имею честь?

– Капитан Леонид Ватрахос. После гибели адмирала Пасадакиса принял командование эскадрой.

– Адмирал Муцио Скварца.

– Я польщен тем, что пленен столь достойным воином и моряком, – Ватрахос церемонно поклонился и протянул Муцио шпагу. – Надеюсь, мне и моим людям будет позволено внести выкуп.

– Это решат отцы города Фельпа, – в голосе Скварцы звучало легкое сожаление. – Но поскольку вы являетесь моими пленными, я сделаю все, чтобы к вам отнеслись справедливо. Соизвольте отдать приказ другим кораблям прекратить сопротивление.

– Непременно, но у меня нет уверенности, что меня послушают.

– А у меня нет уверенности, что кто-то еще сопротивляется, – пробормотал Джузеппе Рангони. – Похоже, мы возились дольше всех.

– Ну, оно того стоило, – захохотал Дерра-Пьяве, которому все было нипочем.

Марсель оглянулся: море было усеяно обломками, вдалеке медленно и грустно тонул галеас, а вокруг, оправдывая свое название, крутилась стайка «ызаргов». Было тихо, никто не стрелял, очень хотелось пить и выпить. И еще переодеться. Валме отошел от борта и на правах лица, состоявшего при особе Первого маршала Талига, присоединился к группе старших офицеров. Муцио, закусив губу, сидел на бочонке, а Рокэ колдовал над окровавленным плечом адмирала. Кэналлиец был сосредоточен, спокоен и больше не напоминал спятившего демона. Человек как человек, только глаза синие.

– Поздравляю с боевым крещением, капитан, – прохрипел Муцио Скварца. – Ой, Рокэ, Леворукий вас поberi...

– Все мое время, – откликнулся Алва, поливая рану касерой из серебряной фляги. – Джузеппе, ваш платок, живо!

Капитан Рангони сорвал шейный платок и протянул Ворону:

– Право, даже жаль, что я не ранен. Вы, сударь, отменный лекарь.

Герцог не ответил, полностью сосредоточившись на ране. Над закопченным изуродованным кораблем пронеслась очумелая птица. Невероятно, неслыханно белая. Уши резанул резкий чайчий крик, и стоящий рядом моряк осенил себя знаком. Ах да, моряки до сих пор считают, что души утонувших и убитых до Последнего Суда вселяются в чаек. Сколько же их сегодня взлетело...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «ПАПЕССА»³⁶

Притворяясь, будто мы попали в расставленную нам ловушку, мы проявляем поистине утонченную хитрость, потому что обмануть человека легче всего, когда он пытается обмануть нас.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Оллария и Фельп

«Le Six des Deniers & Le Roi des Deniers & Le Quatre des Êpêes»³⁷

1

Дора Луиса, – черные глаза служанки были тревожными и любопытными одновременно, – дора Луиса!

– В чем дела, Кончита?

– Приехала мать молодого дора Рикардо. И с ней высокий дор с облезлым пером. Оба важные, как гуси, и такие же злые.

Приехали-таки, причеши их ласка.

Луиза Арамона осталась невозмутимой. Какими гусями ни были Окделлы, драться, топтать ногами и орать на всю улицу они не будут. Не то что покойный муженек. Хотя и она теперь не сварливая жена, а дуэнья при знатной девице, а дуэньи должны держать язык за зубами.

– Где гости? Что им сказали?

– Ничьего, дора, – черные глаза задорно блеснули. – Я очень, очень плеко понимать талиг, а Антоньо – плохее меня.

– Проводи их в Зимнюю гостиную, – улыбнулась госпожа Арамона. – Я сейчас выйду.

Настроение сразу улучшилось. Умница Антонио! Хотя дурака Рокэ Алва держать бы не стал. Хорошо, что они еще не переехали в новый дом, там воевать с надорскими кабанам было бы потруднее.

Дуэнья поправила строгое черное платье и поднялась к Айрис. Селина сидела у подруги, Луиза сама удивлялась тому, как быстро девчонки сдружились. Госпожа Арамона посмотрела на склоненные друг к другу головки – русую и белокурую... увы, умиляться и сюсюкать было некогда.

– Айрис, прибыли ваша матушка и граф Ларак.

³⁶ Высший аркан Таро «Папесса» («Верховная жрица»). Символизирует духовную мудрость, терпение, молчание, глубокое познание и понимание природы вещей видимых и невидимых. Карта означает, что вы пытаетесь понять высший смысл чего-либо, ищите скрытые факторы, влияющие на ситуацию. Смело вскрывайте тайны, но относительно ваших намерений храните молчание. Перевернутая карта указывает на недостаток проницательности. Может означать также плотские страсти.

³⁷ Шестерка Динариев, Король Динариев и Четверка Мечей.

– Зачем?!

Избави бог дожить до того, чтоб Жюль или Амалия, узнав о ее приезде, заорали так и такое!

– Сейчас узнаю.

– Я с ней не поеду, – ноздри Айрис раздувались, словно у породистой лошади. – Я дождусь эра Рокэ и выйду за него замуж! Они меня не заберут!

Замуж?! Святая Октавия, этого еще не хватало! Луиза Арамона догадывалась, что синеглазый герцог поразил тощую северяночку в самое сердце, но замужество!!!

– За монсеньора? – заморгала Селина. – Вы помолвлены?

– Он мне прислал линарского жеребца, – надменно произнесла Айрис, – и я его приняла.

Нет, Окделлов надо убивать в колыбели. И Карлионов тоже. Жеребец... Марианне Лионель Савиньяк преподнес карету с четверной запряжкой, но баронесса как-то не спешит травить своего барона и становится графиней.

– Айрис, говорить о помолвке до ее оглашения неприлично.

– Это из-за Дикона, – ничтоже сумняшеся объявила девица Окделл. – Он уехал, и эр Рокэ не мог попросить у него моей руки. Дикон – глава Дома Скал, а эр Рокэ – глава Дома Ветра. Мы поженимся, а в Надор я не вернусь. Я так матушке и скажу!

– Айрис, не стоит ссориться с матерью.

– А не надо было убивать моего коня и ругать эра Рокэ. Я все равно за него выйду. Я его люблю...

Тоже мне повод! Мало ли кто его любит, и мало ли кому он что дарил, но как объяснить это семнадцатилетней девчонке, выросшей в надорской богадельне?

– Ссориться с родичами для знатной девицы неприлично, – в голосе Луизы зазвенел металл. – Оставайтесь здесь. Я сама поговорю с герцогиней Мирабеллой. Надеюсь, она не станет настаивать на вашей встрече.

Айрис кивнула, ее лицо пошло красными пятнами, глаза блестели. У девчонки есть характер, вопрос только, хорошо это или плохо. Луиза торопливо глянула в зеркало. Слава Создателю, она достаточно уродлива и респектабельна! Поручи Ворон свалившуюся ему на голову девицу Марианне, скандал был бы неизбежен, а так, может, еще и утрясется. Луиза ухватила валяющиеся на кресле янтарные четки и серую алатскую шаль. На плечах сероглазой Айрис она была на месте, но дуэнье придавала сходство с богобоязненной крысой. Только б не сорваться! Не сорваться и не послать Повелительницу Скал к кошкам, хотя ей там самое место...

Вдова капитана Лаик медленно, как на похоронах, спустилась по лестнице и пересекла террасу. Тот, кто строил особняк Алва, предусмотрел появление гостей, которым в доме делать нечего. Из Зимней гостиной попасть во внутренние покои можно было только через террасу, очень удобно. Не станет же гостя силой рваться в обиталище Рокэ Алвы. Или все-таки станет?

Хуан услужливо распахнул перед Луизой дверь черного дерева, и взору дуэньи предстали две фигуры в сером. Создатель, из какой пещеры они вылезли?! Любовницы Арамона – и те одевались лучше герцогини Мирабеллы.

Больше всего Повелительница Скал походила на летучую мышь, которая, вместо того чтоб повиснуть вниз головой, завернулась в серые крылья и уселась в обитое серебристой парчой кресло. Айрис права, от такой матушки бежать, бежать и бежать.

– Где моя дочь? – герцогиня не собиралась церемониться с какой-то там дуэньей.

– Ваша дочь? – ледяным голосом переспросила Луиза. – Простите, сударыня, с кем имею честь?

– Это немислимо, – выдохнула летучая мышь, но ее спутник, высокий дворянин в камзоле с блестящими локтями, если только этот мешок был камзолом, медленно поднялся и уныло качнул головой. Надо полагать, поздоровался.

– Граф Эйвон Ларак, сударыня. Герцогиня Окделл. Мы хотим видеть...

– Где моя дочь? – перебила Мирабелла.

Эта моль готова здесь все разнести. Ее придется унять и при этом не уронить достоинства хозяина дома. Легко сказать!

– Простите, сударыня, – раздельно произнесла Луиза, глядя в бесцветное лицо, – я не имею чести знать вас. Мне хотелось бы верить, что я вижу именно Повелительницу Скал, но в наше время...

– Я не позволю прислуге кэналлийского негодяя оскорблять меня! – сверкнула гляделками герцогиня и с гордым видом замолкла.

Уж лучше быть прислугой, чем эдакой обшарпанной герцогиней! Будь на то воля Луизы, она б уперла руки в боки, как всегда делала, затеявая ссору с Арнольдом, и посоветовала бы надорской дуре убираться в свой свинарник. Но Луиза улыбнулась одними губами. Как герцог Алва.

– Вы сами себя оскорбляете, сударыня. Полагаю, наш разговор окончен.

– Мирабелла, – промямлил граф Ларак, – может быть, нам следует...

– Эйвон, – прервала блеянье вдовствующая герцогиня, – когда мне понадобится ваш совет, я скажу.

– Разумеется, – пробормотал тот, став еще более серым, чем был. И это мужчина? Дворянин? Граф?! Арамона хотя бы орать умел.

– Где моя дочь? – завела свою волынку Мирабелла. Леворукий и все кошки его, да рядом с Повелительницей Скал Луиза Арамона сойдет за Марианну. Как просто стать красоткой! Встань рядом с серой тварью и улыбайся...

– Я не знаю, кто ваша дочь, сударыня, и где она, – нагло произнесла вдова капитана Лаик. – И я не верю, что вы – герцогиня Окделл. Герцогиня Окделл никогда не появится без приглашения в чужом доме. Я не верю, что герцогиня Окделл не знает, где ее дочь. Я не верю, что герцогиня Окделл может искать свою дочь в особняке герцога Алвы.

Мирабелла вскочила, взмахнув руками, от чего сходство с летучей мышью многократно усилилось, и вылетела в услужливо распахнутую все слышавшим Хуаном дверь. Эйвон Ларак торопливо поднялся. Луиза заступила ему дорогу.

– Айрис Окделл, сударь, – фрейлина королевы Талига. Вам следует знать, что покинуть Олларию она может лишь с разрешения их величеств. Для этого глава фамилии, и только он, должен направить прошение в канцелярию ее величества с просьбой освободить девицу Окделл от ее обязанностей, предоставив убедительные обоснования подобной просьбы.

– Вы, – несчастный граф походил на человека, которого то ли вытащили из петли, то ли, напротив, собираются повесить, – вы нам лгали.

– Нет, – все так же ровно произнесла Луиза, – я и впрямь полагаю, что герцогиня Окделл не станет искать свою дочь в чужих домах, рискуя, что о ее бегстве узнает вся Оллария.

– Вы правы, – торопливо пробормотал Ларак, – я... Я попробую убедить герцогиню.

– Ее величество осведомлена о том, как Айрис Окделл появилась в доме эра своего брата, – пустила в ход главный козырь Луиза.

– Это меняет дело, – перевел дух Ларак. – Благодарю вас, сударыня, я должен поспешить к герцогине. Прошу вас простить ее несдержанность.

– Айрис рассказала, почему она была вынуждена покинуть Надор, – не удержалась от шпильки капитанша, но Ларак не заметил подвоха.

– Значит, вы понимаете... – бедняга отвесил старомодный поклон и вышел. Луиза рухнула в кресло. Повелительница Скал! Вот уж точно, чем старше шкура, тем больше моли. Да не будь Мирабеллы, кошки с две Эгмонт бы восстал, а от эдакой плесени в доме к палачу бежишь и не заметишь. Бедная Айрис, бедный Ричард, и она еще сожалела, что не родилась в знатной семье. Да легче удавиться!

Открылась дверь, появилась Кончита с кувшином и бокалом. Нет, положительно, в доме Алва служили только умные люди.

2

«Среди прибывших в Олларию через ворота Роз в 12 день Летних Ветров 399 года КС барон Тоадда с супругой, маркиз Аувалэнта, вдовствующая маркиза Фукиано, граф и графиня Гаутензар, вдовствующая герцогиня Окделл, граф Эйвон Ларак ...»

Итак, благородная Мирабелла восстала с одра болезни, дабы вернуть блудную дочь. Долго же она хворала. Его высокопреосвященство с укором посмотрел на ни в чем не повинную бумагу. Признаться, он полагал, что разгневанная мать объявится раньше. Или не объявится вовсе, предав опозорившую Дом Скал Айрис забвению, а тут и яйца побили, и яичницу не приготовили. Леворукий бы побрал этих Окделлов – они так глупы, что никогда не знаешь, чего от них ждать...

Будь у Мирабеллы в голове хоть что-нибудь, она б осталась в Надоре и написала, что умирает и жаждет благословить сбежавшую дочь. Впрочем, герцогиня уже в прошлом году умирала и требовала к своему одру сына. А потом передумала. Любопытно, почему? Подразумевалось, что из Варасты до Агариса ближе, чем из Надора?

«Вдовствующая герцогиня Окделл в сопровождении графа Ларака, — сообщал другой прознатчик, — направились в особняк герцога Алвы, где пробыли менее часа, после чего посетили приемную ее величества, где подали прошение об аудиенции. В настоящее время герцогиня Окделл и граф Ларак находятся в гостинице «Солнечный щит».

Оскорбленная мать намерена искать защиты у еще более оскорбленной королевы. Щекотливое положение у обеих, весьма щекотливое... Что перевесит у герцогини: желание наказать грешницу или не запятнать фамильную честь Окделлов? И что предпочтет Катарина – сохранить расположение вдовы почти святого Эгмонта или угодить Ворону? А Штанцлера нет, не подскажет никто.

Сильвестр отхлебнул из прозрачной чашечки горячего шадди и улыбнулся. Незыблемая Мирабелла терпела, терпела и заявила в дом убийцы мужа. С чем пришла, с тем и ушла. Рокэ утверждает, что дуэнья Айрис умна, надо бы на нее как-нибудь глянуть. Умные женщины да еще на нужном месте – редкость, их следует беречь.

Сильвестр с наслаждением допил шадди и позвонил.

– Прикажите еще.

Секретарь посмотрел с молчаливым укором, но промолчал. Ничего, это сегодня последняя чашка. Четыре чашки в день не так уж и много, нет, это просто мало! Врачи говорят, что шадди тот же яд, только медленный. То-то шадды, если их не убивают, живут по сто с лишним лет! Медики обожают напускать на себя важность, а сами ничего не понимают ни в болезнях, ни в лекарствах, ни в ядах. Все более или менее сносное по этой части придумано или найдено еще в гальтарскую эпоху. Как тогда травили неугодных, так и сейчас травят, только не так-то это просто. Гайифские яды хороши, но слишком известны.

Леворукий побрал бы Дидериха, не просто заполонившего свои пьесы отравленными перчатками, ключами и притираниями, но и с бергерской дотошностью расписавшего признаки отравления. Из-за дурака-сочинителя гайифские яды годятся, только когда убийство можно не скрывать. Мышьяк при всех своих достоинствах тоже имеет недостатки. С одной стороны, смерть можно свалить на несварение, с другой – к этому яду, как и ко многим другим, привыкают, и потом, он слишком медленно действует. Как и тинктура крапчатого болиголова, хотя именно она спасла Талиг. И еще вошедшее в поговорку везенье собрано Алваро. По числу покушений его никто не обогнал, даже сын... Странная тогда вышла история. Диомид и

тот не знал правды. Ее вообще знал только один человек, и этим человеком была либо Алиса, либо собрано.

Его высокопреосвященство откинулся на спинку кресла и усмехнулся. Каким же желторотым юнцом он был, даже странно, что Диомид взял его в младшие секретари. Надо думать, причиной стала фамильная изворотливость Дораков. Диомид... Сильвестр словно наяву увидел обманчиво мягкий профиль и длинные, цепкие пальцы, вцепившиеся в дубовые подлокотники. Его высокопреосвященство первым сказал то, о чем другие молчали: король и королева губят Талиг, они должны уйти, иначе страну ждут проигранные войны, голодные бунты, междоусобица и, в конечном итоге, распад королевства на враждующие между собой осколки.

Это было сказано в резиденции кардинала, потому что больше говорить было негде. Франциск и Алиса были непроходимо глупы, но вокруг августейшей четы вилось слишком много дриксенских гусей и гайифских павлинов. О, сами они ничего не делали, только восхищались мудростью августейшей четы. Талиг губило сидящее на троне ничтожество, а ничтожество пихала под локоть очумевшая коза, возомнившая себя великой королевой.

Диомид сказал, что считал нужным, и отвернулся. Он не смотрел на своих гостей, давая им время прийти в себя. Первым опомнился собрано Алваро. Он не колебался. Кэналлийцу было проще, чем Георгу Оллару, – между ним и троном стоял брат покойного короля, а Георг, говоря «да», протягивал руки к короне. Станным он был человеком, принц Оллар, убийство его не пугало, но обвинений в корысти он боялся.

Герцог Ноймаринен тоже молчал, только задумчиво глядел на дядю-кардинала и крутил украшенную изумрудами цепь. Четыре человека и портрет Франциска Великого. И еще молодой секретарь, скрытый книжными полками и не сводящий взгляда с гостей его высокопреосвященства. Зачем Диомиду понадобилось посвящать его в тайну, цена которой была жизнь, Сильвестр так и не понял, Диомид вообще был непредсказуем.

- Ваш шадди.
- Спасибо, Агний.
- Деша из Ургота.
- Хорошо.

Собрано Алваро любил шадди, он и приучил к багряноземельской отраве тогда еще молодого Сильвестра. Рокэ, тот хоть и знает толк в «успеде шадов», предпочитает вино. Два Первых маршала Талига – отец и сын. Такие похожие и такие разные, но к обоим намертво прилип ярлык счастливых. Алваро избежал всех покушений и умер в собственной постели, хотя еще вопрос, кого называть баловнем судьбы: того, кого милуют пули, или того, в кого не стреляют... А шадди паршивый, Агний так и не научился его варить, а может, делает это нарочно – надеется, что старый гурман меньше выпьет.

Агний верен и послушен, это хорошо для секретаря, а не для кардинала, он слишком поздно это понял. Герман мертв, Симон и Павел тоже, а Бонифаций спился и отошел от дел. Искать замену? Это требует времени, а его нет. Остается одно: поменять короля, потому что слабый король при слабом кардинале – это прыжок назад, во времена Алисы, только без надежды...

Нет, все-таки кто тогда спас Талиг и собрано, судьба или сам Алваро? Франциск Второй умер от яда болиголова, и принять яд он мог лишь в шадди. В шадди, который пил в обществе супруги и Первого маршала Талига. Ох, как Алиса стереглась убийц и отравителей! Именно при ней в моду вошли короткая рукава без манжет и кольца без камней. Высочайшую пищу проверяли королевские дегустаторы и гайифские и дриксенские агенты, отвечавшие головой за безопасность губящих Талиг идиотов. Покои их величеств, мебель, даже посуду стерегли в шестнадцать глаз. И все-таки не устерегли. Франциск Второй пожаловался на отвратительный привкус во рту, отказался от обеда и потребовал, чтоб его оставили в покое. Когда через два часа к королю явилась супруга, тот был мертв.

Зачем Алиса пригласила во дворец кэналлийского герцога, которого ненавидела всеми фибрами своей души? Зачем распорядилась подать шадди, которому царственная чета предпочитала шоколад или травяные отвары? Почему, несмотря на явные признаки отравления, не заикнулась о яде? Ответы очевидны. Королева решила избавиться от одного из главных своих врагов. Тинктура болиголова имеет отвратительный вкус, который проще всего скрыть в горечи шадди. Что же было дальше? Соберано догадался и поменял чашки или вмешался случай? Диомид предполагал первое, Сильвестр склонялся ко второму.

Рок играл с кэналлийскими герцогами в странную игру. Соберано ходил по натянутой струне, всякий раз избегая пропасти, из шестерых его детей выжил лишь младший, но как же ему теперь везет! Впрочем, все на везенье не спишешь, Ворон вырывает у судьбы победу за победой. Любопытно, что он учудит на море? В любом случае о бордонско-гайифской армии можно не беспокоиться, но в Олларии Рокэ делать нечего.

Герцог Алва отгонит от Фельпа волка и отправится в Урготеллу, нравится ему это или нет. Таково будет условие Фомы, который платит золотом и хлебом. И таков будет приказ короля Талига своему Первому маршалу. Королевский рескрипт нужен завтра, тогда через две недели он окажется в руках, нет, не Первого маршала, а гран-дукса Фельпа. С Рокэ станется сказать, что он ничего не получал.

Второй приказ отправится в Ургот к тамошнему послу. Граф Шантэри кажется выжившим из ума сентиментальным старцем, но он здоров, как бык, и хитер, как десяток лисиц, – другого при дворе урготского выжиги держать бессмысленно. Вдвоем они займут Ворона до будущей осени, и за это Фома получит Бордон, а Шантэри – земли Штанцлера, благо тот не озаботился супругой и детишками. Ну а Талиг обретет короля. Новый круг, новая династия – династия Ветра...

Сильвестр назвал всем врачам залпом допил сваренную Агнием бурду. Рука сама потянулась к звонку, но его высокопреосвященство удержался. Сегодня пить шадди он больше не будет, и вообще надо лечь спать пораньше. Вот ответит Фоме, примет епископа Придды и ляжет не позднее полуночи. До начала занятий в Лаик больше пяти месяцев, отчеты капитана и списки будущих унаров ждут... По большому счету, ждет все. И одновременно не ждет – Дивин не дурак, понимает, что наступление на юге может сорвать, только ударив на севере.

Без Альмейды оборона Хексберга ослабела, да и от Каданы можно ждать любой мерзости. В том, что решение расквартировать на каданской границе Первую резервную армию, было верным, Сильвестр не сомневался. Его смущал генерал Симон Люра, за которого усиленно ходатайствовали Манрики, изыскавшие средства для создания Второй резервной. С одной стороны, фламинго можно заподозрить в чем угодно, но не в любви к павлину. С другой – уверенным до конца можно быть только в своей подушке.

Хватит ли сил отбиваться в Надоре и Торке и наступать в Бордоне и Варасте? Должно хватить, но для этого в Талиге должна стоять тишь да гладь. Как на кладбище, и даже тише. Никаких восстаний, никаких смут...

Его высокопреосвященство пододвинул к себе краткие жития святых. Эсператисты делили рассветных ходатаев по целой куче признаков, Франциску разбираться в этой зауми было лень, и он раз и навсегда постановил: в глазах Создателя все святые равны, а посему их жития должны следовать друг за другом в соответствии с днями их памяти. Сильвестр раскрыл толстую книгу в самом начале. Третий день Зимних Скал – святая Августа. Мать святой Октавии. Или не мать? В житии первой королевы Талига было слишком много от сказки, причем невеселой. Нет, не стоит загадывать на святую Октавию... А на кого стоит?

Кардинал Талига поднялся, неторопливо подошел к окну, за которым догорал долгий летний день. Смотреть в закат – дурная примета. Почему – никто не знает, но дурная. Красное солнце по вечерам предвещает ветер... Ветер, это то, что нужно! Сильвестр вернулся к столу и написал на чистом листе: «Первый день Зимних Ветров».

3

Пленных разоружили, на захваченных кораблях оставили команды, способные поддерживать порядок. Выстрелы смолкли, и стало очень тихо. Люди переговаривались, умывались забортной водой, ругались, вспоминали погибших, смеялись над тем, что казалось смешным, скрипели весла, плескалась вода, и все равно это было тишиной и покоем.

Марсель взял у Герарда что-то отдаленно напоминающее полотенце и вытер лицо и руки. Хорошо, что все позади, еще одного похода в брюхе «ызарга» он бы не вынес. Жара медленно спадала, с моря потянуло легким ветром. Сигнальщики, горделиво подбоченясь, трубили «отдых», а в море медленно опускалось круглое алое солнце. Сражение кончилось, они победили, и даже погода сменила гнев на милость.

«Влюбленная акула» неторопливо шевелила веслами. Еще немного – и они в городе, а там – палатки Сирен, горячая вода, чистое белье и постель. Он будет спать до обеда, и никакой Герард его не поднимет. Да что там Герард, ему никто не указ, будь хоть маршал, хоть сам Создатель!

– Вас ждет монсеньор, – объявил Герард. Мальчишка едва держался на ногах, но физиономия у него все равно была счастливая. – Он в адмиральской каюте.

– Иду, – заверил Марсель, с трудом поднимаясь с совершенно восхитительного бочонка. Двадцать шагов до кормовой надстройки показались двумя хорнами.

– Где вас носит, виконт? – Волосы Рокэ были мокрыми, а вся одежда герцога состояла из расстегнутой рубахи, холщовых матросских штанов и какого-то амулета на цепочке. Адмиралы выглядели так же, только у них на шеях болтались эсперы, а голову и плечо Муцио украшали повязки.

– Пейте, – Фоккио Джильди протянул виконту кружку. Красное вино, разбавленное водой! По жаре лучше не придумаешь! Марсель смаковал божественный напиток, вполуха слушая разговор.

Победа была полной. Фельп потерял одиннадцать «ызаргов», в том числе пять брандеров и четыре галеры. Зато бордоны остались без галеасов и пятидесяти четырех галер. Четыре галеаса и двадцать галер взяты в плен, семнадцать удрали, бухта деблокирована, и Альмейде здесь делать нечего.

– Теперь дело за малым, – Джильди заговорщицки подмигнул Алве, – покончить с Капрасом.

– Зачем? – Рокэ казался удивленным. – Пусть гуляет по берегу и собирает бешеные огурцы, они вот-вот созреют.

– Вы не хотите его разбить?

– Нет, – пожал плечами Ворон, – сам сдастся. Деваться ему все равно некуда.

– Пожалуй, – кивнул Муцио. – Карло Капрас не глуп, сообразит, что к чему. Разрубленный Змей, сказал бы кто – не поверил! Это же победа, господа! Победа!

– Победа, – подтвердил Рокэ скучным голосом. Он тоже устал.

– Сегодняшний день войдет в историю Фельпа, – веско произнес Джильди. – И чудо это сделали вы.

– Прекратите, – отмахнулся Алва, – я рад был оказать вам услугу. Завтра я выпью с вами за победу, а послезавтра попрощаюсь с дуксами. Мы возвращаемся в Олларию, а Капрас пускай ждет талигойскую армию. Должен же Савиньяк получить хоть какое-то удовольствие.

Послезавтра?! Нет, он точно сумасшедший. После такого нужно три дня спать и неделю гулять, а не мчаться куда-то по мерзкой дороге, очертя голову.

– Вы с ума сошли, – Муцио оттолкнул стакан, – это невозможно...

– В самом деле, Рокэ, – Джильди казался обескураженным, – нельзя же так...

– Задержитесь хотя бы до Андий ³⁸, – молодой адмирал резко повернулся, и его лицо исказила боль. – Люди обидятся, если вы уедете, и потом... Пока вы здесь, мы хотели бы потолковать с дуксами и генералиссимусом по душам и рассчитываем на вашу помощь.

– Вы просто обязаны остаться, – Джильди положил руку на плечо Ворона, – иначе вы увезете нашу удачу, а весной она нам снова понадобится.

– Хорошо, – коротко кивнул кэналлиец, – мы задержимся до Андий, и хватит об этом.

– Надо решать с пленными, – торопливо напомнил Джильди. – Бросим жребий или у кого-то есть предпочтения?

– Полагаю, Фоккио хочет неповторимую Зою? – предположил Алва и, глядя на побагровевшего адмирала, пояснил: – Я далек от того, чтоб подозревать вас в нечестивых намерениях насчет этой дамы.

– Да, я прошу старших офицеров «Пантеры», – кивнул Джильди.

– И пусть Кимароза с Титусом лопнут со злости, – заключил Скварца. – И насчет каторжников тоже. Они им, видите ли, не верили, а бедняги сделали больше, чем от них ждали... Вечная память!..

– Муцио, конечно, о покойных принято говорить хорошо, к тому же я рискую подорвать вашу веру в человечество, но с каторжниками генералиссимус был прав. Эти разбойники изменили.

– Но как же?! – брови Муцио явно решили спрятаться под повязкой. – Я же сам видел... Неужели случайность?

– Можно сказать и так, – согласился Рокэ. – И вы сейчас находитесь в ее милом обществе.

– Что? – Муцио все еще не пришел в себя. – Что такое?!

– Адмирал Фоккио Джильди прятался в секретной каютке и, когда наши прощенные друзья выкинули серый флаг, поджег запалы. Кстати, надо не забыть посоветовать отцам города Фельпа запретить адмиралу Джильди чрезмерно рисковать. Он слишком хорош для того, чтоб собственноручно подрывать вражеские галеасы. Даже флагманские.

– Рокэ, – возмутился Фоккио, – кто бы говорил об осторожности?

– Я – другое дело, – Алва потянулся к стакану.

– А... – Скварца ловил ртом воздух, не зная, что сказать, и наконец выдал: – А что... что было в шкатулке?

– Киркорелла, – зевнул Рокэ, – розовая, с золотом. Очень красивая.

– Леворукий и все кошки его! Так вы... Вы с самого начала...

– Муцио, – Ворон укоризненно покачал головой, – я уповал на то, что в каторжниках заговорит совесть и все такое, но я должен был подумать и о том, что они поступят дурно. Увы, любовь к отечеству в них не проснулась...

– Если б вы не были маршалом, вам бы следовало податься в поэты. – Муцио основательно захмелел. Еще бы, рана, усталость, вино. – Я чуть не расплакался, слушая вашу речь, а в шкатулке сидел паукан.

– Стыдно, адмирал, – сапфировые глаза задорно блеснули. – Каторжники – люди невежественные, им прощительно, но вы... Не узнать монолог Генриха Седьмого из «Утеса Чести»?! Конечно, это не лучшая вещь Дидериха, и все же...

– Дидерих? – переспросил Джильди. – Это из пьесы?

– Разумеется. Неужели вы думали, что я способен на подобный бред? Правда, в «Утесе» каторжников проняло, они пошли за благородным Генрихом, все погибли, но спасли отечество, по поводу чего Генрих прочитал еще один монолог. Его я не учил, не думал, что до него дойдет. Если угодно, могу дать книгу, она в палатце.

³⁸ Андии – старинный праздник, распространенный на побережье Померанцевого моря и особенно любимый моряками.

– Увольте, – замахал руками Джильди, – после сегодняшнего?! Я всегда знал, что Дидерих – старый дурак, но чтоб такое!

– Ну и зря, – потянулся Рокэ. – В старикашке есть возвышенность. Он свято веровал, что каторжники, шлюхи, воры и изгнанники прекрасны просто потому, что они каторжники, шлюхи, воры и изгнанники.

– Рокэ, – простонал Муцио, – во имя Леворукого, пауканов вы тоже из-за Дидериха раз-малевали?

– Нет, из галантности, – вяло возразил Ворон. – Они предназначались дамам, а дамы серо-бурые тона не жалуют.

– В таком случае, Рокэ, – торжественно объявил Джильди, – вы просто обязаны забрать тех девиц с «Пантеры», от которых пауканы не шарахаются.

– Почему бы и нет, – кивнул Алва, – под ответственность виконта. И если ваш сын не против. Где он, кстати?

– С абордажниками, – махнул рукой адмирал, – у них там свои праздники. Паршивцу не нравится быть адмиральским сынком.

– Мне тоже не нравилось, – признался Муцио. – А вам, сударь, нравилось быть сыном Первого маршала?

– Не очень, – признался Рокэ, – но я утешался тем, что бывает и хуже и я хотя бы не сын короля.

Глава 2

Алат. Сакаци

«Le Six des Coupes & Le Chevalier des Bâtons & Le Deux des Épées»³⁹

1

Вверх-вниз, вверх-вниз, старая как мир забава. Летящие навстречу еловые кроны, запах роз и лаванды, белые облака, смех Мэллит. Матильда научила маленькую гоганни смеяться и качаться на качелях. Девушке нравилось это нехитрое развлечение, еще бы, ведь она впервые видела столько неба и столько зелени.

– Ну конечно, на качелях! – Матильда с хлыстом в руках стояла у векового тиса. – Мэллица, ты мне нужна.

Мэллит, как всегда, немножко замешкалась. Она все еще терялась, когда ее заставляли врасплох. Робер выпрыгнул из украшенной лентами лодочки и помог выбраться девушке. Она бы и сама справилась – Мэллит была гибкой и ловкой, но кавалер должен помогать даме, а дама должна привыкнуть к тому, что иначе и быть не может.

Эпинэ проводил взглядом вдовствующую принцессу и ее «воспитанницу». Если наследник рода Эпинэ женится на «незаконной внучке Эсперадора и алатской герцогини», будет скандал, но не больший, чем когда Рамиро Алва взял в жены Октавию. Робер Эпинэ был бы рад последовать примеру Предателя, но дело не в нем. Мэллит, превратившись в Меланию Таубер, не перестала любить Альдо.

Робер задумчиво подтолкнул опустевшие качели, те радостно взметнулись к высокому небу. Лето в Алате было чудесным – ярким, солнечным, но не жарким. Горная Алати вообще была изумительно красивой страной, где снились удивительные сны, которые хотелось удерживать, но разве можно удержать сон? Как всегда, когда на него накатывало то, что Матильда именовала филозопией, Иноходец отправился на конюшню: Дракко не помешает размяться, а ему – заглушить дурь стуком копыт.

Дракко, услышав хозяина, принялся месить опилки, что его отнюдь не украшало, бедные младшие конюхи! Робер укоризненно покачал головой. Дракко хрюкнул и изогнулся, норовя дружески боднуть хозяина, не спешившего с яблоками. Эпинэ засмеялся и протянул красавцу половину мьельки⁴⁰. Жизни без Дракко Иноходец не представлял, и эта любовь, похоже, была взаимна. К мысли о лошади прилепилась мысль о Вороне, подарившем ему это чудо. Шутка вполне в духе Алвы – прикончить хозяина и позаботиться о коне...

– Робер!

Дикон, и тоже на конюшне.

– Проедемся до Белой Ели?

– Конечно, – юноша улынулся, но как-то вымученно. Он вообще был вострепанным и потерянным. Матильда пробовала с ним говорить, но Дик бодро заверял, что все в порядке. Принцесса подумала и вынесла приговор: влюблен и в разлуке, Роберу сначала тоже так каза-

³⁹ Шестерка Кубков, Рыцарь Посохов и Двойка Мечей.

⁴⁰ Местный сорт яблок.

лось, потом он решил, что дело не в этом. Вернее, не только в этом. Ладно, захочет – сам скажет. Не лезь к другому с тем, за что прибил бы лезущего к тебе.

Эпинэ окончил седлать Дракко и вывел во двор, дожидаясь Дика. Лошадь у юноши была потрясающей – настоящая мориска, но на удивленье спокойная и дружелюбная. Эпинэ в глубине души надеялся, что Дракко если не быстрее, то выносливей, но возможности проверить не было. Горные дороги не предназначены для скачки галопом. Альдо – тот мог погнать коня через буераки с риском сломать шею и себе, и ему, но Дракко Роберу был слишком дорог. Как и Дику его Сона. Кстати, рыжий явно отличал мориску среди других кобыл. Надо поговорить с Диком. Конечно, в пару к Соне просится вороной мориск, но где ж его тут такого взять, а рыжий полукровка даст фору многим чистокровным...

– Робер!

Дик с Соной на поводу в темном провале арки казались сошедшими с эсператистской иконы. Будь лошадь белой – готовый святой Гермий!

– Поехали, – Эпинэ ухватился за гриву и вскочил в седло. Дракко фыркнул, но трогаться с места не спешил, косясь на вороную красотку.

– Они нравятся друг другу, – сообщил Робер Ричарду.

– Нравятся, – повторил юноша тусклым голосом. Во имя Астрапа, он что, всю жизнь собирается страдать? Робер направил коня к опущенному мосту, сзади раздался стук копыт Соны. Начинаясь сразу за рвом дорога змеилась среди поросших столь любимыми Матильдой елками склонов. Доцветал красный горный шиповник, тянуло дымом, из кустов то и дело вспархивали длиннохвостые, сварливые птицы. Дракко шел крупной рысью, а дорога была широкой, Ричард мог бы догнать, но не догонял. Не хочет разговаривать – не надо!

У стоящего особняком бука дорога разветвлялась: основной тракт шел через перевал и дальше, но Эпинэ свернул к Белой Ели. Обитатели Сакаци этого места избегали, потому Робер о нем и узнал. Конюхи объяснили любившемуся им гици, куда лучше не ездить, и гици, разумеется, туда и поехал. Дурное место оказалось красивым и спокойным. Посредине лесной поляны возвышался ствол давным-давно умершей ели, у ее подножия лежало несколько валунов и журчал родничок. Робер просидел на сером камне целый день, глядя то на мертвое дерево, то на проплывавшие над ним облака. Дракко и Клементу поляна тоже понравилась, и Эпинэ решил, что на Белую Ель возвели напраслину. Может, когда-то здесь и произошло что-то скверное, но дожди давным-давно смыли следы старой беды.

Тропинка снова раздвоилась, став совсем узкой, теперь Дикон, даже если б захотел, не смог бы ехать рядом. Поворот, еще один, из усыпанных черными ягодами кустов выпорхнула птица с пестрым хохолком, зазвенел ручей – теперь уже близко.

Белая Ель возникла неожиданно. Она всегда появлялась неожиданно и была прекрасной, хотя что может быть прекрасного в чудом устоявшем стволе, лишившемся коры и почти всех ветвей и выбеленном ветрами и дождями? И все равно белый обелиск посреди лесной поляны завораживал, отчего-то вызывая в памяти сгоревшую ару. Робер оглянулся, ожидая увидеть на лице Дика удивление, но юноша рассматривал гриву коня.

– Дикон, – рявкнул Иноходец, забывший о решении не лезть куда не просят, – во имя Астрапа! Что ты натворил?

Юноша вздрогнул и выпалил:

– Я отравил своего эра!

2

Он рассказал все, хотя решил не говорить ничего. По крайней мере пока не узнает, к чему привела его глупость. Дик говорил, сам не понимая, как умудрился запомнить все: разговор

с эром Августом, воду, льющуюся в бассейн на площади Святого Хьюберта, черные завитки на двери в кабинет Рокэ, багровые отблески камина. «*Вы спрятали в моем доме еще парочку праведников?*» Пришлось рассказать про Оноре, а потом и о диспуте, в котором эсператист победил оллариянца. Преосвященный говорил, что нельзя ненавидеть, ненависть – это грех, но Ричард Окделл не ненавидел Рокэ Алву. Он хотел спасти хороших людей, а другого выхода не было. Так казалось эру Августу, так казалось Дику, а что вышло?!

– Робер, – Ричард захлебывался в словах и воспоминаниях, как в мутной саграннской реке, – Дорак решил покончить со всеми. С Катари... ной Ариго, ее братьями, твоей семьей, Приддами, Карлионами... Кроме Окделлов... Эр Рокэ не дал. Он убил моего отца на линии, ты это знал?

– Это знали все. – Иноходец соскочил на землю, зацепил поводья за луку седла и, представив рыжего самому себе, опустил на серый камень. – Слезай и отпусти Сону... Нам еще говорить и говорить.

Это знали все... ВСЕ! Дик прыгнул на землю, нога подвернулась, но он все-таки сумел не упасть. Рокэ и отец стали на линию, секунданты не дрались, но они все видели. Мишель Эпинэ рассказал повстанцам, Салина – своим, Рокэ – Катари. Но почему это не дошло до Надора, почему молчала Катари? Да потому что не сомневалась: он и так все знает! Если что-то известно всем, об этом не рассказывают. Зачем повторяться?

– Робер, я не знал про линию... Мне сказал эр Рокэ, когда я налил ему вино. Я отравил вино вашим ядом. То есть из кольца Эпинэ.

– Дальше! – лицо Робера стало жестким.

Дальше?! Дальше Ворон рассказал о своей первой дуэли... Он говорил и пил, а Ричард Окделл смотрел.

– Эр в юности писал сонеты. – Зачем это Роберу? – Он прочитал... один... Очень хороший, я так никогда не напишу... Робер, он все знал! С самого начала... То есть не с самого, а как попробовал вино, и все равно пил. А потом сказал, чтоб я выпил с ним... Я налил себе. Робер, слово чести, я бы выпил! Чтоб все стало как на линии, ведь бывает, когда умирают оба участника.

– Бывает, – все так же холодно подтвердил Робер, – и часто. Редкость – это когда оба остаются живы.

– Я не знаю, жив ли эр, – Дик не мог смотреть в глаза Эпинэ и рассматривал седую колкую траву.

– Жив, – бросил Иноходец, – и здоров.

Еще один секрет, который знают все. Пока его носило из Криона в Агарис, пока он стучался в запертые двери, добирался сначала в Алат, потом в Сакаци, Робер получил известие из Талига. Рокэ жив, а... Святой Алан, что с Катари?!

– Что было потом? – Какое странное дерево, без коры, без веток, только ствол, белый, как обглоданная кость. – Рокэ пил отраву и читал стихи – это я уже понял. Потом ты налил и себе, но не выпил, почему?

– Эр... приказал мне поставить бокал. И сказал, что знает, кто дал мне яд. Я... Я схватил кинжал, но эр Рокэ его отобрал и вызвал Хуана...

– Кто такой Хуан?

– Слуга эра... Бывший работорговец.

– Вот как? И что сделал Хуан?

– Меня... меня заперли в моей комнате... Со мной сидел Антонио... Эра я больше не видел.

Да, не видел. Его сунули в карету с закрытыми окнами и куда-то повезли. Чего только он не думал, но не то, что ему отдадут Сону, сунут в руки зашитую в кожу шкатулку и выгонят из Талига...

– Я приехал в Крион. – Слова почему-то кончились, как кончается вино в кувшине. – Там была гостиница... Я открыл шкатулку, эр Робер. Там был кинжал и ваше кольцо... И все... Эр не стал ничего писать...

– Мерзавец, – с какой-то тоской произнес Робер и вновь замолчал.

– Кто? – не к месту брякнул Дик, хотя понимал, что Эпинэ говорит про его эра. Его бывшего эра. А он думал, что его поймет хотя бы Робер! Нет, он слишком много воевал и слишком мало знал Ворона.

– Кто? – переспросил Иноходец. – Да уж не ты... Кто Ворон, сказать не берусь, но то, что он есть, называется иначе. А вот Штанцлер... Во имя Астрада, да эту тварь повесить мало!

3

Сона положила голову на шею Дракко, солнечный свет серебрил разлетающиеся паутинки, над Белой Елью кружил ястреб. Красота, покой и подлость, дикая, немислимая, жестокая. Уж лучше б он сразу взял мальчишку с собой!

– Робер, – Дик все еще таращился на свои сапоги, – что в Талиге?

– Ничего. Что было, то и есть.

Что в Талиге, Робер не знал, но Ворон жив, иначе юный дурак до границы живым бы не доехал. Хорошо бы Первый маршал Талига свернул голову эру Августу! Раз и навсегда. Выкормыши Алисы всегда были хогбердами, но такое! Друг отца, спаситель отечества! Ну и спасал бы сам, если приспичило. Взял бы кинжал да саданул Ворона на Совете, благо такого от эра кансильера не ожидал даже Дорак! Так ведь нет, подослал мальчишку с чужим кольцом. Перстень Эпинэ!.. Словно Иноходцы какие-то гадюки!

Робер свистнул, подзывая Дракко. Рыжий весело заржал, откуда ему было знать, что его хозяина записали в потомственные отравители? Робер разобрал поводья и обернулся к Дику:

– Поехали.

Юноша молча поплелся к Соне. Нужно что-то сказать, но что?

– О том, что было, забудь. Хватит, что знаю я. Альдо и Матильда перебыются. Хотел бы я поговорить с твоим Штанцлером... И не только с ним!

– Робер... Что теперь будет?! Я ничего не сумел... Теперь Дорак всех... Из-за меня!

– Не из-за тебя, а из-за дриксенской твари. Да успокойся ты, ни с кем ничего не случится.

– А как же? – Астрада, как же он похож на Эгмонта. – Список...

– Список Дорака – такая же брехня, как кольцо Эпинэ. Будет тебе кардинал такие бумаги разбрасывать! Все вранье, Дикон, кроме одного. Август Штанцлер – лжец и мерзавец. Они все такие...

– Все?!

– Те, кто гребут жар чужими руками. Те, кто спровадил меня в Кагету и натравил бириссцев на Варасту. Те, кто сидит в Агарисе и жрет из гайифской кормушки. Наши отцы встали не под те знамена, Дикон, а у нас с тобой не было выбора...

Не было, и сейчас нет. Вернее, есть. Признать поражение и попробовать найти себе место под звездами. Талиг для них закрыт, но люди живут и в других местах и даже бывают счастливы.

– Робер, ты точно знаешь, что ничего не случилось?

– Случись что-то важное, барон Хогберд бы знал. Скорее всего, Алва скрыл твою глупость.

– Скрыл?!

– А зачем он, по-твоему, тебя выставил вместе с кольцом? Вот за этим самым. Нет тебя – нет улики, даже если Дорак что-то разнюхает, доказать ничего не сможет, а маршал будет молчать.

Молчать Ворон и вправду будет, но сидеть смирно – вряд ли.

– Ты ведь не сказал, кто дал тебе яд?

– Эр Рокэ сказал, что сам знает, – юноша вздрогнул. – Робер, а что, если он решил, что это ты?! Ну, когда мы прощались в Сагранне?

– Не решил. Ворон знает толк не только в вине, но и в драгоценностях. Я никогда не видел этого кольца, Дикон, но готов поспорить: твой эр знает больше меня.

– Правда?

– Успокойся, Алва о нас уже и думать забыл.

Захоти кэналлиец избавить мир от предпоследнего Эпинэ, он бы это сделал, но его отпустили. Сначала его, потом – Дика. Потому что они не опасны. Ворон воробьев не ловит.

– Но ее величество!

Ее величество... Мальчишка по уши влюблен, это даже Дракко видно, не говоря о Клементе. Угроздило же, хотя сам он лучше, что ли?! Он – нет, Мэллит – да. Девушки чище и благородней гоганни не найти, а Катарина Ариго – никакая. Ни красоты, ни ума, так, кукла в черно-белом, не будь она королевой и не наплети Штанцлер про ее страдания сорок сундуков вяленых кошек, Дик бы на нее и не взглянул.

– С ее величеством ничего не случилось.

И вряд ли случится. Штанцлер и Ариго столько раз выходили сухими из воды, выйдут и сейчас. Вот Окделлы и Эпинэ – те точно ломают шеи на ровном месте.

Глава 3 Оллария. Сакаци

«Le Six des Coupes & Le Huite des Êpêes & Le Neuf des Coupes»⁴¹

1

– Айрис Окделл, – пропела королева, – подойди сюда.

Айри мотнула головой, как жеребенок, и подошла, угрюмо глядя в пол. Девчонка возненавидела Катарину с первого взгляда, и Луиза понимала, в чем, вернее, в ком дело. В Рокэ Алве, за которого дурочка собралась замуж. Ну и пусть бы ненавидела, но про себя, так ведь нет! Луиза пыталась объяснить Айри, что без притворства только еж живет, потому как с иглками, но без толку.

В конце концов Луиза махнула на воспитанницу рукой, тем паче Селина тарашилась на ее величество с обожанием. Вот и ладно. Пусть дочка обожает – так безопасней. Пусть Айрис шипит и пускает искры – это отвлечет Катарину от настоящего врага. Она шипеть не будет, а укусит, дай только подползти поближе.

– Сядь, – королева указала глазами на пуф у своих ног, который Айрис ненавидела всеми фибрами своей души. Девица Окделл села, и на том спасибо.

– Айрис, утром мы видели вашу матушку. Она посылает вам свое благословение.

Браво, Катарина! Вырвать у Мирабеллы благословение для беглой дочери надо уметь! Луиза дорого бы дала за то, чтоб послушать, как любовница Рокэ Алвы объясняет вдове Алана Окделла, что Айрис следует оставить в доме Ворона. Если королева нашла доводы, способные пробить такой лоб, других и подавно окрутит. Только зачем ей под боком Айрис?

– Милая Айри, – ручка королевы накрыла руку девушки, и та дернулась не хуже самой Катарины, – мы так рады, что ты остаешься с нами.

– Благодарю, ваше величество, – выдавила из себя Айрис. И на том спасибо. Королева нежно улыбнулась и поднялась. Сейчас потащится к своей арфе, чтоб она ей на ногу свалилась.

Катарина хорошо играла и неплохо пела, но при первых же аккордах Луизе хотелось опрокинуть на августейшую музыкантшу чесночную подливку. К счастью, на сей раз до пения не дошло: распахнулась дверь, и перед королевой и ее дамами предстал его величество Фердинанд Второй.

Луиза видела короля и раньше, но все больше издали. Его величество был весьма недурен собой, хотя мог бы малость и похудеть.

– Ваше величество, – светлые глаза Фердинанда сияли, – мы счастливы сообщить вам о победе.

– Какая радость, – королева блохой отскочила от проклятой арфы, к сожалению, не наступив на шлейф. – Благодарю ваше величество за столь прекрасную новость.

– Это была блестящая военная операция, – Фердинанд радовался, как мальчишка, – блестящая!

⁴¹ Шестерка Кубков, Восьмерка Мечей и Девятка Кубков.

Разумеется, блестящая! Ведь за дело взялся не кто-нибудь, а Рокэ Алва. Но если король получил известия, то, может, пришло письмо и для нее. Не от герцога, от Герарда. Сын обещал писать при каждом удобном случае, а мальчик держит слово.

– Мы спасли Фельп, – бушевал Фердинанд. – Теперь все знают, кто хозяин в Померанцевом море!

Все знают. И коронованная шлюха тоже.

– Ваше величество, – шлюха тарашилась на венценосного супруга с видом юной причастницы, – а что известно о маршале Алва? Среди моих дам мать и сестра порученца герцога, они были бы счастливы знать...

Вот дрянь! Хочет приручить их с Селиной? Или хочет узнать, когда ей юбку задерут, а прячется за других?

– Герцог прислал нам отчет о сражениях, но это чтение не для прекрасных дам, – не мог остановиться король, – скажу лишь, что это был изумительно тонкий план. Настоящая вершина стратегического искусства, и маршал осуществил его лично. Первый маршал Талига поразил своими подвигами весь Фельп. По решению Дуксии его мраморная статуя будет установлена в галерее Славы.

– Он не ранен?

Ах, какие мы заботливые! Или наоборот? Хотим, чтоб было худо? Дак не будет тебе такой радости!

– О нет. Потерь среди талигойцев нет. – Фердинанд от избытка чувств сиял не хуже полной луны. Славный человек, не то что жена. Славный и добрый, храни его Создатель!

– Слава святой Октавии, – закатила глазки Катари. – Мы молились за победу и за то, чтоб воины вернулись к тем, кто их ждет.

– А кто из ваших придворных ждет сына и брата? – спросил король, усаживаясь на пуф и скрывая его целиком.

– Госпожа Арамона и ее дочь, – пропела ее величество, улыбаясь его величеству.

– Мы хотим их видеть, – пропыхтел Фердинанд.

Луиза послушно сделала реверанс. Король милостиво кивнул, но, когда примеру матери последовала Селина, кивком не обошлось.

– Какая красавица, – восхитился Фердинанд, – волосы как солнышко... Сколько тебе лет, дитя?

– Будет семнадцать, – пролепетала Селина, заливаясь краской, – весной...

– Она младше, чем были вы, когда мы встретились, – Фердинанд поцеловал супруге руку и вновь обернулся к Селине: – Мы можем что-нибудь сделать для вас?

– О, – дочка дрожала, как осиновый лист, – ее величество так добра, так добра...

– Да, – король соизволил подняться и потрепать Селину по щечке, – ее величество – сама доброта. Но если тебе или твоему брату что-нибудь потребуется, не бойся попросить нас.

– Мы счастливы служить вашему величеству, – Луиза как могла неуклюже протиснулась вперед, загородив дочь. Фердинанд – славный человек, но Катари – змея. Вряд ли ей нравится, что супруг, каким бы он ни был, сюсюкается с молоденькой девочкой и напоминает, что королеве давно не семнадцать. Увы, короля придется испугать. А что может быть страшней уродливой мамыши? Фердинанд, правда, оказался не из пугливых.

– Теперь мы видим, в кого у вашей дочери такие волосы, – улыбнулся Фердинанд Оллар. – Селину мы запомнили. А как зовут вашего сына?

– Герард, – проямлила Луиза и поправила: – Герард-Жозеф-Ксавье Арамона ли Кредон.

– Мы только что подписали патент на его производство в офицеры. Маршал Алва отзывается о нем как о расторопном и смелом молодом человеке.

Рокэ доволен Герардом... Слава Создателю, она так боялась, что мальчик разочарует кэналлийца.

– Благодарю, ваше величество.

– Пустое... Вы и ваши дети можете рассчитывать на нашу благосклонность. Дорогая, – король поцеловал супруге руку, – мы созываем Лучших Людей, дабы обрадовать их известиями из Фельпа. Вечером мы навестим вас.

– Я буду ждать ваше величество, – проворковала Катарина. Луиза очень надеялась, что она не заметила неистовой ненависти в глазах Айрис Окделл.

2

Альдо, по своему обыкновению, стуком не озаботился, влетев к Роберу, как к себе. Возмущенный подобной бесцеремонностью Клемент восшипел и удалился, а сюзерен плюхнулся на стул и выпалил:

– Надо что-то делать!

– С чем? – переспросил несколько обалдевший Иноходец.

– С Ричардом... Я, конечно, понимаю, он – юноша вежливый, но нельзя же тянуть до бесконечности.

Робер Эпинэ с удивлением воззрился на Альдо Ракана. Последнее время у сюзерена появилась премилая привычка. От разговора с самим собой он переходил к разговору с другими, отчего у собеседников отвисала челюсть.

– Альдо, ты о чем? При чем здесь Дикон?

– Да при женитьбе этой дурацкой, – Альдо вытащил из корзинки, какую Клемент почитал своей нераздельной собственностью, миндальное печенье и принялся грызть. – Меня никто не спрашивал, невесту никто не спрашивал, а расхлебывать мне. Я же не слепой, вижу, Дикон глаза прячет. Я его спрашивал, в чем дело, он говорит, ни в чем, а я про этих Окделлов слышан, они все всерьез принимают...

Ну, положим, всерьез все принимают не только Окделлы, но и кое-кто другой, но у Ричарда и впрямь не лицо, а грифельная доска – читай не хочу! Неудивительно, что Ворон все понял.

– Ричард о тебе и своей сестре, к слову сказать, ее зовут Айрис, со мной не говорил. И вообще чего тебе бояться – где Алати, а где Надор! Мирабелла Окделл должна понять, что ваш брак сейчас невозможен.

– Сейчас – да, – принц принялся за второе печенье, – но, когда я вернусь в Кабитэлу, мне предъявят кошкину прорву счетов. И первым будет этот. Даже если Айрис к этому времени выдадут замуж, у нее есть сестры, а у меня нет ни малейшего желания связывать себя даже с Окделлами. Я женюсь не для того, чтоб порадовать какое-нибудь семейство, а чтобы усилить трон. Лучше всего подойдет кто-то из дочерей Фомы Урготского. Дриксенские принцессы слишком много о себе полагают, и потом, привязывать себя к кесарии – упаси Создатель!

– А как же Альберт? – пробормотал Робер. – Матильда что-то такое говорила.

– Да знаю я, – отмахнулся Альдо. – Альберт хочет нас с тобой продать на племя. Тебе хочется быть мужем при коронованной жене или, еще хуже, при дочке какого-нибудь завалящего дожа? Мне – нет! И вообще я женюсь только после коронации.

– Ты так уверен...

– А ты нет?

Уверен. В обратном. Но говорить это Альдо бесполезно, он верит в свою звезду, и его еще не била жизнь.

– Я стал суеверен. Мы слишком много насочиняли перед поездкой в Сагранну...

– Глупо было, – согласился Альдо, – гоганы ничего не понимают ни в политике, ни в военном искусстве. Торгаши и повара, они и есть торгоши и повара. Хорошо, что мы от них отделались.

– Ты в этом уверен?

– Конечно, иначе они б тут кишмя кишели. Мэллит говорит – без ары Енниоль ничего не может, а здешние гоганы уже почти не гоганы.

– Прости, не понял.

– А чего понимать, клали они на всякое первородство, им лишь бы деньги грести. У них даже имена алатские, ни балахонов тебе, ни бород, ни благовоний, и говорят без вывертов. Сразу и не поймешь, что гоган. Ладно, ну их, надо решать, что с Ричардом делать. Сил нет смотреть, как он кукуется

– Альдо, уверяю тебя, к Айрис это не имеет никакого отношения. Я даже не уверен, что он знает о вашей помолвке.

– Тогда с чего он молчит и врет?

– Мне кажется, – нашелся Робер, – ему не хватает приключений. Побывав на войне и пожив в столице, трудно сидеть смирно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.